ИРИНА ЦЫПИНА

современная проза

Лабиринт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наверное, определяющим в написании моей новой книги (новелл и дневников) стал огромный интерес моего Поколения к истории нашего Времени. Век XX – до сих пор непрочитанная книга. Мне очень хотелось понять и вспомнить все то, что было с нами совсем недавно, в Эпохе, которая уже почти исчезла, как выгоревшая Звезда. Но фантомы Прошлого еще кружат над нашими судьбами… В Истории было столько тайн, недосказанности, столько имен и знаковых личностей… Столько роковых судеб, столько жестокости, непредсказуемости, радости и боли. Ничего не должно исчезнуть из океана человеческой Памяти! Цивилизацию сохраняют Люди.

Приятного чтения, до новых встреч!

Ирина Цыпина

- Ирина Цыпина
  - ○
  - ○ Откровения автора
  - ○ Новеллы о любви…
    - ■ Шахматистка
    - ■ Дочь мента
    - ■ Порочный круг (лат. Circulus vitiosus)
    - ■ Город потерянных детей
    - ■ Игра воображения
    - ■ Повесть об исчезнувшем времени
    - ■ Наваждение
    - ■ Казино
    - ■ Мистика картин
    - ■ Новогодняя сказка
    - ■ Красивый был роман
    - ■ Повесть о Беренике
      - ■
      - ■ Глава первая: Потомки Ирода Великого
      - ■ Глава вторая: Страницы романа последней Иудейской принцессы Береники и будущего Римского императора Тита
      - ■ Глава третья: Триумф торжества и боль поражений
      - ■ Глава четвертая: Праздник победителей
      - ■ Глава пятая: Любовь и власть
  - ○ Альбом моих впечатлений
    - ■ Шварцвальд (сюжет для небольшого

путешествия)
- Амстердамские каникулы
- Осень в Эйлате
- Венское Ожерелье
- Послание из 15-го века: Тайны Великого Леонардо

- notes
  - 1

Ирина Цыпина
Лабиринт (сборник)

Моему самому близкому другу –
мужу Саше посвящаю с любовью

Откровения автора

Дорогие друзья! Я журналист, живу и работаю в Израиле. Пишу прозу и стихи. Автор книги об эмиграции 90-х «Бегство из Рая или emigration.ru». Дипломант Германского Международного Литературного конкурса «Лучшая Книга Года»-2016.Участвовала в создании Международного Интернет-Проекта русской эмиграции «Другие Берега». Публикуюсь во многих русскоязычных изданиях Израиля, Германии, России, США, Канады.

Моя НОВАЯ книга обо всех нас – наших чувствах, наших судьбах и нашей Памяти. Вот уже несколько лет я веду сетевой литературно-публицистический журнал «Лабиринт25» (http://labirint25.com/) и тесно общаюсь с вами в режиме on-line. Мои сюжеты возникли совершенно спонтанно из ваших слов, мыслей, фраз, впечатлений, из Вашей электронной почты и самой жизни вокруг нас.

Наверное, определяющим в написании моей новой книги (новелл и дневников) стал огромный интерес моего Поколения к истории нашего Времени. Век XX – до сих пор непрочитанная книга. Мне очень хотелось понять и вспомнить все то, что было с нами совсем недавно, в Эпохе, которая уже почти исчезла, как выгоревшая Звезда. Но фантомы Прошлого еще кружат над нашими судьбами… В Истории было столько тайн, недосказанности, столько имен и знаковых личностей… Столько роковых судеб, столько жестокости, непредсказуемости, радости и боли. Ничего не должно исчезнуть из океана человеческой Памяти! Цивилизацию сохраняют Люди.

Приятного чтения, до новых встреч!

Ирина Цыпина (Азаренкова)

Новеллы о любви…

Шахматистка

(Ироническая проза – черно-белый вариант)

Тоненькая девочка, бледненькая, невзрачная. Одета во что-то невыразительное, серое. Тихий голос, почти шёпот. У меня сразу срабатывает материнский инстинкт, хочется пожалеть, обогреть. Но не будем торопиться.

У неё чуть косящий взгляд. Анемично-синеватые тонкие губы не расцвечены помадой. Молочно-белое плоское лицо без макияжа выглядит неестественно прозрачным и обращённым внутрь себя. Гладкие тёмно-матовые волосы собраны в небрежный узел, без жизни и без блеска, они кажутся искусственными, ненатуральными. И вся она вызывает щемящее чувство незащищённости, похожая на серого бездомного воробья, дрожащего на ветру. Хотя какой ветер в нашем хамсинном краю?

Хочу её разговорить.

– Мода? Косметика? Парфюм?

– Нет, не интересно.

– Книги?

– А кто эта Франсуаза Саган? Дэн Браун? Харуки Мураками?

Морщит недовольно лоб.

– Музыка? Джаз? Дюк Эллингтон? Глен Миллер?

Молча хмурит тонкие нервные бровки.

– Кино? Политика?

– Нет, нет и нет! И телевизора дома тоже нет. Зачем?

Мне странно и грустно. И нет ответа. Неужели это и есть поколение next?

Но я разочарованно продолжаю свой допрос с пристрастием:

– А у тебя есть хобби? Ты хоть чем-нибудь увлекаешься?

Впервые на неподвижном личике обозначилось подобие улыбки и вялые губы прошелестели:

– Шахматы.

Что общего между поступками людей и шахматной партией? Игра, интуиция, выбор, принятие решений, страсть к победе? А может, шахматы и есть та модель, которая иногда заменяет нам жизнь?

В этой шахматной истории переплелись игра, интрига и живые люди, судьбы которых, как оказалось, так легко можно сломать.

Тайну своего рождения Наташа знала только в общих чертах.

В старину это назвали бы «ошибкой молодости». У её молодой и очень правильной мамы случилось именно так: головокружительный роман, 10-й класс, свидания на катке и в кино, самые главные в жизни слова, а потом… Потом было то, что так часто случается в жизни молоденьких влюблённых девчонок: ссоры без причин, расставание навсегда, слёзы растерянности, шок ненужной беременности. И мама-девочка осталась одна с двумя игрушечными свёртками на руках.

Это было розово-голубое чудо – мальчик и девочка, близняшки. Саша и Наташа. Их детство было холодным и не очень приветливым: ясли, детский сад, корь, скарлатина, коклюш, даже таблетки и компрессы – без мамы. Мама много работала, училась, а они всегда ждали… Она приходила поздно, уставшая, измученная и всегда хотела спать. Чтобы дети не мешали и чтобы их занять, она научила их играть в шахматы, которыми маленькая Наташа зажглась на всю жизнь. Именно шахматы научили её по-взрослому продумывать многовариантные ходы, не сдаваться, закручивать игру как главную интригу жизни и побеждать хладнокровно, жёстко, расправляясь с противником на чёрно-белой доске, как на поле боя, без сожаления и без эмоций. Их шахматные партии с братом были серьёзным, недетским выяснением позиций двух равнозначных соперников, двух антагонистов, вынужденных на время заключать мирные соглашения. Отныне они играли только на чёрно-белом шахматном поле, которое им заменило кубики, игрушки, конструктор «Лего» и даже любимую детскую железную дорогу.

Когда им исполнилось шесть и они уже умели читать, мама вдруг расцвела. Она похорошела, стала весёлой и смешливой, пела песни, шутила, придумывала разные игры. Однажды она, заговорщически прищурив глаза, сообщила:

– Скоро у вас будет настоящий папа. Его зовут Слава, он хороший и добрый. Дети, мы с ним летом едем к морю, согласны? Ура!

И они поехали в прекрасный город на Чёрном море, где были морской бриз, белые пароходы и экзотические фрукты, невиданные в их захолустном уральском городке. Это было счастливое лето. Саша и Наташа научились плавать и даже нырять. Мама и Слава постоянно целовались, обнимались и не видели никого вокруг. Всем было хорошо. Но так не бывает! На дне каждого счастья есть осадок, как яд, которым так легко отравиться. Маме было слишком хорошо со Славой. А они, Саша и Наташа, были как сопутствующий, но обязательный довесок к её счастливой женской судьбе.

И здесь, в расслабленном морском раю, была разыграна

первая в жизни Наташи настоящая партия со всеми атрибутами шахматной игры.

Они снимали квартиру в густонаселённом курортном дворике на набережной, где кругом ютились отдыхающие – «дикари». На каждой «жёрдочке» пили, ели, спали разомлевшие от жары пляжники, было суматошно и весело.

Впервые у Наташи появилась взрослая подружка с необычным именем Лика, которой было уже почти 12 лет. Лика приехала в гости к бабушке. Из Риги. Яркая, броская, с обгоревшими на солнце прядями светлых волос; она выглядела значительно старше своего детского возраста. Лика знала всё и про всех, а для Наташи стала настоящей «энциклопедией взрослой жизни». Она первая узнала от Наташи, что у них с Сашей скоро будет новый папа, что они с братом заброшены мамой, как ненужные игрушки, и что мама любит только его, Славу, а не своих родных детей. Маленькая Наташа ревновала, страдала и плакала… Но недолго. Именно тогда шахматы научили её принимать решение. Итак, вместе с Ликой был разработан хладнокровный план мести, который, поверьте, до сих пор мне, взрослой женщине, кажется надуманным и до глупости неправдоподобным. Но это правда.

Красивому, самодовольному Славе была подброшена на пляже записка, написанная Ликой: «Слава, мы с Вами где-то встречались. Вы так смотрели на меня вчера на пляже, помните? Наверное, это судьба. Завтра в 20:00 возле кафе “Парус” за гостиницей “Ореанда” я жду Вас. Буду в белых джинсах и красной футболке. Вы меня сразу узнаете. До встречи».

Холодно и невыразительно Наташа сообщила маме о том, что есть один секрет, который она не может рассказать, что она поклялась хранить эту тайну вечно, но не может не поделиться с мамой, так как это – про Славу. Сбиваясь и волнуясь, Наташа рассказала, где и когда у Славы назначено свидание. И наивная мама поверила (зачем? почему?) в предательство обожаемого ею Славы.

Назавтра был грандиозный скандал у входа в кафе «Парус», где любопытный Слава тщетно ждал незнакомку в белых джинсах и красной футболке. Но на встречу пришла разъярённая, злая, как фурия, его невеста, объявившая о своём немедленном отъезде. Больше Славу никто никогда не видел. Он ушёл из жизни мамы, Наташи и Саши.

Возможно, всё бы сложилось иначе в жизни молодой Наташиной мамы, но замуж она так и не вышла. И, что странно, мама так никогда и не узнала об этом злом розыгрыше, который устроила её малышка-дочь и который так легко разрушил её женское счастье.

* * *

В школе подружек у Наташи не было, общение с ними ей заменяли шахматы. В первом классе мама записала Сашу и Наташу в шахматную детскую секцию во Дворце пионеров. Но Наташе там категорически не понравилось. Она не смогла смириться с тем, что в игре неминуемы поражения. Каждый проигрыш был для неё стрессом, настоящим горем, потерей. Каждая игра была живой и кровавой битвой, в которой она проживала всю свою маленькую жизнь без остатка.

Вскоре их детский доктор, добрейшая Анна Игнатьевна, знавшая Наташу с младенчества, рекомендовала маме забрать девочку из секции, так как её нервная система не справляется с этими психологическими нагрузками. Саша остался в секции без сестры. Его хвалил тренер, он ездил на соревнования, его рассматривали как одарённого юного шахматиста с большой перспективой. Но с сестрёнкой произошло медленное и непонятное охлаждение. Отчуждение навсегда. Никто не мог понять: «Почему? Близнецы – и как чужие. В чём причина?» Но ответ был. Тоже странный, но верный: «Шахматы».

Когда Наташа училась в седьмом классе, состоялась ещё одна «шахматная партия», и соперницей в этой игре стала мама. У мамы появился друг. Павел Леонидович Седов. Успешный, обеспеченный, свободный. Он был значительно старше мамы, но выглядел очень презентабельно. Всегда безукоризненно одет, подтянут, изысканно красив. Лёгкая седина, дымчатые загадочные стёкла очков в модной оправе совсем не старили его, а наоборот, делали ещё более аристократичным. От него шла мощная волна успеха, которая не могла не волновать всех, кто был рядом. Всё ему с лёгкостью давалось, удача, казалось, не изменяла ему никогда и ни в чём. Директор крупного строительного треста, волевой, умный, харизматичный. Он сделал маму почти счастливой: дорогие изысканные подарки, букеты потрясающих живых роз даже в мороз и снегопад, внимание и забота, которые, как воздух, нужны каждой женщине.

На день рождения мамы Павел Леонидович пригласил её в ресторан впервые вместе с детьми. Мама очень волновалась, заранее сделала в салоне красоты торжественную причёску, модный макияж. В маленьком чёрном платье в стиле Коко Шанель с ниткой мерцающего розового жемчуга на высокой шее она выглядела настоящей леди. Горели свечи, в хрустальных бокалах играло дорогое вино, звуки музыки создавали атмосферу дивного праздника, который кто-то щедро подарил им в этот незабываемый вечер.

Наташа сидела напротив Павла Леонидовича, односложно отвечая на его вопросы, немного бледнея то ли от смущения, то ли от выпитого шампанского. В какой-то момент она под столом сняла новые туфли на высоченных шпильках – ноги устали от каблуков, ведь это так естественно. И вдруг правая нога Наташи в дымчатых ажурных колготках, как струна, под белоснежной накрахмаленной скатертью коснулась колена обмершего Павла Леонидовича. Ногу Наташа убрала не сразу, пристально глядя в его глаза. Мама ничего не заметила, она весело щебетала, не понимая, что происходит. Брат Саша молчал. Назавтра Павел Леонидович позвонил Наташе. Начался её взрослый роман.

Наташа не читала Набокова и не знала, кто такая Лолита, но в их романе с Павлом Леонидовичем присутствовала та же аура запретной порочности, греховности, что и на страницах великого романа о любви. У Павла Леонидовича дома была большая библиотека. В одной из книг, взятых с полки наугад, она прочитала непонятный текст: «Если бы влюблённость длилась слишком долго, люди умирали бы от истощения, аритмии и тахикардии, голода либо бессонницы…» Это было про них.

Через год Павел Леонидович серьёзно заболел, инсульт. Наташа пришла в больницу всего раз. А потом решила, что лучше она запомнит его здоровым и сильным, чем будет наблюдать медленное угасание его и их романа. У него слезились глаза, он не мог говорить, задыхался, а она смотрела на него, стараясь запомнить навсегда.

Больше она его не видела. Никогда. Но он успел за время их короткого романа подарить Наташе квартиру, сделав её неожиданно богатой невестой в их уральской глуши.

Их заброшенный, убогий городок вызывал у Наташи приступы депрессии, здесь ей не хотелось жить. Мама и брат давно стали чужими. Кругом разруха, серость, бедность, пьянство. Бежать, бежать, бежать… Но куда? Москва пугала её своим столичным снобизмом и неприветливостью. Быть лимитой в большом и чужом городе для Наташи казалось оскорбительным. И вдруг в её шахматной головке, не очень загруженной информацией, возник практический и вполне реальный план. Отъезд в другую страну.

За очень смешные деньги она оформила соответствующие документы на ПМЖ. Пришлось ещё немного добавить на то, чтобы соответствовать критериям приёма в жаркую, хамсинную страну на Ближнем Востоке. Только туда был реальный шанс попасть быстро, без длительного ожидания. И с одним чемоданчиком в руке Наташа смело шагнула на трап самолёта.

С людьми, которые летели с ней в самолёте, у неё не было

ничего общего. Эти люди – шумные, крикливые, непонятные, раздражали её, мешали сосредоточиться, ведь ей надо было ещё продумать свою новую «шахматную партию» под названием «новая жизнь».

Её поселили в центре абсорбции. Она получила на входе какие-то деньги, стала учить язык. Потом жила в кибуце, что помогло сохранить полученные деньги. Несколько лет потребовалось на адаптацию. За это время у неё было несколько романов, благодаря которым она смогла бесплатно учиться на курсах, не платить за жильё и даже ездить в Европу. Наташа побывала в Риме, Париже, Лондоне, и каждый раз это было романтическое путешествие с другом. Страсть, любовь, праздник души, но почему-то всегда – без продолжения. Её романы заканчивались расставанием без слов и объяснений. Нужно было что-то менять. Ей нужна была надёжная опора в чужой стране, один постоянный мужчина, преданный, сильный, надёжный.

И «шахматная партия» опять была расписана во всех деталях и подробностях. Так состоялся её «брак по Интернету».

Прежде всего был написан бизнес-план. Выбраны основные критерии отбора: давно в стране, образование – высшее, специальность – топ-менеджер, системный программист, пластический хирург… Место работы – солидные государственные фирмы с высокими зарплатами и всевозможными системами бонусов и страховок. Возраст – 35+. Без детей и алиментов. Машина, квартира, солидный счёт в банке – обязательны.

Эти требования Наташа записала в отдельный файл компьютера, где всем претендентам выставляла баллы соответствия А в Интернете появились: нежный, наивный девичий текст о том, что молодая девушка хочет спастись от одиночества, и милая фотка, которая была растиражирована по всем сайтам знакомств.

Посыпались предложения. Это было нелегко: составить график встреч, проанализировать каждую встречу, отбраковать лишних. После сложного поиска был выбран кандидат, которому она наконец была готова вверить себя и свою судьбу.

Ему было под 40, но разница в возрасте почти в 20 лет её не смутила. В эту страну он приехал ещё в раннем детстве, но не забыл русский, с ним легко было общаться. Он никогда не был женат. Жил с родителями. Работал много лет программистом в суперсекретной государственной фирме, зарабатывал очень приличные деньги и никогда ни на что не тратил. Он собрал деньги на покупку дома и мечтал о браке. Но в личной жизни ему хронически не везло, и на это была причина. Лысый, рыхлый, с

выпученными водянистыми глазами, он абсолютно не нравился женщинам. Когда Наташа увидела его впервые, то первая мысль пронзила: «Какой урод!». Но она тут же приказала себе: «Он – то что надо». Ей не потребовалось много времени, чтобы влюбить его в себя, он был заочно уже готов к любви. Через месяц Наташа забеременела, и они расписались на Кипре. Первое условие Наташи – составление брачного договора, где было оговорено, что в случае развода всё имущество они разделят пополам и он не станет чинить препятствий отъезду их будущего ребёнка в другую страну.

Он безропотно согласился. Хотя всё их имущество на день договора было заработано им, собрано благодаря редкому качеству – экономии на всём, чём можно и нельзя. Он не посещал рестораны, не ходил на выставки и концерты, ни разу не был за границей, не покупал модные вещи в фирменных магазинах. Он привык быть аскетом, и это стало нормой его уклада.

А тут ещё кризис подоспел. Все, у кого были деньги, стали искать, куда их вложить. И Наташа провела ещё одну блестящую игру на чужом поле. Она убедила своего новоиспечённого супруга, что не время покупать дом в Израиле, надо спасать сбережения. Все его деньги нужно срочно вложить в недвижимость, и выгоднее всего это сделать заграницей. Самый перспективный район для инвестиций – это Россия, её родной Урал. А так как она обладательница российского гражданства, то она на себя оформит покупку недвижимости в своём родном городе, которого даже нет на карте. Через 20 лет эта недвижимость взлетит ввысь и сделает их миллионерами.

Представьте, ей удалось провернуть этот, по сути смешной, трюк. Капитализация их брака была проведена легко и быстро. Купленная недвижимость в глубинке России в виде огромного добротного дома и двух квартир в престижном районе, двух земельных участков была оформлена на Наташу. Да ещё квартира Павла Леонидовича. Вот такой расклад.

Сценарий дальнейших событий я не буду расписывать. Вам всё и так понятно. Её интернетный супруг остался без денег с призрачными надеждами на туманное будущее в этом непрочном «шахматном» союзе.

Наверное, мой рассказ вас не удивил, бывает и похлеще. Не ново. Видели, слышали… Но каждый раз, когда вас пронизывает волна жалости и сочувствия к хрупкой бедной девочке, внимательно присмотритесь. А может, в её яркой сумочке до сих пор припрятаны секретные шахматные фигуры, играющие против вас?

Дочь мента

(эмигрантский рождественский пирог)

Когда через много лет я вспоминаю, как мы здесь начинали, то сразу перед глазами – картинка, не потускневшая от времени: жара, хамсин, ульпан… И, конечно, она – Лина.

Когда первый раз мы с мужем пришли в ульпан, была перемена. Все приехавшие вчера израильтяне высыпали на лужайку старинного иерусалимского дворика. Делились впечатлениями о новой стране, знакомились, возбуждённо вспоминали отъездные хлопоты, пили дешёвый кофе «Башковиц» из пластиковых стаканчиков. Но над всем этим беспечным шумным «трёпом» витало непонятное облако тревожного ожидания, напряжённости, концентрации нервов и чувств.

А в стороне от толпы, на ступеньках витой металлической лестницы, ведущей на 2-й этаж, стояла девушка в дорогих фирменных очках и высокомерно щурилась сквозь туманные, дымчатые стёкла. На запястье небрежно болтается Cartier, в длинных пальцах с кроваво-красным маникюром – тонкая сигарета, стрижка каре и волосы цвета блонд. Всё ужасно контрастно и стильно. В солнечных лучах летнего дня она казалась абсолютно нездешней и случайной, попавшей непонятно зачем на эти олимовские посиделки.

Это и была Лина, моя первая знакомая в незнакомой стране. Не такая, как все, и, наверное, этим вызывавшая жгучий интерес и зависть многих окружавших её людей, приехавших на волне эмиграции из разрушенной нищей империи на этот обожжённый огнём островок земли, где предстояло начать всё с белого листа.

От неё всегда шла мощная волна спокойной уверенности в себе, яркого праздника, вкуса жизни. Ей всегда было хорошо, всегда всё понятно и правильно. Она была будто заворожена на удачу и верила в это по-детски легкомысленно, не воспринимая сложную реальность новой страны, не замечая терактов и безработицы. Неустроенность и убогость олимовского быта – не для неё! Она воспринимала эмиграцию, как затянувшееся экзотическое приключение, сюжет нового триллера, где ей отведена главная роль. Странно, не правда ли?

* * *

Когда через полгода я нашла работу в газете и готовила свой первый очерк о русских женщинах в Израиле, то первое интервью я взяла у Лины. Очерк назывался «Глазами женщин». Это был коллаж первых впечатлений наших женщин, их планы, надежды, заботы, ожидания. Линку я сняла крупным планом у компьютера. Она до сих пор смотрит на меня с той фотографии честным взглядом девочки из моего советского детства. Линка была очень фотогеничной и украсила мой репортаж. Она рассказала, что мечтает окончить компьютерный колледж, построить карьеру в области информатики, видит себя преуспевающей бизнес-леди в сфере новых технологий. Говорила взвешенно и увлечённо. Я ей верила, ей верили мои читатели, у нас всё ещё было впереди, мы были ещё такие молодые…

* * *

Девочка с московской окраины. Папа милиционер, мама – кастелянша в захудалой гостинице. Дома – крики, ругань, теснота… Вечно пьяный отец, злая, уставшая мать. Как же хотелось убежать от них, чтобы не видеть, не вспоминать, забыть. Перестроечный фильм «Маленькая Вера» – про неё тоже. Но столица – город возможностей.

Вскоре после выпускного вечера вертлявая, кокетливая Линка, проникнув однажды с подружкой на закрытую элитарную вечеринку, познакомилась с будущим дипломатом. Перед распределением он срочно искал жену, готовую уехать с ним. Не в Америку, Европу, а в Лаос. Но для Линки магическое слово «заграница» было таким манким, таким желанным, что она, не раздумывая, ответила ему сразу «Да, да, да!» и уже через месяц отплясывала на своей свадьбе, зажигая всех своим неуёмным весельем.

Свою родню на свадьбу она не пригласила: стеснялась пьющего отца, безвкусную забитую мать, дебошира брата. Именно в этот день были разорваны навсегда все родственные связи с родительским домом, они ей были не нужны. Увы, так бывает.

В Лаосе Лина прожила с супругом семь счастливых лет, но, возвратившись в Москву, муж подал на развод, ничего не объясняя. Наверное, грубоватая, шумная Линка не слишком органично вписывалась в рафинированное светское общество. Что сошло для Лаоса, не подходило для столицы. Она не принимала условностей, в конфликтной ситуации ругалась матом, как это было принято в их слободке, а печаль и тоску запивала любимым шотландским виски. Наверное, этой «плохой» девочке сложно

было играть утончённую роль жены дипломата.

Ей с маленьким сыном дипломат оставил квартиру в центре Москвы и разбросанные сувениры и фотографии в память о солнечном экзотическом Лаосе. А российская жизнь была непонятной и трудной. Она привыкла тратить, сорить деньгами, не задумываясь о завтрашнем дне. Изысканные украшения, модная одежда, девичники с подружками в самых дорогих ресторанах, деликатесные магазины, теннис, бассейн, няня для сына, уроки музыки и английского и ещё, ещё, ещё… Пришлось обменять квартиру на меньшую в Тёплом Стане с доплатой, искать работу, а её не было. Почва плавно уходила из-под ног. Но когда тебе 27, когда ты красива и мир у твоих ног, тупиковых ситуаций не бывает!

Однажды на горизонте появился Он, и жизнь опять засверкала фейрверком. Лил проливной дождь, куда-то подевались все такси. Она остановила первую попавшуюся машину, и эта встреча стала почти роковой в её жизни. Как мог московский мальчик из очень хорошей семьи запасть на «хулиганку» Линку? В это трудно поверить, но это случилось.

Его звали Сергей. Он жил в знаменитом «Доме на набережной», учился в элитарной школе. Родители – известные учёные, в честь заслуженного дедушки академика названа одна из улиц Москвы. А ещё он был почти гений. У него было сумасшедшее изобретение, которое должно было перевернуть мир технической мысли. Молодой доктор наук. Водит самолёт и выигрывает авторалли. Красивый, харизматичный, свободный. Линка была сражена наповал. Это был роман по любви. Как наваждение, как гипноз. Со дня их первой встречи они не расставались.

Наверное, звёзды на небосводе судьбы так сложились: после развода с женой актрисой Сергея тянуло к тёплому семейному очагу. А Линка пекла такие вкусные пироги с грибами, так умело сервировала стол, с таким вкусом была оформлена её квартира! И сама она была такой непосредственной, милой. В её грубоватой простоте он рассмотрел некий шарм, в отсутствии воспитания увидел наивность. Всё в ней было необычно для него, привыкшего к условностям и кодам в каждой произнесённой фразе и в каждом случайном жесте. В тот год они были безмерно счастливы.

А в стране в это время был хаос, неразбериха, лихие 90-е…

Реализовать своё научное открытие Сергей мог только за границей. Ему нужны были база, оснащённая научная лаборатория, средства на осуществление проекта всей его жизни. А так как известно, что открытия иногда «летают в воздухе» и кто-то другой, более активный и динамичный сможет опередить, то

нужно было торопиться.

Сергей и Лина решили уехать. Важно было попасть в свободный мир, и план отъезда был расписан просто и без затей. По отцу Сергей был евреем. Следовательно, согласно закону о возвращении, его ждали на Земле обетованной, и он воспользовался этой возможностью. Семья Валевских прибыла в аэропорт им. Бен-Гуриона с тремя детьми: сын Лины от первого брака, сын Сергея от первого брака и их общая дочурка – годовалая дюймовочка Машенька.

Новая страна встретила невыносимым зноем, пёстрым, пряным Востоком и провинциальной суетой нового бытия. Понравилась ли им вся эта экзотика? А у них была цель. Они были в прыжке, поэтому детали не отвлекали от главного.

* * *

Перед отъездом Лина продала свою квартиру. На все вырученные деньги она купила роскошные серьги с бриллиантами, кольцо, плетёный итальянский браслет из золотых нитей ручной работы, дорогую косметику и вещи из эксклюзивных фирменных бутиков. В памяти сохранился смешной эпизод: лето, жара, полдень, модельная девушка в белом брючном костюме, на высоченных каблуках, в чёрной шляпе с широкими полями бредёт по раскалённому асфальту улицы Бейт-Лехем, в руках яркий подарочный свёрток, сверкают на солнце дорогие украшения – Линка идёт ко мне на день рождения. Ещё нет машины, такси – дорого, в шаббат автобусы не ходят. Где-то сбоку – муж и дети, но все юпитеры направлены на неё. Ей уже очень скоро нечем будет платить за съёмную дорогую квартиру, будут долги и минусы в банке. Но она привыкла шагать по жизни, как по подиуму, так стоит ли удивляться? Люди разные.

Через три месяца её муж Сергей бросил ульпан и пошёл в слесарную мастерскую. Надо было кормить семью. В новой стране не было никаких знакомств, его проектом никто не заинтересовался. Свои чертежи он отправлял в разные международые фирмы, но не было денег на продвижение проекта, на перевод документов для оформления патента на изобретение. Сын Сергея бросил выпускной класс школы и устроился в бурекасную – работать по ночам, а днём мыл посуду в банкетном зале. Денег катастрофически не хватало. Только Лина по-прежнему всегда была ухоженной, модной, безмятежной.

Нашу с Линой дружбу нарушил случай, когда я впервые поняла, что это такое – женская жестокость.

Никто не мог предположить, что дома у них бушевали африканские страсти. «Злыдни» способны в человеке разбудить самые низменные, постыдные инстинкты. Лина возненавидела сына Сергея, он ей действовал на нервы, раздражал, утомлял своим присутствием. Ей казалось, что он отдаёт не всю зарплату, что слишком много ест, что мало работает, отвлекает её сына от занятий. Она постоянно устраивала скандалы. Мальчик терпеливо молчал. Ему некуда было уйти. Отец в чужой стране стал совсем чужим. Всё вокруг было враждебным и недобрым. Через год от отчаяния он связался с аферистами, заработал деньги на фальшивых кредитных карточках и без объяснений сбежал из Израиля.

Но иногда удача улыбается не только праведникам. Привезенные шальные деньги он вложил в «правильный» бизнес в Москве и сейчас вполне успешен и богат.

Я помню его – очень юного, растерянного и затравленного подростка, которому мы, взрослые, не смогли помочь. Наверное, с точки зрения закона он не прав, но не судите строго. Что могло его ожидать, будь он более послушным?

* * *

Через какое-то время Сергей нашёл спонсора для своего проекта. Лина ликовала, она уже чувствовала себя женой миллионера.

Сергей – руководитель проекта, у него приличная зарплата, машина от фирмы. Ещё немного – и он станет совладельцем серьёзного предприятия.

Жизнь постепенно налаживалась. Взяли ссуду, купили квартиру в хорошем районе Иерусалима. Сделали евроремонт, купили красивую дорогую мебель. Но жизнь опять рисует зигзаг в самый неожиданный момент.

Его изобретение, как оказалось, оформлено не на него, а на спонсора – израильтянина. Доказать ничего невозможно. Нужны очень опытные адвокаты, на которых у Сергея нет средств. Финансирование проекта остановлено. Спонсор исчез. Фиаско. Разбитые надежды. Ссуды и минусы в банке. Что делать?

Линка даже позвонила матери в Москву, слёзно просилась принять её обратно, но мать ответила коротко и однозначно:

– Свои проблемы решай, дочка, сама. Куда ты собралась ехать? У нас же так бедно и тесно.

Началась чёрная полоса их жизни в Израиле.

Сергей устроился охранником, работал почти круглосуточно.

Все счета были перекрыты. Что-либо продать – невозможно. Новые ссуды не давали, нужны гаранты. Чтобы найти выход, нужны были нечеловеческие силы. Это был эмигрантский тупик: надо было учиться жить по законам бедных, экономить каждый шекель, тяжело работая. Но для этого ли столько жертв и столько надежд?

Лина срочно искала работу. Но что она могла? Неоконченное высшее, невыученный компьютер, без английского и почти без иврита?

Её взяли уборщицей в больницу. Сжав зубы, Лина покорно приняла это, как данность. Ей было тяжело работать физически. Постоянно болела голова. Больные раздражали, она задыхалась от неприятных запахов и больной энергетики. Но это была её неизбежность. Наказание за легкомысленность и непрактичность, за то, что была «попрыгуньей-стрекозой», а лето жизни не бывает вечным.

«Но жизнь кончается не завтра…» Если бы я придумывала свои сюжеты, то никогда бы не посмела так банально построить интригу. Но всё случилось именно так. Линку поставили убирать кабинет профессора с мировым именем. Больные из разных стран за год записываются к нему на консультации. Её заранее предупредили, что «светило» – сноб и педант, помешан на чистоте и ужасный зануда.

Наверное, потому, что женщина, она его просчитала.

Когда она принесла ему крепко заваренный ароматный кофе, он снял очки, впервые увидел прозрачные глаза Линки и откровенно признался, что уже очень много лет ему никто не варит и не подаёт кофе, а это его самый любимый напиток. В этот момент Линка увидела перед собой усталого, одинокого человека, ещё не старого. И несчастливого. Ей искренне захотелось его обогреть, но она не знала, как себя с ним вести, ей не хватало слов на чужом языке, и в напряжённом молчании они просто смотрели друг другу в глаза, всё понимая без слов.

Через год профессор шумно разводился с женой. От него отвернулись взрослые дети и коллеги, друзья и знакомые. Никто не мог его понять. Социальное общество таких проступков не прощает. Но ему не нужна была женщина из их круга, эрудитка и карьеристка, как его жена. Ему нужна была она. Нежная, красивая, заботливая. Это была любовь.

В этом странном поступке не ищите логику. Но их брак с Линкой оказался счастливым. Они вместе уже много лет. Профессор открыл частную клинику, его бизнес процветает. Линка почти не изменилась, такая же модница, следящая за собой, стильная, элегантная дама.

Её сын живёт в Москве, программист. Влиятельный отец устроил его в солидную фирму. Дочка Машенька живёт в Лондоне.

В любой игре есть победители и проигравшие. Но судьба моих бывших друзей уникальна, они все по жизни выиграли счастливый билет, но только расплатились в суете олимовских будней своими чувствами, единством своей семьи, своим союзом, который, как они когда-то мечтали, был спаян навсегда.

Сергей очень долго был в депрессии. Он был раздавлен предательством Лины. Казалось, что с ней от него ушла жизнь. По инерции он что-то делал, ходил на работу, а вечером в пустой квартире стояла звонкая тишина. Не спасали сигареты, даже от водки он не пьянел. Друзья знакомили его с женщинами, но с ними было ещё хуже. Он не умел лгать, не умел играть, а воспоминания о Лине вызывали боль и отвращение.

Но однажды случайно, на банкете у знакомых, он оказался рядом с энергичной блондинкой средних лет, которая тоже была одна. Они танцевали весь вечер. Оказалось, что она тоже москвичка, что в Израиле с 1970-х, муж был известным художником-диссидентом, но умер. Она работает пресс-секретарём у известного политика, у неё есть всё, но она умирает от одиночества.

Вы уже догадались? Когда встречаются два одиночества, то иногда возникает роман. Вскоре через свои каналы новая знакомая Сергея узнала о грандиозном израильском проекте в Европе. Им обоим удалось туда войти, получив должности руководителей и высокие зарплаты. Контракт был подписан на три года с опцией на продление. Уехали они в Европу уже мужем и женой. Всё решилось очень быстро и прозаично. Свадьбу решили отмечать только в узком кругу. Были это только здравый расчёт или чувства, месть Лине или влюблённость? Не знаю. Да и нужно ли это знать?

Но когда я вспоминаю, как мы здесь начинали, то в памяти – жара, хамсин, ульпан и они, молодые Линка и Сергей, которые так любили друг друга.

Порочный круг (лат. Circulus vitiosus)

Что это было? Приступ внезапной ярости? Шизофрения? Blackout? Минутное затмение? Помутнение рассудка? Злая стихия? Не будем заниматься психоанализом, это небезопасно. Боги за это мстят.

И каждый раз, когда потом Марина хотела дойти до истины, её останавливало чувство недоумения и жалости к себе. Ей хотелось крикнуть: «Так не бывает!». Но никогда, никому, ни при каких обстоятельствах она не смогла бы рассказать всю правду – что произошло с ней, с ним, с ними в тот летний тёплый вечер, который начинался так безмятежно, легко. Потом она будет вспоминать детали и подробности, оправдывать и мысленно судить, страдать и даже каяться за него. Но это всё потом…

20 сентября был обычный день конца недели. Утром, как всегда, они вместе спешили на работу, пили дымящийся, пенный кофе с горячими тостами, слушали новости, были внимательны и нежны друг к другу. Как всегда. Поцелуй на прощание в машине, короткие SMS-ки, невидимая нить многих лет – безоблачно и красиво.

Но долго так не бывает! Всё перевернулось просто, буднично и спонтанно.

* * *

– Всё кончено! У меня ничего нет! Я потерял всё! Больше, чем всё, – хрипел он в телефонную трубку. На другом конце провода Марина ещё не понимала, что произошло с ними. Она ещё по привычке пыталась его отвлечь, переключить, лепетала какую-то легкомысленную чепуху. И даже тревога в его голосе ещё не зазвучала для неё сигналом бедствия. О, как все мы неосознанно ищем возможность утонуть в самообмане, как убегаем от реальности, даже понимая неотвратимость!

Срывался его проект, а вместе с ним его надежды и его планы. Под откос! Фиаско, наказание, провал! Но кто за этим стоит? Кто «развёл» его так элементарно и просто?

«Кинули» партнёры? Самые близкие и верные друзья детства? Люди, с которыми вместе начинали, вместе учились, вместе росли, были всегда рядом? Неправдоподобно! Смешно! Но человек слаб. А на кону – деньги, большие деньги. Какие ещё аргументы? Всё, что создавалось с таким трудом и размахом, рухнуло как карточный домик. И все эти хитроумные схемы и

технологии, многочасовой труд консалтингов, экспертов и аналитиков, финансовые расчёты и бизнес-планы – в руинах. Навсегда. Шок. Землетрясение. Почва уплывает из-под ног, и невозможно сразу осознать, что происходит с тобой.

– Не могу! Устал, – рычал он в трубку как раненый зверь.

– Постой, вот увидишь, всё будет хорошо. Всегда можно найти выход, – шептала Марина, не веря ни своим словам, ни ему, ни себе.

«Побег невозможен. Погода не переменится». Откуда эти слова?

Почему-то вдруг, так странно издалека, всплыл в памяти роман Генри Миллера «Тропик Рака». Первый роман, прочитанный в подлиннике на английском. Они читали его тогда вместе, во время летней сессии, легкомысленные, безумно влюблённые и ничего не понимающие в жизни. Признаться честно, им было скучно читать этот «рефлексирующий непонятный бред»… Ну разве можно было предположить, что эти несколько слов через столько лет материализуются в самый страшный для них день?

«Погода не переменится»… Пульсировала у виска одна и та же фраза. И совсем не потому, что случился экономический «обвал» их семьи. Нет, это было бы всё слишком примитивно и просто. «Побег невозможен»… Но тогда они ещё ничего не знали и продолжали втайне верить, что всё обойдётся.

Последнее время он занимался рисковыми инвестициями. Слыл в кругах посвящённых крутым "профи". Обладал потрясающей интуицией и каким-то особым куражом, приковывающим к себе удачу. Подробности проектов мужа Марина не знала или предпочитала не знать. Так было легче и проще. В спешке своих забот и вечной занятости ей было некогда вникать во все хитросплетения его бизнеса. Она создавала свои авторские радиосюжеты в частном эфирном пространстве и была «королевой» прайм-тайма уже несколько лет. У каждого из них был свой круг, своя территория, куда никто не заходил и где они никогда не пересекались. Он был сродни игроку, ведущему затяжную игру, в которой нельзя ошибиться. Но выигрыш с лихвой оправдывал безумное напряжение, нервы, бессонные ночи и все нечеловеческие перегрузки.

Выигрыш его дела, его идей давал Марине право жить по своей, выстроенной схеме, где почти всё реальное время было посвящено любимой работе, которую, возможно, с натяжкой можно было назвать творчеством. В этом сложном радиомире было так много от реальной жизни, был поиск смысла и поиск нужных слов, жестов, сюжетов и главных героев, которых она

безошибочно вычисляла даже в городской толпе. Своему герою она дарила на какие-то считанные мгновения частицу себя и делала главным, ярким, запоминающимся лицом своей очередной радиопередачи. В её эфире неизменно присутствовали особый стиль, парадоксальность, живая музыка и живые эмоции.

И кто бы мог предугадать, что весь этот налаженный ритм зависит от стольких случайностей, что их мир так хрупок и беззащитен! Что одна его неудача грозит их надёжному, красивому дому бедой, разорением, потерями и ещё, ещё, ещё…

А они планировали ровно через неделю лететь отдыхать на острова в океане, где почти рай, где нет людей, диковинные птицы заливаются дивными голосами и невиданные экзотические цветы, словно с полотен Гогена. Уже собраны чемоданы. В красивых фирменных конвертах дразнят своей доступностью билеты на авиарейс… В эту недельную сказку с роскошными павлинами и говорящими попугаями. Вот уж действительно, «если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах».

* * *

Он заехал за Мариной в редакцию в конце дня. Возвращались домой молча. Было бесполезно утешать. Не было нужных слов. Да и какие слова? Не было сил, не было завтра… Марине было так жаль его! Ей так хотелось защитить, успокоить… Но не смогла. В потоке машин они на запредельной скорости летели по скользкому шоссе. В замкнутом пространстве салона висели тревога и предчувствие беды. А потом…

Потом начался другой отсчёт. И другой сюжет.

* * *

Весь вечер он безрезультатно в компьютере искал нужные материалы. Не клеилось всё. Сперва он не мог найти файлы сводных отчётов, как будто кто-то специально их стёр, уничтожил. Пароль входа в сеть корпорации сработал только с третьей попытки. Нужные файлы статистических отчётов за прошлое полугодие автоматически захлопывались, будто не впускали его в своё секретное пространство. Он с остервенением тарабанил по клавишам, перезагружал компьютер, но снова и снова зависали его команды. Вдруг в туманной бездне дисплея его стало преследовать ощущение, что кто-то рядом, наглый, невидимый и зловещий, издевается над ним. Перетасовывает все

его решения, его расчёты, его планы и его надежды. Этот «кто-то» взрывает пароли, коды и шифры, считывает информацию и внаглую крадёт проекты их фирмы, оставляя его «в пролёте». Мистика! Чертовщина! Хакеры? Но слишком много совпадений! Кому-то выгодно вывести его из игры. Он почти не сомневался, и от этого было ещё тяжелее и безысходнее на душе.

* * *

Мать позвонила, как всегда, вечером после очередного бразильского сериала. Ей было одиноко и тоскливо. Говорить было не о чем. Но так хотелось услышать уверенный голос сына, хотелось ощутить ту незыблемую мужскую силу, которую так часто сравнивают на Руси со стеной и о которой мы, женщины, мечтаем всю жизнь, как о самой главной удаче.

Этот звонок к сыну, которого боготворила и которым так гордилась, был, наверное, единственным мажорным аккордом в рутинном ритме всех её таких похожих, длинных, серых дней.

Постепенно за несколько последних лет из её жизни ушли почти все. Никто никогда не звонил, не заходил. Всегда в её вдовьей квартирке было уныло и холодно, как будто бы жизнь тоже оттуда ушла.

Марина чётко видела её маленькую фигурку в тёплом длинном халате (ей всегда было холодно). Гладкие седые волосы, собранные в учительский старомодный пучок. Очки в лёгкой элегантной оправе (он ей привёз из Америки), которые она никогда не снимала. Они висели на серебристой цепочке и всегда были с ней. Вещи, которые он привозил матери, имели для неё абсолютно одухотворённую ценность: сумочки, брошки, блокнотики, безделушки, купленные наспех в дьюти-фри, и в этом тоже была одна из её странностей.

Его номер телефона она знала на память. Этот ритуал ежедневных вечерних звонков был у них с сыном принят много лет, с тех пор как он 20-летним мальчишкой женился, ушёл из дома и стал всецело принадлежать уже другой женщине. Дерзкой, самоуверенной, молодой и очень красивой. Матери в ту пору было 42. Она была моложавой, с лёгкой походкой, тонкой талией и волной густых каштановых волос, рассыпанных по плечам.

Муж её любил и ревновал. У них всё было прекрасно. Простая и понятная жизнь. Другая жизнь. С воскресными походами в кино, «Голубым огоньком» на экране советского «Рубина», с шумными гостями в день рождения, вкуснейшим домашним «Наполеоном» и пластинками фирмы «Мелодия». Его родители были так

счастливы в своём мире простых, непридуманных чувств, понятий и истин. Всё было одновременно значимо и эфимерно бесценно.

У них тогда не было сегодняшней дикой, непонятной спешки, этого нескончаемого марафона к вершинам успеха. Да и само понятие «успех» имело другую окраску. Другой, более человеческий смысл и другой код восприятия. Но всё так быстро проходит.

Помните: «Побег невозможен»?

Это она приучила сына читать на английском. Привила любовь и вкус к языкам. Это от неё у него такое потрясающее восприятие чужой речи и такое странное, почти мистическое свойство расшифровывать чужие звуки и слова. Потом он, бывая в разных странах, общаясь на разных языках, почему-то никогда не увязывал её и свои блистательные победы на «чужом поле». Это был его успех, его способности, его напор. И при чём тут эта маленькая седая женщина с робким, простуженным голосом в телефонной трубке?

Почему она позвонила сыну в тот вечер? Зачем? О, как она ошиблась! Почему не задержали её очередные новости, телескандалы или телесплетни? Ну почему она не швырнула трубку на рычаг, почему продолжала растерянно стоять в холодном коридоре возле допотопного телефонного аппарата? Ну почему не зашла к ней соседка, собирающая деньги на уборку подъезда? Почему никто не постучал по ошибке в её дверь на 1-м этаже? Почему?

В тот вечер он был взвинчен как никогда. Мать этого не замечала, продолжая говорить о чём-то своём, вздыхая и жалуясь на одиночество, боли в ногах, очереди к врачу, бесполезность лекарств.

В тот вечер он впервые сломался. Не мог собой управлять. Не мог скрыть отчаяние, не мог её дослушать до конца. Мать что-то тихо причитала, что-то спрашивала…

Он не слышал её! Был необоснованно груб. Он издевался. Кричал и ненавидел – беспричинно и яростно, до спазмов в горле, до хрипоты, до потери слов, до конвульсий…

Мать раздражала его. И этот тихий, жалобный голос издалека, и эти частые протяжные вздохи вместо слов, и эти капризные, постоянные жалобы. Всё разыгрывалось по одному очень знакомому и бездарному сценарию. Он не хотел её слушать! Телефонную трубку на какие-то секунды бросал на стол, мысленно приказывал себе остановиться, но это продолжалось бесконечно, до полного изнеможения, почти до потери рассудка. А потом, устав от своего непонятного, изматывающего крика, он на полуслове оборвал её, нажав на клавишу off… Всё.

– Не могу с ней говорить, всегда стоны, – процедил он сквозь завесу этой непонятной ярости.

«Ну почему слабые вызывают к себе эту животную ненависть?» – подумала Марина, молча наблюдая за бешенством мужа. Наверное, это инстинкт самосохранения. Мы боимся в жизни поменяться местами со слабыми… Но в подкорке всегда дремлет мысль, напоминая и раздражая: «Это может случиться с каждым из нас».

«Ему нужна разрядка… Следующая жертва его неудач – я?! Нет, я этого не потерплю!» Пальцы Марины нервно сжимали виски, болела голова, хотелось его задушить. Она даже испугалась себя. Но уже через мгновение была в полном порядке: тщательно одетая, с изысканным макияжем, готовая к любому повороту событий.

Конечно, Марина могла сама позвонить свекрови, успокоить и выслушать её, но… Срочные переговоры с редакторами, обсуждение нового эфира, подбор новых героев передачи… Не успела! Забыла. Отключила из фокуса своего внимания. И это стало роковым и страшным стечением обстоятельств страшного дня.

Марина не видела, как он нервно курил в темноте комнаты. Как, обжигаясь, пил кофейный кипяток, не чувствуя вкуса. Она даже не заметила, как он наспех накинул куртку, схватил ключи от машины и растворился в чёрном дверном проёме. Больше она живым его никогда не видела. Он не доехал до дома своей матери всего несколько метров.

Из-за угла на огромной скорости в него врезался автомобиль – убийца, не оставив своей жертве права на защиту. Время для него остановилось. Навсегда.

Все ненужные вопросы, все грандиозные планы и проекты, вся мистика этого дня – ушли, растворились, незаметные и незначительные, в шуме городской суеты, в жизни большого города.

И только две женщины – жена и мать ещё ничего не знали. И очень ждали его.

Город потерянных детей

«Февраль. Достать чернил и плакать,
Писать о феврале навзрыд…»

(Борис Пастернак)

Об этом не принято говорить. Эту тему стараются обходить молчанием или – нехотя, шёпотом… Или, наоборот, выставляя на всеобщее порицание при публичных обсуждениях и политических дебатах. Но в этом столько сакрального и больного, что даже опасно приблизиться. Наверное, не случайно всем, у кого есть на дне души что-то очень личное и тайное, так нравится старый чёрно-белый американский фильм «Кто боится Вирджинию Вульф?» В фильме никто никого не убьёт, никто никого не полюбит, никому не откроется смысл жизни. Но в нём, как скользящий мираж, присутствует предопределённость, от которой никому ещё не удавалось уйти. А если в предопределённости чья-то судьба? Если в предопределённости – разрешение на убийство?

Вы скажете насмешливо: «В нашем обществе так не бывает!». Но будете правы лишь отчасти; вы тоже знаете об этом почти всё, но в суете жизненных проблем эта тема задвинута в самый дальний угол нашего сознания. Нам всегда некогда! И мы стыдливо опускаем глаза перед вопросами, поставленными в упор: "Можно ли разрешить ему не родиться? Можно ли забрать шанс у его судьбы? И вправе ли мы всё знать и молчать, знать и малодушно принимать условия нашей несовершенной цивилизации?"

* * *

Мой рассказ от обратного. Напоминание, очень личное и далёкое, которое всплывает через столько лет невыстраданными эмоциями. Рассказ о том, чего не было. Память проводит меня по лабиринту ничего не значащих событий, и вдруг, я оказываюсь в другом измерении, в том далёком году, в той уже несуществующей квартире, где все ещё молоды и живы, где всё ещё у меня впереди.

* * *

Февраль. Мне пять лет. Скарлатина. Водочный компресс. Первые книжки. Сказки. Кукла Таня и кукла Серёжа. Я с ними дружу и играю. А еще – альбом «Раскрась» и журнал «Мурзилка», там нарисованы яркие синие снегири. И я тоже рисую синих птиц, которые смотрят на меня серьёзно и не по-детски грустно. Мне пять, у меня сыпь и жар, но я одна. Я целый день одна, но у меня нет чувства обиды на взрослых, нет чувства заброшенности, нет злости. Наверное, я их, взрослых, понимаю? Странная девочка. А ещё, есть радио, и из чёрной тарелки несутся одни и те же мелодии, песни, и мне совсем не скучно. Я пытаюсь подпевать, но у меня болит горло и мне надо молчать.

Сейчас, через столько лет, я пытаюсь осознать, что произошло тогда в нашей семье. «Приходит время, и мы начинаем понимать своих родителей. И если можем – прощаем…». Да и за что их прощать?

Мама родила мне братика. Его назвали Сашенькой. Я помню: дом завален детскими предметами – кроватка, пелёночки, одеяльца, ванночка, даже цветные погремушки… Только Сашеньку домой не принесли. Через неделю в красивом чепчике с атласными голубыми лентами и в новых распашонках его хоронили на старом городском кладбище.

Хоронили Сашеньку папа и его сестра Паша, а мама ещё была в больнице. На той же аллее была могилка другого мальчика, умершего почти 100 лет назад, над ней возвышался маленький чёрный мраморный ангел, одно крыло у него было отбито. Туда уже давно никто не приходил, время уносит близких.

Эту кладбищенскую аллею называли «Детской». Как в сказке ужасов. Там хоронили детей. На маленьких холмиках можно было увидеть обрывки каких-то старых выцветших бумажных игрушек, пожелтевшую ёлочку, рассыпанные конфеты. Лет через 30 после того страшного дня на этом месте построили Молодёжный парк, рядом – комплекс студенческих общежитий. В самой тёмной аллее парка целуются парочки, даже не зная, как называлась эта аллея раньше. Да и зачем им знать? Только иногда (непонятно, откуда) в чёрной ночи, вдруг, можно услышать тоненький детский плач.

Я уже очень давно не живу в той стране, в том городе, где похоронен мой братик, которого я никогда не видела, но я помню до мелочей ту атмосферу страшной утраты, которая поселилась в нашем доме.

Мама лежала возле окна, завернувшись в плед, и даже не плакала, не рыдала, не голосила… Это был нескончаемый стон, душу разрывающий, нечеловеческий, который через столько лет до сих пор болью пульсирует в моей памяти. Её заливало

молоком, она еле ходила после родов, шатаясь и держась за стенку. Ко мне она не подходила, ей не хотелось жить.

Её и папина мечта о белокуром голубоглазом мальчике Сашеньке была убита, похоронена, отобрана навеки. Мой папа был красивым блондином, похожим на Есенина, с очень яркими синими глазами. И жгучая брюнетка мама, обожая мужа, хотела мальчика, похожего на него. А я – была девочкой в скарлатинозной сыпи, с разбухшими от болезни желёзками и горящими от температуры глазами. Я не была светловолосой… Не была похожа на Белоснежку из любимой сказки… Да, я была рядом, родная и единственная, но мечтой, задуманной и долгожданной, был маленький Сашенька, которого уже не было с нами. Когда-то меня спросили:

– Каким ласкательным именем тебя в детстве называла мама?

Я не смогла вспомнить. Для неё я с рождения носила взрослое имя – Виктория. Даже не Вика, не Вита, не Витуся.

Через много лет, когда совсем незнакомые люди говорили моей маме, какая у неё красивая дочь, она только печально смотрела вдаль и молчала. Наверное, она думала о том, каким был бы необыкновенным Сашенька, если бы…

В те самые трудные для нашей семьи дни мы с мамой жили параллельно, не пересекаясь. Вечером приходил с работы осунувшийся от горя папа и кормил меня из ложечки манной кашей с вишнёвым вареньем, называя меня воробышком. С тех пор я люблю этих серых бездомных пичуг, они напоминают меня в том далёком, несуществующем времени.

Папа рассказывал какие-то истории, крутил один и тот же диафильм про «Мишку на Севере», но я чувствовала, что он тоже почти не со мной. Ночью я беззвучно плакала в подушку и не могла понять, за что у нас забрали Сашеньку. Наверное, не случайно через много лет в нашу семью вошёл Александр, мой муж, как напоминание о неслучившемся. Круг замкнулся.

Но тогда, в тот страшный февраль, мне казалось, что беда поселилась в нашем доме навсегда. Имя этой беды – резус-фактор. В те годы о нём ничего не знали, наука ещё не подошла к решению этой проблемы. Смерть ребёнка, родившегося абсолютно здоровым, была загадкой. Ребёнок, получая материнское молоко, несовместимое с его собственными белками, отравлялся антителами материнского организма. Если бы проверили маму на этот злополучный резус-фактор, то не разрешили бы ей кормить ребёнка. На искусственном вскармливании Сашенька бы не погиб. В нашей семье было бы счастье! Это потом, через несколько лет, маму приглашали в женскую консультацию, врачи советовали ещё раз родить,

уверяли, что всё будет хорошо. Но она не решилась, она уже сделала выбор: у неё на всю жизнь будет один ребёнок. И этот ребёнок – я.

Читаю по слогам: «Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу…». Мне плохо, непонятно, страшно… За окнами падает медленный снег, сумерки, мы с мамой в комнате одни. «Ох, доска кончается, сейчас я упаду!».

Маму из этого шока потери абсолютно неожиданно вывела подруга, пришедшая её навестить примерно через месяц. Они с мамой работали в одной больнице и были сокурсницами по мединституту. Её звали девичьим именем – Лёля. Модная, яркая, на высоченных каблуках, с летящей чёлкой блестящих медных волос. Оперирующий врач-гинеколог, отличный диагност, она знала о женщинах всё.

Лёля принесла огромный шоколадный торт, а мне – красивую немецкую куклу. В комнате запахло весной, мандаринами и изысканными дорогими духами. Они с мамой долго разговаривали, пили чай, но мне врезалась в память Лёлина фраза:

– Хватит убиваться, надо жить! Это почти, как аборт… Вот у меня – одна дочь, а совсем недавно пришлось сделать аборт. И что? Больше я не хочу рожать, решено.

Аборт. Это незнакомое слово стало ключевым в нашей семейной истории. Мама медленно возвращалась к жизни, заставляя себя мысленно уравнять то, что уравнять невозможно – свой выстраданный крест по Сашеньке с убиенными до рождения душами чьих-то неродившихся детей. А что ей, несчастной, оставалось? Самообман.

В этой непридуманной истории мама и Лёля – антиподы. То, что для мамы было невозможным, для Лёли было повседневной, профессиональной рутиной. Для мамы потеря ребёнка обернулась кровоточащей раной на всю жизнь. А для скольких женщин избавление от нежелательного младенца стало осознанным, трезвым, жестоким выбором. Человек слаб, не судите строго, но…

* * *

Даже само слово «аборт» звучит, как «нож», как «орудие уничтожения», как «клинок, врезающийся в сердце». Аборт – это, как приглашение на казнь с разрешения самых близких. Без объяснения и без права жертвы на обжалование приговора. И простите мою назидательность и сумбурность фраз. Просто я –

ещё в той холодной, зимней комнате, где разбросаны детские погремушки, где в углу стоит пустая детская кроватка, где плачет навзрыд моя молодая мама… Где я, маленькая девочка, стала свидетелем того, как страшно, когда умирают дети.

Поверьте, никто из них, нерождённых и несчастных, никогда не хотел умирать.

Игра воображения

Мой очерк об уникальном иерусалимском маршруте, который способен пленить воображение не меньше, чем знаменитый «Код да Винчи»…

Саломия с главой Святого Иоанна Крестителя (Бернардино Луини, 1480-90 Милан)

Экскурсия в далёкое прошлое. Как на машине времени въезжаю в другое измерение. Заново открываю для себя

туристический маршрут. Эйн-Карем, иерусалимский квартал, где бывала не раз, но всегда торопясь, проходя мимо, не успевая остановиться, оглянуться.

Никому не дано дважды войти в одну реку. Я пальцами ловлю холодные струи родниковой воды и вдруг, как экстрасенс, начинаю чувствовать пульс того далёкого, исчезнувшего времени, того лучезарного дня, когда всё только начиналось… Именно здесь, на этом месте, в горном селении Эйн-Карем, возле источника Мирьям. В весеннем прозрачном воздухе, вы только внимательно всмотритесь, как на голографической картине, проступают контуры двух прекрасных женских силуэтов в нездешнем свечении сиреневого мерцающего света.

Их звали: Мирьям и Елишева. Они были двоюродными сёстрами, кузинами, и в мировую историю вошли как сёстры Сиона. Самые главные женщины христианского мира, две матери, сыновья которых перевернули страницу человеческой цивилизации и открыли новую эру в истории человечества.

Я не буду анализировать религиозные догматы ни с точки зрения иудаизма, ни с точки зрения христианского учения, но святое место Эйн-Карем хочу воспринять, как памятник общечеловеческой культуры, как красивейшую легенду, как философскую концепцию синтеза и взаимовлияния всех народов, живущих на нашей многострадальной Земле. «Здесь нет ни римлянина, ни иудея…». Мы, прежде всего – люди, которые призваны в этот мир с созидательной миссией; не для войн и разрушений, а для передачи следующим поколениям наших талантов и достижений, нашего генетического кода, для бесконечного усовершенствования законов мироздания.

Но вернёмся к источнику Мирьям, месту той далёкой встречи сестёр. Это событие история назвала «Благовестием», когда юная, благочестивая Мирьям, с безупречным ликом Сикстинской Мадонны, поведала своей старшей сестре Елишеве о явлении к ней Архангела Гавриила, которому она дала согласие на непорочное зачатие от Святого Духа и на рождение сына Божьего. А строгая праведница Елишева раскрыла Мирьям свою тайную радость: через много лет бесплодного брака со старцем Захарией у неё под сердцем забилось дитя. В момент этих сокровенных признаний земля вздрогнула и из-под скалы засверкал источник чистейшей родниковой воды. Этот источник ни разу не пересыхал, как вечный символ течения жизни на нашей карте бытия.

Скромная табличка, потемневшая от времени, никаких барельефов, никакой помпезности. И только волшебная аура вечности витает над этим местом. Попробуйте опустить ладони в

холодную воду источника, почувствуйте на вкус Бесконечность.

Елишеве суждено было родить мальчика, судьба которого тесно переплелась с судьбой сына Мирьям Иешуа. Сына Елишевы назвали Йоханаанном, в русской версии он нам известен как Иоанн Креститель, Иоанн Предтеча, святые деяния которого проложили начало приходу Иешуа.

Вы, конечно, догадались, что Мирьям – это Святая Дева Мария, а её сестра Елишева – Святая Елизавета. Их встреча произошла более 2000 лет назад в этом заросшем виноградной лозой местечке, на склоне древних Иудейских гор, где с обрыва открывается головокружительная панорама изумрудных пастбищ и лугов. Именно здесь у Елизаветы был свой летний дом, и Дева Мария посещала свою кузину, пройдя для этого нелёгкий путь из далёкого северного Назарета (Нацерета).

Сегодня на месте встречи сестёр возвышается церковь Посещения, принадлежащая францисканскому ордену. Церковь построена по проекту итальянского архитектора Берлуччи в 1935 году. В проекте используются сохранившиеся элементы первоначальной византийской церкви, возведённой женой первого византийского императора Константина Еленой в честь основания Византийской империи (330 г. н. э.).

Современный район Эйн-Карем почти не изменился за все эти долгие столетия. Он дышит очарованием древности, тайнами, мистикой и чем-то потусторонним. Кривые узкие улочки, скользкая брусчатка под ногами, несуразные домики (такие уже не строят) в обрамлении светящегося на солнце розового иерусалимского камня. В центре этого исторического памятника под открытым небом – действующий католический храм Иоанна Крестителя. Серый облицовочный камень, строгость и аскетичность, прохлада и умиротворение. Внутри храма на стенах – огромные эпические полотна из жизни Иоанна, крестившего Иисуса в водах Иордана и погибшего страшной мученической смертью за нравственные идеалы человечества. И если историю жизни и смерти Иисуса мы в общих чертах знаем из литературы, кинофильмов и религиозных источников, то история Иоанна, полная надежд, света и добра, измен и предательства со стороны тех, кому бескорыстно и верно служил, – это ещё одно предостережение человечеству, закодированное послание свыше, которое стоит попытаться расшифровать.

Описываемые события пришлись на времена, когда Древняя Иудея была уже повержена и растоптана, растерзана и почти уничтожена. Кровожадный царь Ирод свирепствовал, стремясь укрепить свой трон. Он не был иудеем и по своим воззрениям был скорее римлянином, чем уроженцем здешних мест (идумеянин,

сын Антипатра от жены-аравитянки). Ирод получил иудейский престол по решению римского сената в 37 г. до н. э., захватив Иерусалим и установив полный контроль над страной. Евреи относились к нему с недоверием, так как видели в нём иноземца, римского ставленника и похитителя престола Давидова. Когда Ирод услышал от волхвов (магов-мудрецов) предсказание скорого рождения Мессии, который освободит евреев от власти Рима, он испугался и приказал убивать всех мальчиков, которым ещё не исполнилось двух лет. Это трагическое событие известно в христианской традиции, как «избиение младенцев».

Но ангелы-хранители уберегли сестёр Сиона от нависшей кары. Младенцы Марии и Елизаветы были спасены, им предстояла высокая миссия – быть у истоков новой религиозно-философской идеи, которая только через 300 лет будет сформулирована как новая религия, рождённая в недрах древнего иудаизма и названная в честь Иисуса Христа. Отныне две религии разойдутся в бесконечном потоке истории, и не нам судить об их истинных ценностях и первопричинах будущих конфликтов. Это данность, которую надо принять.

В этих легендах, полных ужаса и драматизма, мы чётко видим знак фатальной неизбежности судьбы каждого живущего на этой земле. «Чему быть, того не миновать» – народная мудрость не ошибается никогда.

Царь Ирод одновременно строил и разрушал. Он строил ипподромы и амфитеатры, вводил обязательные жестокие римские и греческие игры, задавал пиры с чисто языческими буйными увеселениями и вообще вводил такие обычаи, которые, отличаясь совершенно языческим характером, могли внушать евреям лишь чувства ужаса и отвращения. Это был всеобщий разгул, упадок нравов и морали. Наверное, во спасение от деградации и морального падения был послан на землю честный и безгрешный Иоанн. В его стремлении смыть в водах Иордана все грехи людские можно разглядеть символ пробуждения от безумного забвения человечества, за которым стоят гибель и саморазрушение. Обряд крещения он понимал, как обновление, как обряд очищения людей перед новой эрой добра и милосердия. Он был предвестником нового времени, и его нарекли Предтечей. Только это новое время так и не наступило.

Красивым сказкам не дано сбываться! Человек несовершенен. Но в устремлении ввысь всегда мы находим частицы мудрости и силы для преодоления себя. И не ищите в моих записках несоответствия и расхождения с общепринятыми догмами, я просто хочу ещё раз пройти по памяти мной обозначенный

маршрут, повинуясь только своему собственному ощущению реальности и сопричастности.

Увы, жизненный путь Иоанна завершился трагически и страшно. У него были ученики и последователи, боготворившие его, но были и враги – коварные, жестокие, погрязшие в грехах и разврате, которые фарисейство воспринимали как норму жизни. Прежде всего, это была семья царя Ирода. Сын Ирода был в любовной связи со своей родной сестрой Саломией (Шломит).

Юная Саломия была потрясающе красива и умна. Всё в ней было совершенно восхитительно: и царственная осанка, и изысканная грация аристократки, и горящие глаза с поволокой, и крутые огненно-рыжие кудри – всё в ней звало, манило, обольщало. Чары Саломии сожгли не одно сердце, не было мужчины в Иудее, которого бы ей не удалось околдовать. Только Иоанн оставался безразличен к её прелестям. Зная о страстном романе брата и сестры, Иоанн открыто осуждал эту кровосмесительную связь, считая её греховной и порочной. Вскоре до Саломии и её матери Иродиады дошли слухи о том, что Иоанн посмел осуждать поведение царских особ. Так он приобрёл смертельных врагов, которые и убили его.

В день рождения царя Ирода, на балу, устроенном для знати в полнолуние, в мраморном дворце на берегу моря, Саломия была особенно хороша. Её жемчужная улыбка сводила с ума всех, кто видел её в этот час. Но стрелы обольщения были направлены бесстыдно и смело только в одного мужчину, которого она выбрала на эту ночь. И этим мужчиной, которого она соблазняла и дразнила, был её приёмный отец, всемогущий, грозный царь Ирод. А как она танцевала! Каким влекущим было её молодое атласное тело, какими грациозными были движения её под звуки сладострастной музыки!.. Иродиада молчала, от злости кусая губы, хотя понимала, что это просто игра, тайный план женской мести.

Саломия и Ирод задыхались от поцелуев в лунном свете тронного зала. Многолюдная толпа гостей замерла в ожидании чего-то ужасного. В жарком хамсинном воздухе запахло кровью. От выпитых горячительных напитков Ирод перестал контролировать себя, его обуяла животная страсть, он пообещал исполнить любое желание дочери за ночь любви. Ответ был страшен:

– Голову Иоанна Крестителя на блюде!

Ирод согласился не сразу. Умудрённый жизнью, он, уже немолодой человек, понимал, что просьба Саломии за гранью рассудка. О, как он её хотел, как готов был бросить все немыслимые сокровища свои к её ослепительно стройным ногам!

Он её умолял:

– У меня есть ожерелье из четырёх рядов жемчуга. Эти жемчужины подобны лунам, нанизанным на серебряные лучи. Ты будешь прекрасна, как царица, когда наденешь это ожерелье. У меня есть два вида аметистов: чёрные, как виноград, и красные, как вино, разбавленное водой. У меня есть топазы: жёлтые, как глаза тигров, розовые, как глаза лесного голубя, и зелёные, как глаза кошек. У меня есть опалы, которые горят словно ледяным пламенем; опалы, которые делают людей печальными и боятся темноты. У меня есть ониксы, похожие на очи мёртвой женщины. У меня есть лунные камни, которые меняются вместе с луной и блекнут при виде солнца. У меня есть сапфиры размером с яйцо; голубые, как голубые цветы. У них внутри разливается море, и никогда луна не тревожит его синевы. У меня есть хризолиты и бериллы, хризопразы и рубины, сардониксы и гиацинты, и халцедоны, и я отдам тебе всё это, всё, и ещё многое прибавлю. Я отдам тебе всё, что мне принадлежит, кроме одной жизни, жизни Иоханнана. Ибо это убийство – великий грех. (Оскар Уайльд, «Саломея»)

Но Саломия была непреклонна.

И Ирод согласился. Согласился на эту чудовищную казнь. Голова несчастного Иоанна Предтечи была подана на золотом блюде в покои царской дочери Саломии. Открытые мёртвые глаза Йоханнана смотрели строго и отрешённо, на губах ещё сохранилась мученическая гримаса боли и удивления: «За что?», и даже у Саломии не было на это ответа…

Иоанна постигла мученическая кончина, ставшая венцом его подвижнической жизни.

Месть отвергнутой женщины страшна, а её коварство не знает запретов. Но на протяжении всей истории человечества мы наблюдаем повторение этого незаконченного библейского сюжета с трагической, кровавой развязкой.

А ещё, мы с грустью замечаем, что нет справедливости на Земле, что всё чаще побеждают подлость и коварство, что уходят самые честные и незащищённые. «Добро должно быть с кулаками». Но это, как оказалось, очень редкое и сложное сочетание в жизни. Оставим всё как есть. Нам не дано понять истинного замысла Творца.

* * *

Мы выходим из сказки. Уезжаем из дивного весеннего городка, полные впечатлений и эмоций. Фантомы далёких событий останутся в древних декорациях Эйн-Карема. А мы выезжаем на скоростную трассу современного города. Уезжаем от далёких и влекущих своей Тайной страстей человеческих. Но не навсегда, а чтобы когда-нибудь ещё вернуться.

Повесть об исчезнувшем времени (семейная хроника)

В память о лучшем…

Кто может оспорить, что наши обычные вещи иногда обладают сакральным кодом влияния на судьбу? И как вычислить этот код? Как не ошибиться и заметить вовремя подсказку? И почему вещи иногда способны наказывать нас?

Оставим всё как есть: без ответа, без поздних объяснений и без предчувствия беды. Всё, как было тогда.

Любая семейная история – это драма. Без начала, сюжета и конца. И всё же у каждого человека повесть своя, где, как в детской игре в пазл, складываются события и сюжеты по своему особому замыслу и своим неведомым законам бытия.

* * *

Семейная история моей одноклассницы Маринки Сергеевой была почти по-книжному романтичной. Когда-то много лет назад Маринка жила в красивом особняке, который считался памятником архитектуры начала прошлого века. Этот благополучный, нарядный дом по странному стечению обстоятельств уцелел в каменных джунглях современного мегаполиса. Он пережил революцию и гражданскую, индустриализацию, немецкие авиационные налёты, оккупацию и послевоенную разруху, брежневский застой и перестройку. Этому дому суждена была большая жизнь, в которой, как в книжном переплёте, писался сценарий семьи Сергеевых.

Помню, как вчера: мраморные колонны, выход в сад из большой светлой залы, как почтительно – старомодно называли обитатели дома салон. В глубине аккуратного дворика – засохший фонтан, высокие венецианские окна. И это всё в самой гуще обычной советской жизни. Не удивляйтесь. Маринкин дедушка был известным архитектором, автором самых красивых, уникальных зданий нашего города. И наверное, поэтому городские власти оставили особняк семье, что было так нетипично для суровой советской эпохи.

Мы познакомились и подружились с Маринкой в пятом классе. Уже тогда от былой роскоши особняка почти ничего не осталось. Её знаменитый дедушка к тому времени давно умер.

Она была единственным ребёнком очень пожилых, не очень обеспеченных и не очень практичных родителей. Дочкой они почти не занимались и были всегда на работе. В пустынных комнатах было холодно и необжито: ненужная старая мебель, старые книги, журналы, газеты. Бутафорский дореволюционный камин зиял в центре салона, напоминая о лучших временах. А рядом на стене, в золочёной раме, под толстым зеленоватым стеклом висел старинный семейный портрет бабушки и дедушки Маринки. На портрете они совсем молодые. Перед венчанием. Год 1920-й. Портрет был так похож на кадр немого чёрно-белого кино, где герои строги и изысканно-красивы, где все безумно счастливы, где не существует ни горя, ни потерь, ни измен.

Он и она. Загадка времени и тайна. Снимок был сделан в фотосалоне, на фоне рисованного морского пейзажа, по моде тех лет. Он – в белом костюме. Тонкое, умное лицо. Властный взгляд очень светлых, почти прозрачных глаз. Она – яркая брюнетка с короткой стрижкой гарсон, в чёрной шляпке, надвинутой на изогнутые брови. Лукавая улыбка. Блузка из тончайшей полупрозрачной ткани. Всё безупречно в стиле винтаж, как сказали бы сегодня молодые.

От этого портрета всегда струилась тёплая волна невидимого света. И не удивляйтесь, мистика портретов существует! Мне всегда казалось, что там, за стеклом, в зеленоватом пространстве, живут и сейчас эти незнакомые, загадочные люди.

* * *

Сергеевы поженились в голодном 1920-м. Свирепствовал тиф. Разруха. Хаос. Казалось, что рушится всё, страна летит под откос. Но у молодой четы жизнь только начиналась. Они так любили друг друга, так были счастливы! Мир тогда сиял для них всеми красками. И не было для них ни комендантского часа, ни длинных серых очередей за хлебом, ни пьяных инвалидов, ни ватаг оборванных беспризорников, ни грязных тёмных подворотен, ни страшных кровавых драк в голодных переулках.

Константин Сергеев, талантливый молодой архитектор, был из семьи потомственных архитекторов, известных в городе ещё до революции. В те годы «красные спецы» были позарез нужны Советам. Страна задыхалась в руинах и нищете. Нужно было строить! И Сергеевым оставили (в виде исключения) их любимый фамильный особняк. Это была неслыханная удача! Константин Сергеев, гений архитектуры, не был «уплотнён» и мог продолжать творить в великолепных условиях, создавая новый «красный»

архитектурный стиль. Но роскошную мебель – резные гарнитуры из красного дерева и карельской берёзы, картины известных художников, прекрасные фамильные драгоценности отобрали. Всё было разграблено, уничтожено и раздавлено адской машиной экспроприации.

Изъяли всё. Удалось сохранить только два обручальных кольца с ослепительной бриллиантовой россыпью и старинное колье из чёрного жемчуга с массивной золотой застёжкой в виде банта, украшенного красным рубином. Эти вещи и стали свидетелями дальнейших событий незамысловатой семейной хроники. А хранились они в жестяной банке от английского чая 1905 года. Сергеевы в шутку называли эту самодельную шкатулку «Лавкой древностей», как у любимого ими Чарльза Диккенса.

В разграбленном новой властью доме Сергеевым суждено было познать все оттенки и смыслы человеческой жизни. Здесь они мечтали, радовались рождению дочери, принимали друзей, строили свою жизнь, выживали в реалиях страшных исторических перемен и испытаний. Всё как у всех. А ещё у них была– музыка. Влекущая и непонятная страсть к божественным звукам, вырывающимся из-под россыпи магических чёрно-белых клавиш. Звуки музыки их сопровождали всю жизнь.

В этой семье был один секрет. Одна странность. Её я почти разгадала. Чтобы никогда-никогда… Не перенять и не повторить! Итак, связь вещей и поступков. Мистика или совпадение? И нужно ли любить до самозабвения, хранить и лелеять неодушевлённые предметы, которые нас окружают, с которыми соприкасаемся, как с неживой природой, и которые приходят к нам по воле случая? Как знаки, как символы из ниоткуда.

* * *

В те далёкие времена бабушку Маринки все называли Сонечкой и было ей всего 20. Она была необыкновенно хороша собой – женственная, улыбчивая и очень милая. А еще – она прекрасно пела, подражая любимой певице Анастасии Вяльцевой. Как и у её кумира, у Сонечки был завораживающий, таинственный тембр голоса со странным наркотическим оттенком.

– Дышала ночь восторгом сладострастья неясных дум и трепета полна, – пела Сонечка легко и страстно.

Комната взрывалась аплодисментами гостей, и в эти минуты она уже не была скромной советской чертёжницей. Она видела

себя настоящей певицей, актрисой, недоступной и неземной. Тоненькая, в коротком «джазовом» платье из блестящего муара, она отстранённо улыбалась, зная, что будет петь любимые романсы ещё и ещё на бис.

– Не уходи, побудь со мною, – умоляла Сонечка, и голос её поднимался ввысь, куда-то далеко-далеко, где другая жизнь, так непохожая на всё, что её окружало.

В те годы не было ещё советской эстрады. Не было телевизора. Трансляция редких концертов по радио велась с ужасающими помехами. Домашние музыкальные вечера были знаком того далёкого, исчезнувшего времени. Люди чаще, чем сейчас, общались. Ходили в гости, пекли домашние пироги, устраивали чаепития, вечеринки, пели, танцевали, музицировали. Тогда, в 20-х, ещё помнили «доброе старое время». Ещё не выветрился дух недавней городской буржуазной жизни. Ещё страна не успела погрязнуть во мраке новой действительности. Всё было ещё впереди.

А пока, в центре большой полупустой комнаты, под розовым абажуром – вальс, лёгкий, светлый, грустный…

> В том саду, где мы с вами встретились,
> ваш любимый куст хризантем расцвёл…

* * *

Не суждено было Сонечке долго наслаждаться красивой жизнью. В воздухе уже витал прогорклый запах лагерной баланды, который так легко уничтожал совсем ещё недавний утончённый аромат «первого бала Наташи Ростовой». А так хотелось красоты!

Началась официальная борьба с мещанством. Пролетарская мода сделала иконой стиля женщину в красной косынке. По новым канонам не приветствовалось пользоваться косметикой, красить губы, делать маникюр, носить украшения. Мещанок презирали. Им устраивали общественные порицания на производственных собраниях, высмеивали привязанность к домашнему уюту и кустам герани на подоконниках. Жизнь становилась аскетичной и монохромной. Любимые Сонечкой романсы стали вдруг считать «упадничеством» и безвкусицей. В газетных фельетонах романсы высмеивались за безыдейность, называли буржуазным «пережитком». Конечно, никто не запрещал ей петь. Но голос её всё чаще звучал по-домашнему тише,

постепенно переходя в шёпот.

Опустел наш сад, вас давно уж нет,
Я брожу один весь измученный…

Сергеев смотрел на жену, и волна непонятной грусти медленно заполняла их дом. В такие минуты он стеснялся своей сентиментальности. Он даже не мог объяснить, что его так тревожит. Почему этот слегка манерный романс вызывает острое, саднящее чувство жалости к ней, к себе, ко всем, пульсирует в висках и не даёт успокоиться?

И как насмешка того непростого времени – известнейший рекламный плакат (1924) величайшего фотохудожника эпохи Александра Родченко. Растиражированный по всей стране плакат призывал население: «Покупайте книги Ленгиза!» На нём изображена пролетарская муза советского авангарда – молодая рабочая в красной косынке. Яркое, волевое лицо, решительный взгляд революционерки, сметающей всё на своём пути во имя великой цели.

Но главным обманом и интригой фотохудожника была сама фотомодель для этого легендарного плаката. Эта «рабочая» в красной косынке, символ революции, никогда ни на какой советской фабрике, типа «Большевичка», не трудилась. Ею была известная светская львица Москвы, избалованная, экстравагантная модница и умница, «пожирательница мужских сердец», "фам фаталь" и муза Владимира Маяковского Лиля Брик. Мир никогда не был однозначен. И наверное, иногда лучше – не знать.

А знаменитый революционный плакат А. Родченко вошёл в международный каталог «Фотосимволы XX века» и до сих пор волнует своей энергетикой и Тайной того непостижимого времени.

* * *

Времена не выбирают. Сонечка и Константин были счастливы именно в те годы вопреки всем безумствам кровавой эпохи. То, что Константин учился в Берлине, безусловно, не украшало его биографию. Но он был из разночинцев, что как-то мирило его с новой властью при условии лояльного поведения и абсолютной невозможности карьерного роста. А это так нелегко принять в самые творческие годы жизни.

Константин работал в архитектурных мастерских города. Он

был занят любимым делом, «не высовывался» и не стремился в начальники. На работе его уважали за грамотность и профессиональный талант. Он был художником от Бога. Никогда не ошибался. Отлично чувствовал многомерность пространства, перспективу, пересечения линий и поверхностей на каком-то подсознательном уровне. Мог без расчёта заранее предсказать все основные характеристики будущего проекта здания, знал в профессии абсолютно всё. А сколько сергеевских зданий до сих пор украшают мой родной город, делая его неповторимым и одухотворённым!

* * *

История их знакомства тоже была знаком тех пламенных лет, когда переплетались в один нервный узел чувства, молодость, отвага и простая человеческая потребность в тепле и счастье. Сонечка сбежала из родной Риги от военных беспорядков ещё в 1917-м. О том, что у её родителей была какая-то «мануфактура», никто не знал. Она тихо жила у замужней сестры и работала в проектном бюро.

Однажды коллега по работе, немолодая и очень строгая дама, попросила Сонечку о помощи в странном и деликатном вопросе. У её младшего брата были какие-то ценности, которые достались ему от родителей. Дама смотрела Сонечке прямо в глаза, и взгляд её требовал, приказывал, не давал шанса уйти. Она просила на несколько дней спрятать портфель её брата, так как в его доме должен был быть обыск.

Экспроприацию частной собственности контролировала Красная армия. О последствиях нарушения революционных законов страшно было даже подумать, это был расстрел – не меньше. Но отчаянная Сонечка почему-то согласилась. Они встретились. И уже не расставались больше никогда. В потёртом кожаном портфеле лежали два изумительных обручальных кольца с бриллиантовой россыпью и сверкающее колье из чёрного жемчуга.

* * *

Дочку Сергеевы назвали Машенькой, и большего чуда, большей радости они не знали. Их ангел, их талисман в бело-розовых кружевах улыбался родителям из своей колыбели, и они замирали от счастья. Константин мечтал сделать подарок

любимой жене к рождению дочурки. Только вот что подарить, чтобы это было осмысленно и очень, очень дорого для неё, чтобы на всю жизнь?

И хотя внешне казалось, что Сергеевы достаточно обеспеченная семья, живущая в красивом особняке, на самом деле они не были богаты. Даже по скудным советским меркам. Ведь дом не был их частной собственностью, он был в ведении районного жилищного управления города. Сергеевы просто имели официальное разрешение жить в своём доме. У них не было никаких прав на частное владение. Сергеев не был номенклатурным работником, не был заслуженным большевиком или дипломатом, он честно работал, получая инженерную зарплату. И хотя за уникальные проекты он получал хорошие премии, всё-равно было нелегко. По вечерам он читал лекции в университете, вёл курсовые и дипломные работы в архитектурном, консультировал молодых специалистов.

У малышки была теперь няня Лида, четырнадцатилетняя девочка, пешком пришедшая из деревни в город, спасаясь от голода. Летом Сергеевы снимали дачу в деревне – ребёнку нужен свежий воздух и витамины. Малышку надо было «оздоравливать». Ездили к морю в Евпаторию, считая этот детский курорт непревзойдённым местом красоты и блаженства. На пляже они с Машенькой, перебивая друг друга, хором повторяли нехитрые строчки Маяковского:

– *Очень жаль мне тех, которые не бывали в Евпатории…*

И при этом всегда заливались дружным смехом. Они-то знали, что ничего лучшего в жизни не может быть!

И чтобы праздник не покидал их дом никогда, Константин придумал уникальный подарок жене и дочке.

* * *

И вот, теперь мы плавно перейдём к сути нашей семейной истории – к красавцу Bechstein. Фамильные драгоценности Константина, которые ещё хранили тепло родных пальцев его матери и бабушки, были с лёгкостью проданы. Два старинных обручальных кольца и чёрное жемчужное колье могли так много рассказать тайн и секретов этого дома, в них было столько памяти и смысла… Но были почему-то отвергнуты и брошены на холодный прилавок ломбарда. О чём думал Константин, отстранённо глядя на эти мерцающие украшения? В тот момент он ещё не знал: вещи бывают одушевлёнными, им бывает невыносимо больно. Они, как люди, способны страдать и мстить

за предательство.

На вырученную сумму от проданных украшений Сергеев купил белый концертный рояль, который занял почти весь их салон. И это был не просто рояль, это был Бехштейн (Bechstein). С божественным звучанием, фантастически красивым звуком и неповторимым, насыщенным тембром. Зачем обычной советской семье немузыкантов элитарный концертный рояль, который стоит дороже автомобиля? На этот вопрос ответа не было и нет. Но ауру этого дома создавал именно он, белый немецкий Bechstein 1913 года выпуска, неповторимый и загадочный, аристократ среди фирменных роялей. У него даже был именной номер – 92847. И какими бы прекрасными ни были современные Steinway, Becker, Kawai, всё равно, лучше того старого, довоенного Бехштейна не было ничего на свете!

Вы готовы представить себе неповторимый музыкальный хэппенинг? Итак, вам подали чашку крепчайшего горячего кофе, и вы затянулись терпкой сигаретой Kent (шотл. «предел познаний»). И вы уже в раю… Это для вас звучит Bechstein! Или – поздняя осень, ливень, ветер, непогода, а вы у камина, пахнет хвоей и мятным чаем на меду… Это тоже – Bechstein. И когда в изнуряющий летний зной вы сидите в прохладной аллее кипарисового сада и медленно наслаждаетесь прозрачным, игристым пивом «Утопия», это тоже – Bechstein.

Но судьба даже у богов иногда драматична и страшна. Фабрика Bechstein была напрочь уничтожена американской авиацией в конце Второй мировой войны. Всё превратилось в пепел и дым. Когда-то я читала воспоминания очевидца этого страшного пожара, который начался после авианалёта. Это было в ночном Берлине. Советский офицер стоял и смотрел, как горит фабрика Bechstein, как вспыхивают в конвульсиях столетние деки, и у него по лицу текли слёзы. Дома у него, в далёкой Москве, стоял такой же рояль.

Потом писали, что во время Второй мировой войны супруга президента фирмы Bechstein лично спонсировала нацистскую партию, что воздушный налёт американцев был актом возмездия. Но разве может что-либо оправдать сожжение на кострах живой и прекрасной музыки?

* * *

День, когда Сергеевы привезли к себе домой рояль, был фантастически красивым сентябрьским днём. Весь город пылал в золоте украинского бабьего лета, и было ощущение счастья и

лёгкости бытия, что случается только в молодости, когда все ещё живы и всё ещё впереди.

Сонечка, будучи от природы очень музыкальной, сразу стала подбирать популярные мелодии на слух. А когда Машеньке исполнилось четыре годика, к ним пришла учительница музыки Регина, которая занималась и с мамой, и с дочкой одновременно. Машенька, увы, не была столь музыкальна, как Сонечка. Гаммы ей давались с трудом, но она была упорной и настойчивой. Уже в младших классах она неплохо играла на школьных концертах и училась в музыкальной школе. В их семье все любили друг друга. Константин баловал, как мог, жену и дочурку, а они восхищались его талантом, начитанностью, образованностью и благородством.

Как и вся страна, Сергеевы жили аскетично, но в их доме царила атмосфера спокойствия и умиротворения. Даже в самые страшные 30-е годы репрессий их дом оставался крепостью и удивительным образом хранил от всех бед. Даже странно, но чёрные воронки обошли их дом стороной. Они были теми редкими счастливчиками, которым удалось уцелеть в этой кровавой игре под названием «красный террор». И это была самая большая удача. Ведь от тебя ничего не зависит, а на кону – твоя единственная, ещё не прожитая жизнь. Ночью свет автомобильных фар освещал дорогу тем несчастным, которых забирали навсегда «без права переписки». И город не спал, ожидая незваных гостей и умоляя Бога о пощаде. Почти в каждой квартире стоял приготовленный чемоданчик с самыми необходимыми вещами – на случай, если придут. И приходили…

«Русская рулетка» кружилась по стране. Исчез Сонечкин парикмахер Яков Леонидович. Он похвастался одному из клиентов, что читал книгу Троцкого «Уроки Октября». Хотел выглядеть эрудитом, но просчитался. Этого оказалось достаточным, чтобы за ним пришли. Больше его никто никогда не видел. Теперь такие трагические события случались слишком часто и даже никого не удивляли.

В 1933-м начался голод на Украине, который потом назовут «голодомором». У няни Лиды умерли в деревне все. Когда Лида рассказывала о том, что в деревнях матери сходят с ума и едят своих младенцев, Сергеевы переглядывались, бледнели, но не верили, ужасаясь больной фантазии Лиды. А по утрам, спеша на работу, горожане переступали через опухшие от голода трупы селян, которым удалось добраться до спасительного города. Но город их не спас и не защитил.

Сельским жителям был запрещён въезд в город, повсюду стояли заградительные кордоны. Селян сознательно оставили умирать в деревнях, где самая плодородная, жирная земля –

чернозём и где сама природа всегда выхаживала и помогала. Но на этот раз и её поставили под прицел, запретили помогать голодающим и отправили всех на смерть во имя «индустриализации всей страны». В полдень на улицах было уже чисто, убрано и ничто не могло рассказать и напомнить о зловещем предрассветном кладбище. И к этому тоже почти привыкли. Кровавый спектакль продолжался по своим чудовищным законам, не жалея ни жертв, ни палачей.

* * *

«Над страной весенний ветер веет, с каждым днём всё радостнее жить. И никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить…»

Тонкие пальцы уверенно взлетают над клавишами рояля. Звонкие голоса Сонечки и Маши сливаются в едином порыве. Это они выступают на благотворительном концерте «Общества защиты детей» в детском доме. Дети-сироты, у которых родители расстреляны или брошены в тюрьмы и лагеря, поют азартно и звонко о счастливой жизни в их счастливой стране. В этом перевёрнутом мире можно было быть абсолютно счастливым, если не думать, не знать, верить и этой верой подменять истину.

И вот уже нет ни липкого, ночного страха от предчувствия беды, ни глумливых собраний и подозрительных соседей из дома напротив, ни осознания вины перед всеми, кого забрали, растоптали, унизили, издевательски убили, уничтожили память и запретили говорить. Год 1939-й. Жизнь продолжается.

* * *

Вся фантасмагория тех лет проявилась в ирреальных знаках повседневности: концерты блистательной Марины Козолуповой в переполненных залах оперного театра. Соната для клавира и скрипки № 3… Как же это не вяжется с той реальностью, в которой все жили! Или гастроли великого скрипача Жака Тибо, который просто ошеломил советскую публику. На фоне арестов и потерь люди жили обычной жизнью, что не поддаётся логике и что невозможно объяснить. До сих пор непонятно, как можно огромную страну так быстро превратить в послушных зомби.

Люди интуитивно искали иллюзорного убежища от страха – в книгах, театрах, кино. Все одновременно были без ума от сентиментального фильма «Маленькая мама», где очаровательная

Франческа Гааль играет озорную старшеклассницу. А фильм «Питер», всё с той же прекрасной Франческой, зрители заворожённо смотрели по несколько раз. И всего-то – рассказ о дедушке и внучке, которые брошены на улицу за неуплату долга. Довоенная жизнь, аскетичная и жёсткая, наивная и убогая, медленно подходила к своему завершению. Уходила в прошлое эра начала XX века. Всё, что в тумане призраком вырисовывалось впереди, ещё не было известно и даже не пугало в силу незнания и непонимания степени жестокости людей на нашей Земле.

«Ах, война, что ты сделала, подлая…»

21 июня 1941 года у Маши был выпускной бал. Сонечка и Константин, нарядные, с цветами, пришли на праздничный вечер в школу. Маша получила аттестат с отличием и была несказанно горда собой. Было торжественно и красиво. Школьный оркестр играл вальс. От выпитого шампанского чуть кружилась голова. От предчувствия скорого расставания было чуть горько на душе и тревожно. Но все шутили, пели, веселились.

В разгар вечера оркестр заиграл фокстрот. Загадочная «Рио-Рита»… Туфельки на первых в жизни высоких каблуках уверенно скользят в такт по зеркальному паркету… Губы застенчиво тянутся к губам… Танго и первая любовь на выпускном:

«Ах, эти чёрные глаза меня пленили, их позабыть не в силах я, они горят передо мной…»

Мальчики впервые надели пиджаки, повязали модные галстуки и, стесняясь своей взрослой одежды, на виду у родителей и учителей небрежно курят в школьном дворе свои первые в жизни папиросы. «Казбек» или «Северная Пальмира» – кто вспомнит теперь? Они стали взрослыми. Девочки – как невесты. Кружатся в белых праздничных платьях.

А какой красавицей стала Машенька! С копной медных непослушных волос, с загадочным медовым взглядом. В кремовом крепдешиновом платье она казалась королевой вечера. А как она танцевала! Было так легко на душе в эту июньскую летнюю ночь. Но как приговор для всех и для каждого, кто жил в тот день и час в 41-м – «Завтра была война».

Об Этом ещё никто не знал. Не знал гроза всех пацанов Валера Мельник, что очень скоро станет связным у партизан. И будет схвачен немецким патрулём в квартире одноклассницы и повешен на городской площади, где всегда назначали свидания мальчишки и девчонки довоенных лет. Не знала молоденькая учительница немецкого Ниночка, что будет работать в оккупации переводчицей у немцев, а потом будет расстреляна в 44-м, как предатель Родины. Не знал солидный пожилой завуч школы

Николай Николаевич, что станет заместителем бургомистра города и потеряется в потоке изменников на чужбине.

И даже любимец школы, молодой красавец военрук Виктор Морозов, ничего не знал о предстоящей войне. Это было скорее совпадение, чем предвидение. Но он вдруг, неожиданно взял слово и обратился к выпускникам:

– Вам придётся воевать. Дорогие мои мальчики и девочки, берегите себя на этой войне… Вернитесь живыми. Война будет страшной и беспощадной.

На мгновение наступила пугающая тишина. Виктор Морозов тогда не знал, что погибнет героем в неравном бою совсем скоро – в декабре 1941-го, в день своего 30-летия.

В тот последний мирный вечер ещё все были вместе. Ещё все были живы.

* * *

Уже через несколько дней фашисты бомбили город. Первые погибшие, первые раненые, первые беженцы… Призывные пункты, проводы на фронт… И слёзы, слёзы, слёзы. Маша с комсомольцами города каждый день ездила «на окопы». Окопы рыли лопатами вручную. В конце дня ладони были стёрты до открытых ран, но надо было успеть. Никто не жаловался. С окопов возвращались домой поздно вечером. Чёрные от усталости, в пыли и земле, еле стояли на ногах. Но утром ровно в 6:00 отходил дачный поезд, и они опять выезжали в окрестные районы, помогая солдатам строить укрепления.

Осознать новую реальность войны каждому пришлось в одиночку. Так встречают неожиданный ураган, смерч, тайфун, землетрясение. Через свою боль, свою вскипающую от ненависти кровь… Свои рвущиеся от страданий нервы. Это, как боевое крещение, после которого ты уже другой, не тот, которым был раньше. Миг страшного осознания крушения мирной жизни пришёл и к Маше. На безымянной станции, совсем недалеко от родного дома.

Немцы были уже совсем близко. Где-то рядом глухо разрывались снаряды. На привокзальной площади маленького полустанка толпился народ. Все нервно ждали пригородного поезда, чтобы скорее уехать в город.

Темнело. Возвращаясь с «окопов», Маша даже не заметила, как отбилась от своих ребят и оказалась одна в душной толпе чужих, растерянных людей. Пахло потом, пьяным перегаром и бедой. Надо было срочно сообщить родителям, что с ней всё в

порядке. Но как? Телефонных будок поблизости не было. Ничего не оставалось, как просто ждать.

Она прислонилась к какому-то покосившемуся строению и погрузилась в тяжёлый полусон. Рядом молодая женщина, почти девочка, кормила ребёнка грудью. Ребёнок, захлёбываясь, кричал. Наверное, у матери не было молока. Она только всхлипывала и повторяла:

– Дытыночка моя, цветочек мий…

Она причитала на той причудливой смеси русского и украинского, характерной для сельских жителей пригорода. Голос её был певучий, нежный, как родниковая вода.

Вдруг раздался пронзительный женский крик:

– Летят! Они летят! Ложитесь!

Крик становился всё громче и истеричнее. Маша инстинктивно закрыла лицо руками. Она уже точно знала, что это немецкие юнкерсы, оснащённые пулемётами. Послышалось сперва еле уловимое гудение, высоко-высоко в воздухе, но через несколько минут звук стал нарастать, превращаясь в яростный рёв, заполняя собой всё пространство и отбирая у людей на мгновение рассудок и волю. На этой пыльной привокзальной площади спрятаться было невозможно. Люди лежали на булыжниках мостовой, в траве и грязи почему-то лицом вниз. Все напряжённо ждали… Ждали и молили судьбу о спасении.

«Я не хочу умирать вместе с этими незнакомыми людьми… Боже, выведи меня из этого ада! Ведь я ещё не жила», – беззвучно шептала Маша, и тонкая страдальческая морщинка впервые перечеркнула её по-детски выпуклый лоб. Юнкерсы летели совсем низко. Казалось, что можно рассмотреть даже лица немецких лётчиков и спросить: «За что?». За что они с воздуха расстреливают этих мирных, усталых, безоружных людей? Кто дал им право на эту жестокость?

Маше показалось, что прошла целая вечность, пока стук несмолкающих пулемётных очередей внезапно оборвался. Юнкерсы, прострочив последние очереди, улетели в неизвестном направлении. Установилась страшная, пугающая тишина, и только истошный детский крик не хотел принимать эту незнакомую войну. Сидящая возле Маши женщина в странной, неудобной позе неподвижно склонилась набок. Из правого уголка рта текла тонкой струйкой кровь – на ребёнка, на белую кофточку, на загорелую шею… Женщина была мертва.

А напряжение постепенно стало спадать. Жизнь медленно возвращалась. Раненые кричали и звали на помощь. Рыдали женщины. Убитые ещё хранили мимику последних мгновений и казались живыми. По какому-то непонятному сценарию на этой

пыльной площади пересеклись судьбы мёртвых и живых.

Машу бил озноб… Через несколько минут она ехала домой в грязном, душном вагоне, впервые четко понимая, что война совсем рядом.

Потом ещё не раз были бомбёжки и обстрелы, опасность, глядящая мутным, смертным взором прямо в глаза, тревога и боль. Но тогда, на той безымянной станции, Маша поняла всю предрешённость и абсурдность человеческого бытия, хрупкость и ненадёжность жизни, каждого дня, каждого мгновения.

* * *

25 октября 1941 года город сдали немцам. Под утро пошёл мелкий холодный дождь. Он продолжался весь день и следующую ночь. Природа оплакивала каждый дом, каждую улицу, каждый переулок. Ветер разносил запах гари и пепла. Окраины города полыхали пожаром. И что удивительно, нигде не было людей. Всё замерло. Чёрный город мгновенно превратился в город-призрак.

Накануне последним эшелоном, идущим на восток, Сергеевы покидали город. Константин был срочно призван в полк народного ополчения, в инженерные войска. Задачей их подразделения была организация обороны. Сонечка и Маша были рядом, как вольнонаёмные. Несколько суток их отряд вёл сапёрные работы, минировал подступы к городу, взрывал мосты и другие стратегические объекты. На Холодной горе, самой дальней окраине города, их обстреливали свои. Снайперы, притаившиеся на крышах собственных домов. И это потрясло! Значит, кто-то ждал немцев? Как могло произойти невозможное? Кто эти нелюди, которые остались служить врагу в поверженном и распятом городе?

«Окраина, тесно связанная с деревенской глубинкой, ещё не забыла голодомор… Неужели они мстят? Но кому?» – Константин мучительно искал ответ. Но ответа не было. Как нет его и сегодня, через столько лет. Код предательства, наверное, следует искать в самой сути, но к этому даже историки ещё не готовы.

А тогда, в осеннем тумане, ополченцы шли колонной на восток. Шли молча пешком долгие километры, от перенапряжения даже не чувствуя усталости. За ними горел в огне их любимый город, горела их прежняя жизнь. А они даже не знали, что будет завтра с ними, с их близкими, со всем, что создано ими, что любимо и дорого. Вернутся ли когда-нибудь ещё в эти до боли родные места?

* * *

Сергеевым за годы войны предстояло вынести на своих плечах так много бед и лишений, что даже сегодня не хочется мысленно к этому возвращаться. Да и не было, наверное, семьи, которой бы не коснулась война. Свой дом они оставили в суете, без лишних сборов и прощаний. На хозяйстве остались домработница Лида и любимая овчарка Константина Рекс. Им некуда было бежать. Никаких ценностей у Сергеевых не было.

Ещё вчера они с лёгкостью тратили свои скромные деньги, не успев даже подумать о "чёрном" дне. Экономическая составляющая напрочь отсутствовала в их семье. Но "чёрный" день настал. Белый рояль виновато прощался с ними, беззвучно рыдая чёрно-белыми клавишами. Он тоже оставался, не зная, что будет с ним в захваченном врагами городе без любимых Сонечкиных романсов, без её гибких, всё понимающих пальцев, без вечерних чаепитий с гостями.

В вещмешки положили только самое необходимое: документы, несколько семейных фотографий, бельё, тёплые вещи и невесомое Сонечкино новое шифоновое платье (память о лучшем). А ещё – духи «Красный мак». Как символ довоенной жизни. Пряный, опиумный запах духов ещё долго волновал воображение, ведь в нём растворилась та, вчерашняя, призрачная и уже навсегда потерянная жизнь.

Судьба белого Бехштейна оказалась печальной. В оккупации в доме Сергеевых жили немецкие офицеры. Белый рояль под чужие пьяные голоса играл теперь бравурные марши типа Horst Wessel или Badenweiler. Он даже вспомнил немецкую речь, но и это не успокоило его. В звучании рояля появился надлом. Он вдруг потерял свой чарующий звук и захрипел, как простуженный пожилой актёр, который завтра уйдёт навсегда со сцены. И вскоре он ушёл из дома Сергеевых. Навсегда.

Через два страшных года оккупации под натиском Советской армии немцы срочно бежали, увозя с собой награбленное из разрушенного города. Даже странно, что в огне войны, в спешке и панике, отступая и предвидя поражение, практичные немцы думали об обогащении. Белый Bechstein немецкие солдаты погрузили на грузовик, аккуратно накрыли довоенными газетами и увезли в никуда. Так из дома Сергеевых ушла навсегда музыка.

* * *

Сергеевы вернулись в родной город в конце войны

постаревшими и больными. Маша ещё была на фронте. Их встречал пустой полуразрушенный дом, где гулял холодный ветер. Жизнь давно ушла через разбитые окна, покосившиеся двери, зияющие щели в перекрытиях. Предстоял долгий путь к себе. Путь воссоздания того, что забрала, перечеркнула война так безжалостно и жестоко. Но можно ли реставрировать ушедшее время?

За годы войны Сонечка из прелестной, стильной дамы превратилась в пожилую невзрачную женщину с потухшим взглядом. Она почернела от непосильной работы. Поседели волосы. Из-за контузии пропал слух.

В момент возвращения у них не было ничего, даже самого необходимого. О, как могли помочь в самые тяжёлые дни проданные давным-давно фамильные украшения! Когда под Воронежем раненый Константин едва не умер в холодном коридоре госпиталя… Когда так нужны были лекарства, которых не было… Когда потом, в эвакуации, остались без крова… Когда голодали до галлюцинаций, а в это время на рынке эвакуированные снимали с себя колечки, серьги, часы и меняли на стакан сметаны… Когда часами стояли в очередях, получая по талонам скудный, чёрствый паёк… Когда ежедневно приходилось добираться до работы пешком, преодолевая километры по песку, через пустынные холмы и арыки под палящим, беспощадным солнцем… Когда вернулись на пепелище.

Но они выдержали! Они смогли! Они остались живы! А ещё, Сонечка и Константин часто вспоминали, как ни странно, сверкающий лаком белый довоенный рояль, который так празднично звучал когда-то в их доме. Но всё уже было в прошлом: и два изумительных обручальных кольца с бриллиантовой россыпью, и сверкающее жемчужное колье, и даже роскошный Бехштейн.

Наваждение

Кто написал этот сюр? Кто перетасовал придуманные сюжеты и реальность в одну человеческую судьбу? И почему он согласился? Так не бывает!

Сразу после многочасового перелёта, уставший и сонный, обалдевший от жары и экзотики, он вдруг решил, что эта ночная прогулка именно то, что так необходимо перед завтрашним днём, полным деловых встреч, интервью, записей на радио и ТВ, кулуарных дискуссий и бесконечных трапез с прекрасными винами и экзотическими деликатесами, сладкими речами, которым всегда не хватает логики и завершённости, но в которых мы всегда с готовностью увязаем, как в сладком сиропе из слов и фраз. Позже, анализируя все события этой необычной командировки, Лунгин никак не мог понять: «Ну почему он так поспешно решился тогда прийти именно в этот странный порт-мираж, почти Бермудский треугольник, того хамсинного, беспощадного лета?».

Официально Лунгин прибыл на Международный гуманитарный форум, посвящённый объединению представителей разных рас, культур и религий. Кроме всей этой объёмной академической программы, его ждал огромный бонус – университетские друзья, сокурсники по журфаку, которые волею судеб оказались за кордоном, а это уже был кайф от предстоящей встречи. Праздник в ожидании праздника.

Эти шумные, многолюдные съезды проводились уже много лет в разных столицах мира достаточно торжественно и пышно. В этом году местом проведения форума оказалась маленькая средиземноморская страна, где всегда тепло, солнечно и в феврале в изумрудной траве собирают алые маки, где морской бриз и никогда не бывает зимы, а ещё полно бывших «наших», что создаёт ощущение повышенного комфорта для людей из средней полосы, которым 40+.

Принимающей стороной оказался его давнишний приятель Валерка Максимов, с которым были связаны самые крутые виражи их общей таганской юности, бесшабашной, хмельной и давно оставленной в самых далёких лабиринтах памяти, где-то вне рационального, в сфере бессознательных чувств и необъяснимых поступков. Именно Валерка предложил Лунгину эту ночную прогулку, когда они стояли на ветру на балконе 26-го этажа гостиницы Alexander, и от высоты и близости моря захватывало дух, как на американских горках, когда адреналин пульсирует в висках и заводит тебя ощущением полёта, лёгкости

и бесконечности.

Они уже крепко выпили за встречу. Уже прошли первые минуты неловкого напряжения, уже были пересказаны все истории побед, обид и поражений, уже опять они были вместе там, на кривых старомосковских улочках Тихого тупика, где прошла самая лучшая пора, где всё только начиналось, где всё было возможно, где они были бесконечно молоды, талантливы и умны и где их все так бескорыстно и горячо любили, как никогда не бывает в жизни.

– Хочешь понять, почему я не живу в Москве? – Валерка смотрел в упор, очень серьёзно, не мигая. Сквозь морской ветер к Лунгину летели его слова. – Я покажу тебе мой ночной город, согласен? Это что-то… Этому нет объяснения… Ты всё поймёшь сам.

То, что Валерка немного crazy, знали все ещё тогда, когда он поставил в их студенческом театре спектакль из жизни Сафо, полный мистики, крови, слёз и вычурной манерности, что в те далёкие «застойные» было не понято не только аскетичными осторожными преподавателями, но и многими продвинутыми, авангардно настроенными студентами.

Это был общественный взрыв! Такого не прощали!

– Слезливая безвкусица, – брезгливо кривили увядшие губы академические эстеты.

– Завихрения выскочки… Претензия на гениальность, – долетали сквозь сигаретный дым строгие оценки сокурсников.

И не подпустили к диплому!

Ругали газеты. Топтали друзья. Создали вакуум. И кто виноват? Была другая жизнь. И другие песни.

Ему не простили его нестандартность. Человек слаб, и он, чокнутый Валерка, уехал навсегда от таганской юности, от родных, от всего, к чему так крепко был привязан и что с лёгкостью переступил.

Возможно, тогда, очень давно, его сломали, не разрешили думать, творить. Возможно, не было сил бороться. Но, уехав, он так и не создал ничего похожего на тот странный, непонятный и завораживающий спектакль, который перечеркнул всю его дальнейшую судьбу. Он по инерции постоянно крутился в окололитературных и киношных тусовках, издавал какие-то альманахи, рассылал сценарии, участвовал в каких-то проектах, безумно устал.

И неудивительно, что в этой встрече с Лунгиным он опять искал себя – того дерзкого и непредсказуемого, сентиментального и ироничного, которого когда-то оставил в тех уже не существующих таганских тупиках. Одни названия вызывали

ностальгию и бередили душу: Невинный тупик, Тихий тупик, Укромный тупик… И – слёзы на глазах уже взрослого мужчины. Дым воспоминаний, как выдержанное дорогое вино.

И теперь он хотел так искренне, так наивно создать праздник – встречу своему другу, устроить прогулку по самым загадочным и любимым местам своей новой столицы, которую любил и ненавидел, как всю свою сложную и одинокую жизнь.

– Я покажу тебе ночной мираж… Согласен? Ты не пожалеешь об этом. Поторопимся, уже поздно.

Они вышли на пустынную туманную набережную. Где-то совсем рядом старинные часы отбивали 12 ударов – полночь. Рядом были море и старый заброшенный порт. В этом порту уже давно не было жизни. Город, некогда известный на всём побережье, изобильный и цветущий, растаял в дымке тысячелетий. И торговая площадь с пёстрой толпой разного люда – рыбаков и ремесленников, шумных торговцев и шутов, юродивых и странствующих нищих со следами проказы, заморских купцов и просто городских зевак стёрта, раздавлена беспощадным колесом времени. Навсегда.

И римские легионеры со стальными обветренными лицами, с их диковинными турнирами и боями гладиаторов, с их нездешней жестокостью и варварской необузданностью победителей растворились в тумане пыльных столетий, растаяли, ушли за горизонт… И страсти еретиков, и боль заблудших, и ярость стоиков, и позднее раскаяние… И безрассудства, и искушения, расцвет и колониальная опустошённость – всё уже давно забыто и отцвело, всё исчезло на других берегах реки Леты. Всё превратилось в тлен, прах, призрак.

Но море, как и тогда, тысячелетия назад, пенилось и бурлило в тусклом фонарном свете ночи, источало горький колдовской запах водорослей, йода, рыбы и звало, притягивало, манило. В некогда шумном порту сонно покачивались на причале забытые яхты, хозяева которых изредка выходят в море. Заброшенные дома, в которых давно никто не живёт, пустыми глазницами выбитых окон смотрели, как незрячие, вдаль и кричали о помощи, искали своих обитателей, покинувших их, предавших навсегда. Ночью город-фантом был пуст и безмолвен. Но по каким-то неуловимым знакам Лунгин скорее чувствовал, чем понимал, что ночная жизнь, непонятная и чужая, притаилась где-то совсем рядом.

Ну почему он согласился? Почему подчинился чужой воле? Почему вместе с Валеркой крадётся сейчас в этой неприятной пугающей тишине, вместо того чтобы пойти в гостиничный ночной бар, выпить лёгкий коктейль и послушать какой-нибудь

красивый джазовый блюз?

А тем временем на некоторых яхтах зажглись разноцветные лампочки, заискрились бенгальские огни, полилась томная музыка. Ночь, нежная и влажная, словно зазывала всё новых гостей своего недолгого праздника длиною в несколько предрассветных часов, когда слова и звуки обретают свой потаённый смысл, в котором столько мудрости и глубины, но только до рассвета, до первого бледного солнечного луча, который безжалостно уничтожает эту изменчивую гармонию и оставляет нам выцветшую, простенькую картинку нашей реальности, такой непохожей на исчезнувший праздник.

С верхней палубы одной из яхт доносился забытый романс Вертинского с его неожиданным и старомодным русским, грассирующим на французский манер:

– А я пил горькое пиво, улыбаясь глубиной души.
Так редко поют красиво в нашей земной глуши…

«Красиво», – подумал Лунгин, и его сразу так спонтанно потянуло на эту нарядную, ярко выкрашенную в жёлтый цвет яхту с гордым названием «Глория», где слушают русские романсы и где, наверное, говорят по-русски. Друзья, не сговариваясь, не раздумывая, запрыгнули на борт яхты и оказались в морском ресторанчике, качающемся на прибрежных волнах.

У входа за инкрустированной стойкой бара их встречал крепкий, очень смуглый парень в белой капитанской фуражке и тельняшке. Он курил крепчайшую кубинскую сигару и улыбался посетителям открытой белозубой улыбкой, приглашая на изысканную трапезу из экзотических морских яств, с самыми лучшими винами и напитками на побережье.

Лунгин и Максимов решили подняться на верхнюю палубу, на звуки музыки. Они поднимались довольно долго по крутой винтовой лестнице, но, когда вышли на палубу, с удивлением заметили, что там никого нет, кроме немолодого господина в очках, одиноко сидящего за круглым столом и читающего газету. На палубе гостеприимно сверкали ослепительно-белыми кружевными скатертями нарядные столики без посетителей. Ещё на столиках стояли букеты каких-то незнакомых жёлтых цветов, похожих на засушенные цветы из гербария, а в причудливых колбах горели цветные свечи, создавая атмосферу интимной расслабленности.

Как только друзья расположились за центральным столиком, к ним подошла молоденькая официантка и подала нарядное глянцевое меню. В ней было что-то колдовское: и чуть косящий,

ускользающий взгляд из-под изогнутых ресниц, подкрашенных бордовой тушью, и детские губы в полуулыбке, грубо обведённые почти чёрной помадой, и жемчужно-прозрачный make-up, делающий лицо похожим на застывшую японскую маску…

– Super! – вырвалось у Максимова почему-то на английском.

«Кокаин?» – мелькнула догадка у Лунгина.

Но, когда он решился посмотреть девушке в глаза, её уже не было, она будто растворилась в морском тумане. Господин с газетой тоже куда-то исчез.

Лунгин и Максимов обменялись тревожными взглядами, сохраняя при этом улыбки потерпевших поражение игроков. Но могли ли они предвидеть, что все роковые несовпадения этого вечера имеют свою необъяснимую логику, а все события им не дано ни остановить, ни изменить, ни исключить?

Максимов заметил первым, что их яхта не привязана к причалу и, очевидно, давно крутится на гребнях волн в открытом море, быстро удаляясь от берега. Свистел ветер, усиливался шторм. Было страшно и непонятно, перехватывало дыхание от неизвестной опасности… Берег исчезал за горизонтом…

– Что-то случилось с яхтой.

– Что происходит внизу?

– Почему здесь никого нет?

– Что делать?

– Бандиты?

– Террористы?

– Захват заложников?

– Прыгать в воду?

– Берег уже почти не виден.

Мобильные телефоны не работали. Но жизнь без опасности – не жизнь! Надо было искать выход.

* * *

Их укачивало. Кружилась голова. Подчиняясь инстинкту, они медленно сползали по скрипучей лестнице вниз, понимая друг друга без слов. То, что они увидели внизу, не поддавалось никакому объяснению. Так не бывает!

Яхта «Глория» была надёжно привязана канатом к причалу. И не было никакого шторма и никаких пенных волн, и не было ветра и качки… Ничего не было! Трудно поверить в это морское наваждение, но ещё труднее принять, что это было. Одинокий господин в очках по-прежнему читал газету. Избирательный фокус зрения выхватил дату газетного номера: 15 августа. Но

этот день ещё не наступил, до него оставалось целых три дня неизвестности. Ещё никто на земле не знал, что произойдёт в эти три дня жизни, какие события потрясут мир и что готовит каждому из нас судьба. На первой полосе газеты красные буквы, набранные жирным шрифтом, кричали: «Хроника катастрофы!».

«Ещё одно безумие. Не много ли на один вечер?» – подумал Лунгин, стараясь забыть эту несуществующую дату.

Но это уже было за пределами его понимания. К дате, означенной в газете, ему ещё предстояло вернуться.

15 августа Лунгин пил утренний кофе в холле гостиницы. Он уже изрядно подустал от бесконечной жары, суеты, заседаний, экскурсий. Уже состоялись все встречи, уже были куплены все сувениры и подарки, уже хотелось просто домой: в их тёплую осень, где на даче пахнет прелыми листьями, яблоками и мёдом, где накрапывает мелкий дождик, а старенький компьютер сиротливо ждёт на прозрачной веранде, где всё привычно и до боли знакомо на сотни лет вперёд. Но так не бывает!

Перед ним лежал свежий номер новостной газеты. Вдруг он увидел на первой полосе крупный знакомый шрифт кроваво-красного цвета – «Хроника катастрофы!»

Буквы молили о помощи, задыхались от гнева, сообщали страшные цифры убитых и раненых в новой безумной трагедии вчерашнего дня. И всё это случилось не где-нибудь в горячей точке, а в их мирной, нарядной столице. Неожиданно, неправдоподобно, страшно.

Ассоциативная память сразу возвратила Лунгина в заброшенный порт, на яхту «Глория», вращающуюся на морских гребнях без управления и капитана в открытом море.

Он вспомнил угрюмого господина с газетой, датированной не наступившим днём: и название статьи, и тот же шрифт типографского набора, тот же кроваво-красный цвет…

Лунгин бросился к телефону позвонить жене, убедиться, что она в порядке, что все трагедии мира где-то там, за пределами его сознания. Но ужас и страх уже парализовали волю, руки не слушались, пальцы мелко дрожали – он всё никак не мог набрать нужный номер. Потом телефон долго не отвечал…

* * *

В эти утренние часы Нина обычно собирается на работу – она должна быть дома, обязательно должна. Но телефон по-прежнему молчал. Длинные гудки испытывали его терпение. У него сжималось сердце. В висках противно пульсировало предчувствие

беды… – Но этого не может быть!

Он чётко видел её у зеркала в чёрном атласном пеньюаре с вышитым тёмно-красным драконом на спине. Этот пеньюар он привёз ей в прошлом году из Японии, куда ездил на презентацию своей монографии по древней японской философии. Монография называлась «Сад Рёан-дзи».

О, как он пытался расшифровать тайный смысл познания истины, как был самоуверен и бесконечно глуп, прочитал столько заумных книг, но так и не приблизился к ответу! Он только понял, что жизнь – это и есть вереница вопросов-загадок, на которые не было дано найти ответы даже мудрецам на Древнем Востоке. И никогда не старайся кружить по лабиринтам случайных событий и закономерных разочарований, – все усилия будут тщетны.

«Сад Рёан-дзи» потряс его воображение: каменный хаос из 15 чёрных необработанных камней, гениально спланированный сотни лет назад на белом песке, всё время обманывает своей композицией. Вы можете увидеть с любого места только 14 камней, 15-ый камень всегда невидим. Вы перемещаетесь по пространству, наконец, находите злополучный камень, но каменный хаос в уже другой композиции опять дразнит вас. Вам не дано увидеть все камни одновременно, и всегда будет один из камней для вас невидим, спрятан, как истина в нашем непрочном мире.

«И почему вдруг всплыл из далекой памяти ”Сад Рёан-дзи“?», – камнепадом сыпались на него нелепые вопросы.

Дурные предчувствия давили психику, не давали расслабиться. А перед глазами опять была она – такая любимая и родная, с трогательно выступающими детскими ключицами, с роскошной гривой пепельных волос, хрупкая, как подросток, – его прозрачная «Девочка на шаре» с известной картины Пикассо. Вот она выкуривает утреннюю сигарету, варит шоколадный кофе, слушает музыку…

«Так почему же он сходит с ума? Что случилось?! Кто объяснит?..»

Ведь только с ней он и может быть сильным, удачливым, талантливым, молодым. Только для неё он готов брать всё новые и новые высоты.

Пугающая тишина сдавливала аорту. Он почти не жил. Где-то в дебрях подсознательного он уже точно считал информацию и даже был спокоен. И даже безразличен, не в силах ничего изменить или хотя бы замедлить ход событий…

Он почему-то вспомнил их первую встречу зимой в Ленинграде, сотни лет назад, на Васильевском острове.

Медленный сверкающий снег… Девочка шепчет слова ещё никому неизвестного поэта:

Ни тоски, ни любви, ни печали,
Ни тревоги, ни боли в груди,
Будто целая жизнь за плечами
И всего полчаса впереди…

(И. Бродский)

«Только не это!!! Он ещё не готов принимать удары судьбы!»

А потом, через треск эфира и шелестящие помехи, донёсся до него знакомый, родной голос жены, с таким характерным и всегда волнующим его придыханием:

– Не волнуйся, у меня всё нормально… Прости, не могу долго говорить, меня ждут. Кто? Так… Потом расскажу… Катастрофа? Ах, да… У нас уже дожди… Да, родной, ужасно холодно… Камин на даче? Нет, он не греет. Ты же знаешь, он давно, очень давно неисправен… Шотландский плед? Ах, ерунда, не нужен… Береги себя… Ну, ладно…

И всё.

Гудки, гудки, гудки…

Обычно она долго прощалась по телефону: посылала воздушные поцелуи, не отпускала, шептала в трубку какие-то слова… Но никогда первой не бросала трубку на рычаг. Никогда – за все их долгие 20 лет.

На душе по-прежнему было тяжело от необъяснимых предчувствий.

Она что-то скрывала.

Но что???

Больше не было с ней связи.

Никогда.

Он с маниакальным упорством набирал и набирал номер своей московской квартиры, но никто не отвечал.

Вечером Лунгина вызвали телеграммой в Москву. Трагедия, от которой он почти спасся, догнала его. Самое невероятное – в то время, когда он с Ниной разговаривал по телефону, её уже не было в живых.

Он так и не понял, с кем он говорил в то утро.

Фантом? Наваждение? Бред? Шизофрения?

Смещение времени и пространства?

Предупреждение?

Простые вопросы умерли с простыми ответами.

Да и ответы были уже не нужны.

Казино

Взрыв чувств.
Фейерверк впечатлений.
Адреналин, создающий праздник.
Дразнящее слово: «КАЗИНО»…

Но я абсолютно о другом: о жизни, о судьбе, об азарте. Об игре, которая становится жизнью. И как это принять? Как в себе определить сферу подсознательного? Где прочитать, в каких теориях Юнга или Фрейда? Где найти ответы – в сакральных откровениях Блаватской или в таинствах Каббалы? Непонятно, почему мы иногда подчиняемся не своей воле, а спонтанному импульсу какого-то чужого безумия? Кто пишет этот сценарий?

Blackout. На английском есть очень точный перевод этого состояния, когда ты больше чувствуешь, чем понимаешь, когда какая-то сила управляет тобой, твоими действиями, поступками и даже воля на какое-то мгновение оказывается в подчинении чего-то неосознанно-мистического. Наступает минутное затмение, помутнение рассудка и… ты во власти стихии, во власти переплетения тысяч случайных совпадений, которые ни упредить, ни отменить, ни предугадать. И эти случайности уже тебя ведут, ведут по кругу… Наверное, в таком состоянии совершаются самые страшные, роковые преступления, или взлетают на сверкающую звёздами, головокружительную высоту успеха и побеждают, присваивая себе заслуги, которые пишутся чьей-то талантливой рукой из того заоблачного далёка, имя которому ещё не придумало прагматичное и не слишком благодарное человечество.

Но не будем заниматься психоанализом, это – небезопасно. К чёрту магию и хиромантию! Боги за это мстят. Пусть останется всё как есть – тайна. Иногда без ответа, иногда в многоточии, или за скобками наших собственных доводов и вопросов, нашего изумления или отчаяния.

* * *

Сегодня вечером я приглашаю вас на чашку хорошо заваренного чая. Это будет настоящий, коллекционный английский “Ahmad Tea London”, он ведь такой потрясающий! Итак, я поставлю перед вами свой самый любимый кузнецовский сервиз, из той полузабытой, такой далёкой и давно покинутой

страны, в которую ни разу не возвращалась. Помните – «Не возвращайтесь туда, где вам когда-то было хорошо»? И густой, тяжёлый, медового цвета чай будет согревать безупречный, прозрачный фарфор. В комнате будет очень тихо, и только мои сюжеты ненадолго нарушат нашу чайную гармонию.

А по совпадению слов, по созвучию звуков, по странной ассоциации мы забрели в дом Анны Тихо в самом центре Вечного города Иерусалима, в крошечном переулке между улицей Яффо и улицей Невиим, где такой тенистый европейский парк, где можно ещё найти бунинские «Тёмные аллеи» и прозрачные акварели русской художницы, приехавшей из блистательного Парижа начала прошлого века, когда ещё играли в тот высокий декаданс.

Она знала Шагала и Малевича, но не знала, что приехала навсегда в эту убогую жаркую Палестину и умрёт в бездетном одиночестве, оставив нам пленительный сад из прошлого века… и свои загадочные картины на стенах старого особняка, где всегда полумрак и нет посетителей. Здесь все располагает к умиротворению, но его нет в жизни, в жизни все не так…

Сквозь чайный фарфор, сквозь акварели Анны увидим:

Взрыв чувств.

Фейерверк впечатлений.

Адреналин, создающий праздник.

Дразнящее слово «КАЗИНО»…

И не думайте, что я о серьёзном. Ведь у нас Игра?

* * *

Мы летели уже несколько часов из Европы домой, в Израиль. В жестокой болтанке нашего перелёта только самые невероятные истории способны были увести от нависшего воздушного кошмара, когда наш лайнер трясло и ломало в белой молочной пене облаков и только по лицам стюардов (красавицы-стюардессы этот рейс не обслуживали) я пыталась определить градус опасности, нависшей над всеми нами, соединёнными волей случая на несколько часов в этом тесном, замкнутом, металлическом пространстве.

Ещё при посадке я выделила её из толпы. И, конечно, мы оказались рядом в этом ночном перелёте. Ей было очень, очень много лет, на вид 80+. Но вы бы видели эту леди, опрокидывающую все геронтологические понятия и стереотипы! Такие не стареют. Просто удачно мумифицируются, как Клеопатра – на века.

Она была высокой и очень худой, с подвижным

пергаментным лицом, хищным носом, и горящими тёмно-вишнёвыми глазами. Я почему-то вспомнила стихи Маяковского о глазах Лили Брик:

Круглые да карие,
Горячие до гари…

А мне всегда хотелось сказать: горящие, испепеляющие, всё сжигающие на своём пути. Я суеверно боюсь таких глаз.

Но вернёмся к ней. Я вам её представлю. И не удивляйтесь: её тоже зовут Лили. Мне кажется, что она из тех времён, Маяковского и Бриков, из круга Лили и Эльзы. В дурмане терпких французских духов из того забытого «русского» Парижа… подруга Анны Тихо, умершей так много лет назад.

«Но так долго не живут…» – сказали бы мои студенты.

А что известно им, молодым?

У неё были очень красивые тонкие запястья в звенящих дорогих браслетах. В длинных пальцах с кроваво-красным маникюром – тонкая сигарета и мерцающие изысканные сапфиры в ушах. Стрижка каре и волосы цвета блонд. Всё ужасно контрастно и загадочно – настоящая Пиковая дама.

Чёрный брючный костюм и безукоризненная ослепительно-белая блузка, чёрные туфли на тончайшей шпильке и чёрная сумочка от Gucci. Чёрная муаровая заколка в волосах, чёрная блестящая косынка вокруг трогательно-беспомощной старческой шеи. Странный чёрный шик.

Она потрясла меня своим умением быть женщиной, быть загадкой, быть не такой, как все. Уйти из толпы. И этот чёрный цвет одежды, и эта отрешённость…

Я обожаю чёрный цвет. Не в жизни, конечно, и не в палитре чувств, а только в композициях и натюрмортах, в атриумных пространствах костёлов, в звуках органа или в блюзах стиля ретро. Но не будем об этом. Мы о другом.

Лили, как и я, тоже живёт в Израиле и часто летает в Европу. И не к детям, не к внукам-правнукам… Нет-нет! И не по делам бизнеса: она ведь слишком стара. Просто Лили ИГРАЕТ. Не в театре, она не актриса. Лили играет в КАЗИНО.

Часто ее сопровождает сын. Ему 63 (до 120, как говорят в Израиле), но на этот раз он не смог. И Лили летит одна, что, конечно, не совсем комфортно.

Самолёт продолжало трясти. Привязанные ремнями безопасности, мы все покорно надеялись, шепча про себя слова молитв и выпрашивая у Бога скорую посадку. А моя соседка,

расслабленно откинувшись на спинку кресла, спокойно и загадочно улыбаясь, вдруг, нечаянно и спонтанно, выплеснула на меня, свою случайную попутчицу, самое сокровенное и роковое, тайное и никогда не проговариваемое вслух.

* * *

Она родилась в Австрии, в еврейской семье польских эмигрантов. В 1936-м их выслали из-за отсутствия каких-то документов, потом они бежали в Западную Украину, а там их догнала война.

После того, как немцы увели всех из её семьи в гетто, она пряталась в подвале местного полицая, обшивая его жену, хуторскую девчонку-модницу, нарядами невиданной красоты. Всю оккупацию она провела в подвале. Была вся синей от авитаминоза и недостатка кислорода, но суждено было выжить. А всегда пьяный деревенский «Шиндлер» оказался праведником пред Богом и перед юной еврейской женщиной, судьба которой так близко, так страшно по касательной прошла мимо газовых камер Холокоста, где сгорели, растворились самые близкие и родные. Потом были лагерь в Сибири (ведь осталась жива, почему не погибла в гетто?), возвращение в послевоенную, растерзанную Польшу, остракизм обозлённых поляков и в 1947-м конечная остановка – Палестина.

Она путала немецкий и польский, украинский, русский… Сколько языков она успела узнать и все – чужие… Идиш она знала с детства, но было физически больно на нём говорить. Язык мамы и сестры, брата и отца, язык субботней трапезы дома, где так сладко пахло сдобными халами…

Stop! Она никогда не возвращается в прошлое. Это запретная тема. И как символ новой страницы в жизни стал гортанный, жаркий, экзотический и непохожий на другие языки – иврит. А потом всё сложилось, состоялось: муж – блестящий адвокат, университет, академические степени по западноевропейской живописи, удачная карьера, признание, достаток, вилла в северном Тель-Авиве. Дети, – чудесные, самые лучшие в мире дети… Увы, почти всё в прошлом.

– Ведь было столько войн на этой несчастной земле! Не будем об этом…

Она смотрит куда-то сквозь меня, силясь рассмотреть, понять, объяснить себе, – почему именно с ней так обошлась судьба?

Кто долго живёт, у того всегда много потерь. Жестокая

истина.

У неё сегодня есть только старый одинокий сын, безумно любимый и безумно несчастный. Я не задавала ей вопросов, я не умею лезть в душу, но она продолжала и продолжала говорить, не обращая внимания на мою явную отстранённость. Ей надо было понять себя. И она вдруг резко перешла на совсем другую тему, о которой я и хотела вам рассказать в самом начале нашего чайного откровения.

* * *

Когда всё ещё в её жизни было прекрасно и наполнено смыслом, когда все ещё были живы, она с мужем была приглашена на научный симпозиум в Сан-Франциско. А потом – культурная программа и посещение Лас-Вегаса. Это означало – увидеть и умереть!

Серьёзная академическая дама, профессор университета, уже далеко не юная девочка, повидавшая мир, пришла в шок! Она открыла для себя другую вселенную, ослепительно яркую, сверкающую и переливающуюся всеми цветами и оттенками, заполненную до краёв целой гаммой чувств, ощущением праздника и игры, риска и куража.

Ей понравилось все: и отсутствие часов (здесь свой временной отсчет), и холодное зеленое сукно, сдерживающее чувства самых азартных, и аристократичные крупье, и изысканные напитки, и дым дорогих сигарет, и тонкий запах эксклюзивных духов, и мерцание раритетных бриллиантов, и шумные игровые автоматы, и еще, и еще… Голова кружилась от пьянящего ощущения близости к загадочному, непостижимому миру зеленых купюр… Чужие деньги будоражили кровь… Звенело в висках, дразнила чужая удача. Тогда Лили не рискнула подойти к столу с рулеткой, где завсегдатаи с каменными лицами замерли вокруг крупье, как на спиритическом сеансе. Она не рискнула играть. Это все еще придет потом. Как приворотное зелье, будет затягивать и манить… Но тогда, на рассвете, она была еще зрителем на новом, безумно захватывающем, ночном спектакле.

В лабиринте шумного отеля обалдевшая от впечатлений Лили зашла в ювелирный бутик. Украшения всегда были ее слабостью и капризом. Ее сопровождал любимый и единственный супруг – Натаниэль, который всегда обожал делать ей дорогие подарки-сюрпризы, наблюдая, как она из солидной, уверенной

дамы превращается в девчонку, замирающую перед новой, дивной игрушкой. А как чертовски ей шли все эти блестящие каратные побрякушки! И как хороша она была в ту сказочную ночь!

Через 20 минут они покидали отель, группа друзей ждала их в машине у центрального входа. А перед Лили сверкали в лунном свечении на черном бархате прозрачной витрины причудливо витые цепочки, кольца, браслеты, серьги из разноцветного золота венецианской работы, мерцающие камни потрясающей огранки: бриллианты, изумруды, рубины, сапфиры. Она перемеряла множество украшений и это был тоже захватывающий процесс, от которого кружилась голова. Ей нравилось все!!! Как в кукольном магазине девочка, выбирающая очередную Барби, Лили долго примеряла изысканный кулон в перламутровой оправе с бриллиантовой россыпью вокруг кроваво-черного рубина. Продавщица была любезно-терпеливой, играя роль ассистентки в этом примерочном спектакле, но вдруг ее отвлек телефонный звонок: она увлеченно заговорила о чем-то чрезвычайно важном для себя, забыв о Лили и о других покупателях, рассматривающих украшения. И в этот момент Лили, тряхнув недовольно головой цвета блонд со словами: *«Ну, мне пора…»*, – медленно вышла в стеклянное пространство открытой двери.

Уже в машине, отъехав несколько сот метров от отеля, она из очаровательной вечерней сумочки осторожно извлекла тот самый кулон в перламутровой оправе с бриллиантовой россыпью вокруг кроваво-черного рубина. Как могла она позволить себе УКРАСТЬ? Она, знающая заповеди и читающая Тору?

Это было настолько НЕВЕРОЯТНО, что потом, по приезде в Израиль, заставило ее обратиться к знакомому психоаналитику. Лили впервые испугалась себя. Мудрый, как древний Ребе, с лицом постаревшего Спилберга, психоаналитик сказал, что это была лишь реакция на постоянные запреты безумно аскетичной жизни Лили, что важны еще праздники, которые создают релаксацию и снимают негативную энергетику. Другими словами– экскурсия в казино была тем нервным взрывом в психике Лили, который привел ее к такому странному поступку. Ведь она не хотела! Бред! Стыд! Наваждение!

А потом она стала играть. И ей везло, и были крупные, очень крупные выигрыши, и это стало допингом и страстью потерявшей все в этом мире одинокой, древней старухи. Лили ездила много лет подряд в Европу, в один и тот же пятизвездочный отель на берегу моря. В этом отеле было казино и ежевечерне она предавалась безумию Игры. Лили жила там в лабиринте полутемных комнат, задрапированных зеленым сукном, в атмосфере ночного азарта и риска. Она никогда не гуляла у моря,

не бродила по цветочным аллеям парка, не плавала в бассейне с минеральной водой, даже к завтраку не успевала после ночной игры. Но наступал вечер и Лили оживала. Адреналин пьянил, подстегивал, лихорадил, и на несколько часов очень старая женщина превращалась в роковую Пиковую Даму. И если не верите мне, обратите внимание на старуху в черном элегантном костюме с массивным кулоном в перламутровой оправе с бриллиантовой россыпью вокруг кроваво-черного рубина. Это ее талисман. Лили не расстается с ним никогда. Он приносит удачу.

Как же удивилась я, когда значительно позже прочитала признания известного мага и хироманта. Маг утверждал, что *особую Удачу приносят украденные драгоценные камни, особенно – темно-кровавые рубины.* Это было известно еще в древности и использовалось во многих оккультных ритуалах со времен фараонов.

* * *

А самолет тем временем приземлился. По израильской традиции пассажиры дружно захлопали в ладоши. Ночной перелет завершен. Прощай, моя случайная попутчица – Пиковая Дама из Тель-Авива. Твои признания и откровения я впишу в чистый файл моего компьютера и по виртуальным знакам компьютерных шифров безошибочно вычислю все закономерности и тайный смысл Формулы твоей Игры.

Мистика картин

Возможно, история, которую хочу рассказать – совпадение, подтасовка фактов, случайность. Но об этом надо знать и помнить, ведь слишком страшна гипотетическая расплата. Итак, мой рассказ о Живописи. О картинах в старинных, тяжелых рамах на белых стенах домов (не музеев!), когда нет границ между картинным пространством и обычным жилищем обычных людей.

Но прежде, чем начать, немного известной информации.

Мистика картин – тема очень загадочная и необъяснимая. Вы, наверное, слышали, что иногда прекрасные полотна, даже великих мастеров, восхищающие зрителей и вызывающие восторг, способны приносить несчастья, отнимать удачу, притягивать беду. В оккультизме есть понятие «эгре́гор» – душа предмета, вещи. *«Ментальный конденсат»*, порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающий самостоятельное бытие. По мнению приверженцев этой теории, эгрегорами обладают памятные вещи, реликвии, подарки, сувениры и прочие предметы, которые помогают привлечь удачу или, наоборот, несут завуалированно проклятие. Любителям живописи и художникам хорошо известно о существовании «проклятых картин». Все эти картины имеют очень нехорошую энергетику, у них выработался соответствующий разрушительный эгрегор, так что ничего удивительного нет в том, что они приносят проблемы и несчастья. Но происхождение этого отрицательного эгрегора сегодня никто не объяснит. Это Тайна, которую невозможно разгадать. Некоторые философы объясняют возникновение эгрегора, как воплощение замысла мастера, когда открываются шлюзы общения его с Космосом.

Увы, нам не дано знать, о чем думал художник много лет назад, рисуя картину, и какие силы управляли его рукой с кистью. Но важно понимать, – картина всегда одухотворена, как и скульптура из камня. Наверное, вам знакомы рассказы очевидцев, которые видели «ожившую» мимику каменных надгробных статуй? Шевеление губ или ресниц… Иногда по ночам мраморные скульптуры могут плакать невидимыми слезами, как иконы старых мастеров. И тёплые слёзы из холодного камня обращены к их близким, живым… И кто знает, на что способен великий Мастер и в чем магия застывшей на века Красоты?

Признаюсь, меня всегда волнуют картинные залы и музейные лабиринты. Я всегда чувствую влекущие волны энергетики из чужой, далёкой реальности, в которую хочется зайти, как в зазеркалье, но которая всегда пугает своей «тайной за семью

печатями». Давайте вместе зайдём в эту запретную дверь и откроем страницу моих воспоминаний.

* * *

Однажды, лет десять назад, я была в гостях у своих давних знакомых. Они построили большой, красивый дом и хотели, конечно, показать друзьям. До поздней ночи мы просидели на веранде, наслаждаясь прекрасным бабьим летом.

Было очень тихо, спокойно и легко на душе. Душистый чай с жасмином согревал душу. Домой я не поехала, осталась ночевать у друзей. Ночевала я в просторной белой комнате, предназначенной для гостей. Как раз, напротив кровати, на всю стену, расположилась огромная картина в старинной золоченой раме, которая у меня сразу вызвала непонятное смятение и страх. По странной ассоциации я сразу вспомнила «Крестный ход в Курской губернии» Репина – та же некрасивость лиц, те же уродливые позы, та же мрачная, тяжелая атмосфера обреченности. Картина на белой стене казалась мне живой и этим пугала.

На пепельно-сером фоне летела навстречу мне колесница, влекомая вздыбленными конями-гигантами. В колеснице сидели странные люди: юродивые, убогие горбуны, растрёпанные полуодетые женщины с белыми, невидящими глазами. За колесницей бежала толпа, еле успевая, в клубах бурой пыли. Дети в лохмотьях, калеки, опирающиеся на костыли, оборванные старики… За этой странной толпой в дымке вырисовывались очертания Старого города. Похоже – Иерусалим. Город на картине обнесён высокой крепостной стеной и настежь открытые ворота призывно зазывают вас в бесконечную, пугающую черноту.

Историю этой картины мне рассказала хозяйка дома, моя подруга. В 90-е, во времена дефолтов и перемен, мои друзья вложили все свои заработанные деньги в живопись, считая, что это надёжнее хрупких, непостоянных купюр. Им посоветовал знакомый галерейщик молодого и очень талантливого художника, который выставляется на зарубежных выставках и продаёт там успешно все свои полотна. Тематика художника: религиозный модернизм. Уезжая из страны, мои друзья перевезли всю свою коллекцию картин в Израиль. Постепенно продали все картины, кроме одной. Она никак не продавалась. Картина оказалась по размерам «не в формате», и её мои друзья оставили себе на память. В новом доме, в комнате для гостей, наконец, ей

нашлось место.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Мне казалось, что за окнами кто-то бродит: я слышала шаги, то удаляющиеся, то приближающиеся. Я плотно закрыла окна и, предпочтя духоту ночной свежести, провалилась в тяжелый, тягучий сон. Хозяева дома спали на втором этаже. Входная дверь была расположена рядом с моей комнатой, от ветра дверь иногда поскрипывала и каждый раз я просыпалась. Не помню, что мне снилось, но я проснулась на рассвете от чего-то жуткого, непонятного, ужасного… На меня в сером предрассветном тумане смотрели огромные, сверкающие, бездонные синие глаза… Нечеловеческие! Фильм ужасов!!! Даже закричать я не могла от страха. Но всё это длилось, наверное, мгновение. Через минуту возле меня была вся семья хозяев дома. Странно, что своего крика я так и не услышала. Оказывается, эти страшные пугающие глаза были у сиамской кошки, которая, почувствовав чужого, проявила свой надменный, собственнический характер. Через неплотно закрытую дверь кошка пробралась ночью в комнату, где я спала. «Кошкин дом», уютный и удобный, был любовно обустроен в маленькой кладовке, рядом с комнатой для гостей. Кстати, эту кошку, незадолго до моего визита, хозяйка дома подобрала на автобусной остановке, обогрела, выходила и оставила у себя.

Утром я, разбитая и опустошенная, наспех выпив кофе и распрощавшись с друзьями, возвращалась домой, убеждая себя в пустячности происшествия. Но ничего не происходит случайно.

Прошло много лет и так сложилось, что с этими людьми мы разошлись по жизни, не ссорясь, просто так. И никогда больше не встретились. Просто исчезли контакты, телефонные номера – без обид и претензий. Поверьте, так бывает. Не знаю, что разрушило гармонию наших тёплых, дружеских отношений, но когда вспоминаю ту ночь со страшной картиной и безумной сиамской кошкой, то понимаю, что не всё в этом мире можно объяснить.

Это уже потом я узнала о сложном оккультном значении Колесницы. Колесница (по древним толкованиям) – символическое изображение цепи нисхождения от Бога, через человека, в мир явлений. Но Колесница из той страшной картины осталась НАВСЕГДА неподвижной на белом холсте, на белой стене чужой комнаты и чужой жизни. Она осталась для меня лишь неприятным воспоминанием. И только.

Но не эта ли Колесница в своем колдовском полете «переехала», уничтожила ту живую, положительную энергию, которая связывала нашу дружбу и привязанность столько лет?

Новогодняя сказка

Вот и не верь в сказки! Накануне Рождества Светлане приснился сон.

Ей приснился огромный банкетный зал. Абсолютно безлюдный и пустой. Украшенный ёлочными гирляндами, блестящей мишурой и очень красивыми, переливающимися в полумраке, сказочными ёлочными шарами. В центре зала стояла нарядная ёлка: пушистая, сверкающая, в разноцветных лампочках, пахнущая морозом, лесом, хвоей. На зеркальном паркете играли загадочно блики. В зеркалах таинственно отражались бенгальские огни. Звучала музыка. И они танцевали в этом случайном, пустом зале: самые близкие друг другу, зачарованные этой странной встречей, которую через столько лет невозможно было предсказать и представить. Это был Он – тот самый мальчик из её детства, которого потеряла так глупо и странно, под эту чарующую музыку «Besame mucho» (*Целуй меня крепче*), написанную давным-давно прекрасной Консуело Веласкес – для всех влюблённых и на все времена.

Тогда, 20 лет назад, на встрече бывших одноклассников было очень шумно, безалаберно и весело. Еще вчера была школа, еще не забыты контрольные и экзамены, еще не поменялись адреса и номера телефонов… Еще детство было совсем рядом. Он появился в самый разгар вечера. Безумно красивый, фантастически взрослый и недоступный. Их взгляды пересекались, выжигая потрясающее поле влечения, неизвестное никому в этом огромном пространстве. Это была их закрытая зона: влекущая, интригующая, полная страсти, эмоций, предчувствий и обещаний. Еще не было произнесено даже первых слов… В сиреневом сигаретном дыму, ощущая на губах терпкий, пьянящий вкус шампанского, Светлана в зеркалах ловила своё отражение и понимала, что этот первый взрослый роман будет её самой главной победой: сладкой, искушающей и прекрасной, как бывает только раз в жизни. «Besame mucho»… Томный голос певицы признавался в любви так проникновенно, так открыто, и так грустно. А он шел к Светлане, пересекая зал, сквозь чужие любопытствующие взгляды, завистливый прищур девчонок и ожидание парней… Он приглашал её на танец, – элегантно и даже церемонно. Глядя в глаза и ожидая ответа. Но… В последний момент Светлана, вдруг, вошла в странный и непонятный кураж. То ли шампанское ударило в голову, то ли хотелось показать всем свой непокорный характер и норов. То ли

побоялась, что танцует недостаточно стильно и проиграет… в его глазах. Она еле слышно произнесла: «НЕТ… Я не танцую». Он вспыхнул, картинно развернулся и пригласил её лучшую подругу Линку. И весь вечер отплясывал с Линкой, а потом они исчезли из этого зала и больше никогда Светлана не видела их обоих. Так сложилось.

* * *

Она уже давно жила в другом городе, другой стране, и дверь в детство была навсегда плотно закрыта. Она не искала в прошлом того, что не состоялось, того, чего не было…. За столько лет Светлана привыкла к своему одиночеству и даже находила в нём особый вкус и особую негу. Но когда во сне она услышала знакомые звуки «Besame mucho», на неё нахлынул мощный поток воспоминаний, эмоций, чувств… Она проснулась от слёз: горячих, обжигающих, настоящих. А музыка не прекращалась…. Она звала и будила… «Целуй меня крепче»… В ней было столько смысла, и столько любви.

И вдруг… В этом утреннем, непонятном, новогоднем мираже она услышала Его голос – мягкий, тёплый и нежный… В проёме двери, ведущей в кухню, Он стоял такой же высокий и красивый… Лёгкая седина придавала ему особый шарм и изысканность. В выдержанном вине есть свой аристократизм. А в воздухе витал дразнящий аромат поджаренных тостов и снега.

– Какой кофе Вам приготовить, моя Принцесса? Латте? Макиато? Эспрессо? Я вернулся. Навсегда.

Красивый был роман

«Для получения ароматного кофе кофейные зерна надо обжарить до появления на них маслянистого блеска…

(“Книга о вкусной и здоровой пище”)»

Процесс приготовления кофе сродни колдовскому обряду, – не отвлекаюсь, не сержусь, в дымящемся, обязательно пенном напитке растворяюсь и тону, и только тогда, когда кофе готов, подаю, как Праздник. На мое любимое перламутровое блюдо я поставлю фарфоровый кофейничек, белый до прозрачности, белые, как игрушечные, чашки на маленьких блюдечках и хрустальные стаканы с ледяной родниковой водой. Шоколад лучше горький… И лимон желательно зеленый… Ну а теперь, по капле наслаждаемся божественным напитком, и на кофейной гуще на тонком прозрачном фарфоре вдруг проступит россыпь тех дней, легких, как кофейный аромат…

И сразу захочется говорить стихами:

Красивый был роман
Как будто бы вчера,
И полуслов туман,
И полуфраз игра…

А потом? На мириады осколков… И не собрать, не склеить, не возвратить.

* * *

Свинцовой стеной осенний дождь висел над городом. Остановка метро была совсем рядом – возле Детского Мира, за поворотом, – и Лине ничего не оставалось, как броситься в холодное, мокрое пространство дождя. В сумерках, в тусклом свете неоновых фонарей, лица прохожих были неразличимо одинаковы. Серые капли дождя догоняли ее на бегу, объединяя с этой усталой толпой и бесконечным, пронизывающим дождем. И

только осознание, что уже через час она будет пить крепкий обжигающий кофе, и в лицах рассказывать мужу и сынишке обо всех приколах своих студентов за этот длинный понедельник, – согревало ее. Они все вместе будут хохотать, как дети, им будет так легко, так хорошо, как всегда. На кухне будет витать домашний дух поджаренных тостов, будут звенеть, перебивая друг друга, вечерние телефонные звонки, на телеэкране появятся очередные сыщики и респектабельные убийцы из недосмотренных сериалов, непрочтенные газетные новости, нерешенные кроссворды, мерцающий Интернет… – её мир: такой простой, безмятежный, понятный.

Stop!!! Кто-то резко схватил ее за руку, от неожиданности Лина остановилась. Электрический разряд молнией пронзил мгновенно, не давая опомниться, сбивая на ходу мысли и опрокидывая память…

– Мадам, это вы? Привет!

– Сергей?!!! Не может быть!

– Может, все может быть, Линка! Я так и знал, что встретимся, чувствовал… – рокотал знакомый с хрипотцой бас.

Как странно видеть его, так давно ушедшего из ее жизни. А ведь, действительно, прошло лет 15. Он называл ее Жасмин, наверное, за дурман этих любимых ею цветов, когда весь город тонул в белой пене чарующего весеннего наваждения, и они были так счастливы, как это бывает только в ранней-ранней юности.

– А ты совсем не изменилась… – спорил он с неопровержимой логикой времени или просто красиво лгал.

«Зачем?.. Или вечером, под дождем, не видна предательская паутинка вокруг ее глаз? И как удачно, что именно вчера, она сделала модную стрижку и обветренные пряди продуманно небрежных светлых волос создают обманный шарм легкомысленной уверенности, которую мы все так легко теряем, не признаваясь в этом даже себе. Ты этого не узнаешь…», – у Лины пронеслась в голове целая вереница вопросов, но вслух произнесла самое банальное, незначащее:

– Ты тоже, все такой же… Серый! Ну, рассказывай, в каком звании? Военной карьере развод не помешал? Знакомый серебристый смех.

«Дразнящий тон, ненужные вопросы… А ведь сама отлично знает, что из-за нее все бросил к черту! Уехал на Север, куда глаза глядят… Будущее, карьеру швырнул к ее ногам, таким ослепительно стройным тогда, в этих сумасшедших мини… Сколько лет он не был в этом городе, в этой уже незнакомой

жизни! И как подарок из прошлого, эта встреча… Жасмин…», – он молчал, не находя нужных слов.

Лина заметила все: и легкую седину на висках, и безупречный костюм, и дорогой парфюм и усталость в серых, почти стального цвета глазах. Она уже слышала от общих знакомых, что Сергей работает реставратором в музее, коллекционирует раритеты живописи. Бывший ее военный мальчик, а сегодня «хранитель древностей»… Как странно.

Он рисовал за нее задания по спецкурсу живописи, а сегодня она эту живопись преподает. А он, так и не став военным летчиком, живет в мире холстов и красок, в мире композиций и оживающих образов. Все перепутала жизнь!

Тогда, из летного училища, он убегал в самоволку к ней. Какой это был кураж, какой драйв! В памяти кружится, кружится медленный зыбкий снег той их первой зимы. Снег падает на ресницы, губы, слова, стихи…

Ах, книжные слова,
И дружба по Ремарку,
И непонятный спор
Про осень Патриарха…

Их слова замерзают в снегопаде и растворяются навсегда в том снежном городе, расцвеченном сверканием вечерних огней, искрящегося снега и легкомысленной свободы, пьянящей и такой неуправляемой, дерзкой, даже жестокой от непонимания жизни, от незнания простых истин, от молодости, что до поры так бездумна и прекрасна. Прощай, Жасмин! Прости…

– Женат?

– Был дважды… Но ты же знаешь, что по жизни я– одинокий волк… А вот дочку зовут почти, как тебя – Лена, она на тебя очень похожа и тоже обожает жасмин. Ты иногда вспоминаешь?

«У нее все та же манера щурить глаза и загадочно гипнотизировать, считывая мысли, твое самое потаенное и непроизнесенное вслух. Те же детские пальцы, от волнения сдавливающие едва заметную синюю жилку у виска, и то же янтарное ожерелье…»

Это ожерелье из темного прибалтийского янтаря они покупали много лет назад вместе, на пустынном зимнем пляже в Сигулде. Медовый янтарь отражался в ее светло-карих глазах, излучал загадочное янтарное свечение, в котором она казалась такой божественно красивой и совершенной, какой не была

никогда. А потом на всех картинах, которые он рисовал или реставрировал, глаза самых разных женщин, из разных веков и эпох, светились ее янтарным теплом… И это ужасно раздражало его. И он сопротивлялся и не мог понять, – почему этот разлитый янтарь разрушает его талант, его индивидуальность, делая заурядным шаблонным художником, подмастерьем, который непростительно долго рисует один и тот же портрет, повторяет тебя, Лина?..

– Ну и как жизнь?

Лина нервно теребит светящийся в темноте янтарь. Янтарные камни так же горели на ней, когда она в последний раз ушла от него, растворилась в черном пространстве дверного проема их съемной, необжитой квартиры, их такого недолгого Рая. Он тогда почему-то вспомнил «Черный квадрат» Малевича. И в самые тяжелые минуты своей не очень удавшейся жизни мысленно всегда возвращался к этому шедевру русского авангарда, ощущая на себе всю мощь безумной энергии черного, пугающего пространства, в которое ушла она – его Жасмин.

Он помнил все подробно и четко, она помнила тоже все: ощущение Праздника, бесконечного и прекрасного, который в памяти так и остался одним потрясающим Днем в жасминном дыму, понятным только им и для них. И как же не уберегли? Как легко отказались, предали, расстались.

Он помнил, помнила она– скандалы и крики, истерики и упреки, среди которых они искали губы друг друга, и в приливе бешенства падали в объятия, энергетически заряжая себя и пьянея от смеси чувств, эмоций, нервов… и еще чего-то, чему нет определения, но что пьянит и отключает психику. Они по молодости еще не знали, что экспансия на личность любимого человека, желание завладеть до конца его мыслями, чувствами, привычками всегда приводит к разрушению. Человеку не дано завладеть Судьбой ближнего, и в любом подчинении присутствует горькое отторжение. Сжатая пружина дала обратный ход и еще непостроенное Счастье – вдребезги, на миллиарды осколков… Чтобы потом, через столько лет, стоять под дождем, не отпуская друг друга.

– Давай сегодня устроим праздник…

– Отметим нашу встречу, отменим все, что связано с нами и знаем только мы…

– Выбирай, куда едем? Ну, решай…

– Невозможно….

А память прокручивает их Прошлое снова и снова, как полустертый черно-белый фильм в стиле ретро.

* * *

Первая встреча, случайная, неназначенная, произошла на самом известном в городе перекрестке, в тени плакучих ив и в брызгах музыкальных фонтанов. В то далекое, жаркое майское лето студенты архитектурного во время сессии, умирая от жары, составляли шпаргалки и учили билеты прямо в струях фонтанов. А потом шумной толпой шли есть мороженое пломбир со взбитыми сливками в только что открывшийся молочный бар «Кристалл». И вдруг… Click!!! Долгий бесконечный взгляд, глаза в глаза, короткое замыкание и… Ломается трехмерное пространство… “Химия“– как сказали бы сегодня наши умные дети.

* * *

Они идут мимо мраморного памятника Тарасу Шевченко. В группе героев скульптурной композиции выделяется молодая, красивая и очень живая Катерина, с младенцем на руках, – несчастная, обездоленная муза украинского поэта. Скорбное лицо, всезнающий взгляд Богородицы… Сикстинская Мадонна. Она, неземная и вечно юная, бредет по острым камням испытаний, не зная, что молоденькая балерина, позировавшая в 35-ом известному скульптору уже успела состариться и длинными зимними вечерами пьет чай с рябиновым вареньем с мамой подружки Тани. И все, что осталось у бывшей актрисы, сыгравшей на сцене сотни ролей, – одна ее единственная роль в мраморе. Лина и Сергей любили бывать в этом старомодном, сохранившемся после всех революций и войн, особняке, затерявшемся в кварталах современного города. Листали чужие альбомы и пожелтевшие афиши, среди старинных картин, случайно уцелевших вещей, у давно потухшего камина слушали рассказы о довоенном городе, в котором жила девочка-балерина, когда была безумно любима и знаменита.

Нет уже давно Таниной мамы, бесшумно ушла балерина, где-то в других, далеких странах живет и очень давно не пишет и не звонит подружка детства Таня. Но каждый раз, проходя мимо мраморного памятника, Лина чувствует на себе взгляд Катерины, которая помнит ее и Сергея вместе в то, самое лучшее на свете,

их лето. Сквозь точеные мраморные черты, вдруг, проступает лицо живой, старой женщины, которая что-то важное хочет сообщить Лине.

Но – Мистика! На площади всегда так многолюдно и Лина никогда не слышит ее слов.

* * *

Дождь усиливался, переходя в мокрый снег, а они все стояли на ветру…

– Где же ты была столько лет? – Сейчас все было бы по-другому. – Еще не поздно все начать сначала. – Господи, не потерять бы снова… – Как все по-разному: с тобой и без тебя… – Я ждала… – Не уходи!

– Завтра с утра, ровно в девять, у меня свободный день. Сможешь?

– Да, да! Конечно! Смогу!!!

Они никак не могли расстаться, разъединить губы, руки, судьбы.

* * *

А назавтра, выкуривая третью сигарету, в тщательно продуманном макияже, в своем любимом лайковом костюме бирюзового цвета, Лина растерянно стояла у зеркала в прихожей, не решаясь выйти навстречу Сергею. Назначенное время уже давно прошло, а она все стояла у двери в прихожей. И не было ни радости, ни горечи, не было чувств, не было слез… Может, это и был наркоз Времени?

Сергея не удивило, что она не пришла: скорее, он был к этому готов. Его, конечно, зацепило и, возможно, обидело, что она заставила так бесцельно долго себя ждать. На бешеной скорости он уверенно лавировал в потоке машин, удаляясь от перекрестка их несостоявшейся встречи. На душе было спокойно и легко, как никогда. И это ему самому показалось предательством – странным и неуместным.

* * *

А тем временем на безупречно-белом фарфоре перевернутой чашки проступили загадочные кофейные разводы, которые неожиданно сложились в стихи, написанные задолго до их первой встречи:

И как преодолеть неданность
Всю и сложность?
И как себя простить,
И как найти возможность..?

Стихи навсегда ушли из их жизни, впрочем, как и дурман цветущего весной жасмина.

Повесть о Беренике

«Одинаково трусливы и тот, кто не хочет умирать, когда надо, и тот, кто хочет умереть, когда нет в этом необходимости»

(Иосиф Флавий)

Мы живём в эпоху новых войн. Обидно и страшно! Но это данность!!! Наша земля горит от взрывов, беспощадно сжигая нашу вчерашнюю спокойную, размеренную, ленивую жизнь. Выходя из войн, люди уже другие: у них другой, более жесткий взгляд, они циничнее и злее, у них нет жалости и сентиментальности. Не верьте тем, кто говорит, что испытания шлифуют душу. Испытания отнимают силы, блокируют разум и никогда не приходят на помощь. «Каждый умирает в одиночку…» – и это относится не только к отдельным личностям. Так умирали города, страны, империи и народы. Но чтобы выжить, надо знать! Нет ничего нового на этой седой Земле. Всё было, было, было…

И вот поэтому хочу перелистать страницы веков, чтобы понять закономерности этого страшного явления, этого проклятия и искушения человечества, хочу понять философию ВОЙНЫ. Почему Бог Войны опять воскрес? Хотя, он никогда и не умирал. Бог Войны опять юный, нестареющий, полон сил и огня, жестокости, отваги, вероломства – он среди нас. Что противопоставим ему мы и сможем ли его победить?

* * *

Пользуясь близостью святых мест, поедем в город Тверию и поднимемся на вершину холма Береники, на то самое место, где когда-то стоял величественный, неприступный дворец Агриппы, царя Иудеи, и где росла в неге и роскоши его любимая старшая дочь Береника.

Береника (античная копия, free encyclopedia)

Глава первая: Потомки Ирода Великого

Агриппа Первый

Царь Агриппа, потомок Ирода Великого и Хасмонеев, был блестящим, незаурядным, прогрессивным, умным политиком, талантливым и образованным. Он был воспитан в высших кругах Римского общества, дружил с сыновьями Римского императора и имел надёжную поддержку Римской императорской семьи. Агриппа правил древней Иудеей в 41–44 годах нашей эры. Он вошел в историю, как проримский правитель, и этому факту было серьёзное объяснение.

«Избиение младенцев», учинённое Иродом Великим, отдалило всю последующую династию Ирода от их родной Земли, от их корней. Были нарушены глубинные духовные связи.

Судьба Агриппы с самого детства сложилась необычно. Ему было всего три года, когда Ирод Великий казнил своего сына – отца Агриппы: по ложному обвинению. Мать Агриппы, опасаясь ярости и необузданного гнева Ирода, тайно передала ребёнка в надёжные руки своей близкой подруги Антонии – дочери Марка Антония и жены брата Римского императора Тиберия. «Избиение младенцев» страшным царём Иродом не было придуманной легендой, это не кровавый сюжет из Библии, а настоящая, опасная реальность, исходившая от душевнобольного, дряхлеющего царя. В своих кошмарных галлюцинациях каждую ночь Ирод видел себя убитым на изрубленном мечом троне, истекающим кровью и проклятым своими наследниками. Боясь предательства, Ирод во гневе не щадил никого из своего ближайшего круга. Его любимая первая жена Мирьям была казнена по его приказу. Он казнил также брата Мирьям, её деда и мать. А в 7 году до н. э. Ирод казнил своих сыновей от Мирьям: Александра и Аристобула.

Но маленький внук Агриппа был спасён: его привезли в Рим в пятилетнем возрасте. Он получил блестящее воспитание при Римском Императорском Дворе: много читал, изучал иностранные языки и философию, дружил с императорскими детьми. Рим в те годы был городом-космополитом – "Нью-Йорком древнего мира". Городом, открытым всем ветрам существовавших тогда религий и культур. Духовно-религиозное меню римлян было чрезвычайно разнообразным. Римляне могли посещать храмы египетской богини Изиды, приобщиться к таинственному обществу вавилонских халдеев-астрологов, поклоняться культу в честь фригийской богини Кибелы, пройдя при этом довольно изуверский ритуал самокастрации, молиться олимпийским богам, или… прийти к иудейскому Б-гу. Свободный имперский дух, глобальность планов и новых походов завладели умом юного Агриппы, чтобы в будущем, на очень небольшом отрезке времени, опять блеснуть былой мощью и мудростью своего народа, и попытаться возродить свою далёкую, бедную, обескровленную Иудею, не дать ей погибнуть и исчезнуть навсегда.

Недолгое время царствования царя Агриппы будет признано историками, как начало возрождения древней Иудеи, как счастливый знак надежды. Но в книге Судеб была записана для многострадальной Иудеи совсем другая судьба.

Царь Агриппа восстановил порядок в стране, заботился о международном престиже государства, расширил границы, начал

окружать Иерусалим такой мощной стеной, что если бы она была окончена, то римская осада не имела бы никакого успеха. Агриппа во все сферы жизни внедрял пафосный римский стиль: устраивал гладиаторские бои, турниры, гонки на колесницах, театральные представления. Но Восток, не терпящий суеты, этого ему не простил. Однажды рано утром царь явился в театрон в Кейсарии, которая называлась тогда «Стратоновой башней». Он был облачен в роскошную, шитую золотом и серебром одежду, сверкающую в лучах восходящего солнца, вокруг него играл нимб из солнечных лучей. Проводились игры, устроенные в честь римского императора Клавдия. На эти игры всегда стекалась масса народа. Агриппу приветствовали восторженные горожане с царскими почестями, а некоторые льстецы громко стали величать царя своим богом. Но лесть коварна и мстительна. На этом же празднике любимый народом царь Агриппа был отравлен смертельным ядом. Отравитель так и не был найден. Были предположения, что Агриппу отравили единоверцы, возмущенные его страстью ко всему римскому; за чужие игрища на Святой Земле, но правду никто так и не узнал. После смерти царя Агриппы история сделала для Иудеи свой выбор по самому мрачному сценарию. Космополитические планы просвещённого царя, восхищавшегося Римской цивилизацией, оказались слишком несвоевременны.

Наследники Агриппы

У Агриппы было четверо детей: дочери – Береника, Мирьям, Друзилла, и сын – Агриппа. Все они были воспитаны отцом в духе римского величия и преклонения перед имперским могуществом, хотя и не были вероотступниками. Но служение чужим идолам всегда наказуемо. Судьба каждого из царских наследников оказалась по-своему трагичной и страшной, ведь жили они в период крушения своего государства, на земле погибающей, униженной римлянами Иудеи. Катастрофа уже витала в воздухе, всё было предрешено.

Береника

И всё же, вспоминая те далёкие, полустёртые временем события, мы не можем пройти мимо образа Береники, которая когда-то здесь, на этой неприступной горе, в туманной дымке розового заката, в мраморном великолепии царского дворца была

самой главной, самой влиятельной, и самой обреченной фигурой на этом шахматном поле предстоящих сражений и бесславно проигранных партий. Её божественное предназначение было не выполнено. Миссия забыта. История не даёт повторный шанс. Задумайтесь, люди!

И по странной иронии судьбы, как насмешка, как намёк на ошибку исторического сценария, красивое, гордое имя принцессы Иудеи – Береника означает: приносящая Победу… Но не случилось… Может, в этом поражении была виновата сама Береника?

Перечитаем книгу жизни загадочной Береники, и еще раз убедимся, что историю творят Личности, а правит миром Любовь. Иногда это приносит бедствия целым народам и странам, не спасая влюблённых от смерти и наказывая их за преступный грех. Эта история, рассказанная очевидцем – Иосифом Флавием, полная интриг, тайн и запретов, до сих пор волнует воображение тех, кто способен чувствовать присутствие теней того далёкого, полуистлевшего мира.

Береника была старшей дочерью царя Агриппы I и его супруги Киприды. О колдовской красоте Береники ходили легенды. Одной своей гордой, гибкой походкой Береника сводила с ума толпы мужчин. Лион Фейхтвангер в своей книге «Иудейская война» так описывает принцессу Беренику: *«Своей походкой она прославилась во всем мире. Ни одной женщине, от германской границы до Судана, от Англии до Инда, нельзя было сделать большего комплимента, чем сказать, что у нее походка, как у Береники…»*

В 13 лет её выдали замуж за Марка Юлия Александра. После смерти Марка она была выдана за брата своего отца – царя Ирода Халкидского. В браке родились два сына: Береникиан и Гиркан. Но вскоре она овдовела вторично и поселилась при Дворе своего брата Ирода Агриппы II. Потом, через 10 лет стала женой царя Олбы Полимона II. Царь так был покорён красотой Береники, что для вступления в брак принял иудаизм. Но коварная, обольстительная красавица вскоре покинула своего скучного супруга и продолжила жить при дворе своего брата, став его соправительницей. Странный союз брата и сестры вызывал много кривотолков. Поговаривали о порочной кровосмесительной связи. Слухи были столь сильны, что сохранилось стихотворное описание подарка Агриппы своей сестре с намёком на эту запретную связь:

«Алмаз драгоценный, тем знаменитый,

Что красовался на пальце самой Береники:
Когда-то дал его варвар блуднице, —
сестре он подарен Агриппой…»

Так тайна Дворца оказалась для жителей Иудеи прозрачной и была осуждена за непристойность. Но грязные слухи не трогали душу красавицы. Для Береники главным смыслом жизни была Любовь, как магия, религия, страсть и колдовство. Она искала свою Любовь повсюду и всю свою жизнь. Одинокая и несчастная «Раба Любви». И кульминацией этой исторической саги стала судьбоносная встреча обворожительной красавицы Береники с будущим императором Рима – Титом.

Глава вторая: Страницы романа последней Иудейской принцессы Береники и будущего Римского императора Тита

Их отношения напоминали аристократии Рима связь Антония и Клеопатры. На фоне Иудейской войны, на фоне жестоких сражений и потерь, полыхали человеческие страсти, вскипала кровь… Любовь и война были совсем рядом… Этому роману не суждено было стать счастливым, но в историю он вошел навечно, сохранив имена влюблённых и загадочную ауру тех далёких событий.

«Казалось – дух Клеопатры вместе с духом Юлия Цезаря, жертвы её роковой любви, витали в те дни над Римом, не собираясь оставлять в покое ни взбудораженных римлян, ни без пяти минут императора Тита Флавия…»

Титу и Беренике суждено было встретиться в самый разгар иудейской войны, когда Иудея была разорвана в клочья и обескровлена внутренними конфликтам и антиримскими выступлениями.

Как же все это было? Постараемся реконструировать события, которым суждено было случиться здесь, на этой Земле две тысячи лет назад. Трудно поверить, что это возможно. Но остались дневники, летописи, артефакты, исторические труды… Ничто не исчезает бесследно. Итак, наше путешествие во Времени началось. Включаем воображение…

* * *

Имперский снобизм Рима уже давно раздражал жителей Иудеи своим высокомерием, надменной пафосностью, грубой откровенностью нравов и нежеланием понять другую культуру с её древними законами, стоическим религиозным фанатизмом и странными для Запада мистическими ценностями, уходящими в глубь веков. Колониальный уклад перестал устраивать молодёжь с её пассионарными порывами и жаждой свободы от прессинга Римской метрополии. Религиозные поселения посылали проклятия ненавистным язычникам и втайне ждали перемен. В воздухе пахло грозой. Народные бунты сотрясали страну. Лилась кровь. Но Римская империя была в апогее своего величия и могла позволить себе контролировать всё Средиземноморье.

Римский император Нерон направил для подавления мятежа крупные силы во главе с опытным полководцем Веспасианом, одержавшим до того ряд блестящих побед в Германии и Британии. В Иудею прибыл Веспасиан вместе со своим старшим сыном Титом.

Тит был молод, хорош собой, бесстрашен и умён. Вся жизнь Тита с юности проходила в суровых военных походах, а душа оставалась холодной и пустой без любви. Времени на романтику у него не было. Он был дважды неудачно женат и одинок. Его первая жена умерла, а со второй он развёлся. Вокруг него клубились злые сплетни и слухи об увлечениях наложниками и евнухами, но истинной правды никто не знал. Он был для всех закрыт, непонятен и недоступен. Человек-скала: твёрдый, как гранит, отважный и жестокий, как зимний день в непогоду. Достойная опора и гордость отца.

Для лучшего полководца Рима Веспасиана укрощение Иудеи стало вопросом чести и военной доблести. Веспасиан никогда не подводил своего Императора. Он умел служить и выполнять приказы. А для молодого, амбициозного Тита Победа была желанным символом Власти, самоутверждением, символом приближения к Олимпу. Это был его звёздный час и нельзя было его пропустить.

И вот, теперь Тит стоял перед своими легионами на хамсинном, чужом ветру, под метеоритным дождём Иудеи: горящие глаза сверкали энергией яростного порыва, чеканный профиль угрожающе устремлён вперёд, сильные пальцы сжимают острый меч у самого сердца… Его слова в тишине звучали четко и грозно, в каждом слове – призыв, сила, страсть.

– Великие Римские солдаты!!! – эхо усиливало и без того громкий голос Тита.

– Иудеями руководят смелость и отвага – последствия отчаяния, которые их успехом поддерживаются, но при малейшей неудаче всегда гаснут… Нас же, великих римлян, ведут храбрость, дисциплина и тот благородный пыл, который в счастье обнаруживает мощную силу, и даже при неудачах проявляет крайнюю устойчивость. Кто из храбрых не знает, что души, разлученные с телом мечом в строю, внедряются в чистейший эфир между звезд, откуда они светят потомкам, как добрые духи, покровительствующие героям…? Римляне, вы боретесь за более высокие блага, чем иудеи! Ибо иудеи сражаются за свободу и отчизну, а вы – назначены свыше стать властителями мира!!! Вперёд и только вперёд!!!

Стать Властелином Вселенной… Скольких эта идея влекла и манила, обманывала и уничтожала, наказывала и проклинала, сбрасывала в бездну и предавала забвению. Не избежали этого коварного проклятия Веспасиан и Тит. Но всё еще впереди – после их триумфальной Победы.

Римский военный потенциал был подобран Веспасианом с безукоризненной четкостью: три легиона, более двух десятков вспомогательных когорт, отдельные конные отряды, которые продвигались внутрь страны, уничтожая всё на своём пути. К ним присоединились войска союзных Риму царей: Агриппы II и Береники, Антиоха IV из Коммагены (королевство на горе Немрут, территория современной Турции), аравийского правителя и царя Эмесы (провинция Сирии—Соема). Под началом Веспасиана оказалась 60-тысячная (!!!) армия. Сосредоточивая в руках Веспасиана такие огромные силы, император Нерон исходил не только из необходимости подавления мятежа в важном регионе Римской Империи, но и из интересов борьбы за власть в самом Риме. Нерон не видел в Веспасиане опасного претендента на императорский престол: из-за его незнатного происхождения и негромкого имени. Несмотря на продолжавшуюся борьбу с галлами и кельтами, Рим сумел отправить для подавления опасного мятежа в Иудее, как считают исследователи, до половины всех своих войск.

Римлянам сопутствовала удача: они нашли в Иудее сильную опору в лице местных аристократических кругов, которые, ради сохранения своего богатства, классовых привилегий и господства над народом, готовы были пойти на любую, даже самую унизительную сделку с врагом. Элиты надеялись с помощью римского оружия подавить народные бунты и сохранить свое положение. Это и стало началом истории предательства.

Веспасиан не спешил с походом на столицу. Он последовательно захватил Тивериаду (Тверия), Тарихею (город на

Южном берегу Тивериадского озера). Затем римская армия штурмом взяла считавшуюся неприступной крепость Гамалу (Голанская возвышенность) в Гавланитиде (древний еврейский город). Римский отряд разгромил повстанцев, собравшихся на горе Табор (Тавор). Последним очагом сопротивления в Галилее оставалась Гисхала (Гуш Халав), во главе обороны которой стоял Иоанн (один из руководителей зелотов).

Примечание: Зелоты – религиозное, радикальное движение фанатиков в Древней Иудее. Возведя политическую свободу Иудеи в степень религиозной доктрины, зелоты рассматривали примирение с римским владычеством, как тягчайший грех, ибо по их воззрению – *«только Б-г является истинным владыкой народа Израиля и его страны».*

Понимая бессмысленность сопротивления, Иоанн, при подходе римлян, ночью, вместе со своими воинами, оставил Гисхалу и бежал в Иерусалим. Восстание в Галилее было жестоко подавлено.

Неспособность иерусалимского руководства организовать оборону вызвала массовое недовольство населения Иудеи. Стекавшимся из разных мест страны в Иерусалим религиозным фанатикам-зелотам удалось взять верх в столице. Они устранили прежнее руководство, расправились с теми, кого подозревали в проримских настроениях. С фасада Иерусалимского Храма, отстроенного Иродом Великим, они сбили золотого орла, как побуждающего к идолопоклонству и намекающего на римское владычество. Зелоты ликвидировали привилегированное положение первосвященников. Междоусобицы в Иерусалиме вылились в настоящую гражданскую войну. Иерусалимская аристократия и первосвященники не смирились с утратой своих привилегий и подняли горожан против зелотов. В результате столкновения враждующих группировок погибли тысячи людей. По узким улочкам Иерусалима текли ручьи горячей, дымящейся человеческой крови. Чёрный Ангел Войны кружил над древним, непокорным городом. Зелоты и их союзники разгромили своих противников. Они казнили первосвященника Анана. По мнению Иосифа Флавия, характеризующего зелотов как жестоких фанатиков – «разбойников», смерть Анана явилась началом падения Иерусалима, так как мир с римлянами становился невозможным.

«Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад…»

(Анна Ахматова)

Тем временем римляне окружили Иерусалим плотным кольцом, из которого вырваться уже было невозможно. *Блокада города* – это давно придуманная модель массового, изощрённого убийства. Людей оставили умирать голодной, страшной смертью. Продовольствие закончилось довольно быстро, подвоза продуктов не было, город медленно умирал…

> *«Голод похищал у народа целые дома и семейства. Крыши были покрыты изможденными женщинами и детьми, а улицы – мертвыми стариками. Мальчики и юноши, болезненно раздутые, блуждали, как призраки, по площадям города и падали на землю там, где их застигала голодная смерть. Хоронить близких мертвецов ослабленные не имели больше сил, а более крепкие робели перед множеством трупов и неизвестностью, висевшей над их собственной жизнью. Многие умирали на трупах в ту минуту, когда они хотели их хоронить, многие еще сами доплетались до могил прежде, чем их настигала неумолимая смерть. Никто не плакал, никто не стенал над этим бедствием: голод умертвил всякую чувствительность. С высохшими глазами и широко раскрытыми ртами смотрели медленно угасавшие на тех, которые до них обрели вечный покой. Глубокая тишина, как страшная могильная ночь, надвинулась на Иерусалим. Голод добивал тех, кто не был убит в схватке братоубийственной войны – шансов на спасение не осталось ни у кого…» (Иосиф Флавий).*

Историк и очевидец трагических событий Иосиф Флавий с ужасом и возмущением описывает иерусалимские хроники тех окаянных дней, когда в братоубийственной войне убивали друг друга обезумевшие жители Иудеи:

> *«Испытал ли ты, несчастнейший из городов, нечто подобное от римлян, которые вступали в тебя, для того чтобы тебя очистить от гнусных поступков твоих собственных детей? Ибо Божьим городом ты уже перестал быть и не мог больше быть после того, как ты сделался могилой твоих собственных граждан и когда ты храм превратил в кладбище для жертв, павших в междоусобной борьбе. Быть может, ты когда-нибудь опять возродишься….???»*

До сих пор невозможно понять: почему жители древней Иудеи не смогли быть едиными в своей борьбе за Свободу?

Почему не научились ненавидеть сильнее, чем страдать? Когда потеряли дар предвидения и забыли своего Б-га, который всегда вёл их по судьбе и спасал? Почему не смогли проявить высшую мудрость «во спасение» и согласиться на переговоры с Титом? Ведь Тит НЕ спешил поставить последнюю точку в этих событиях: он был готов к переговорам с восставшими иудеями, но говорить было не с кем. Увы… Злой Рок победил.

Ни древность Иерусалима, ни сказочное богатство его, ни распространенная по всей Земле известность, ни великая слава совершавшегося в нем богослужения, – не могли спасти город от падения. Исторический шанс благоразумия жители Иудеи потеряли навсегда. Спасением Жизни, как высшей ценности на Земле, на этот раз они легкомысленно пренебрегли.

* * *

9 июня 68 г. н. э. император Нерон внезапно покончил с собой при весьма странных обстоятельствах. Говорили об убийстве, но… не было улик. Были слухи о коварном заговоре Тита, но «победителей НЕ судят…» 1 июля 69 г. н. э. легионы провозгласили императором Веспасиана. Поручив командование римскими войсками в Иудее своему сыну Титу, император Веспасиан отправился в Рим. Последний акт трагедии приближался. Развернулась кровавая вакханалия подавления восстания иудеев.

* * *

Несчастная, изувеченная Иудея доживала последние дни, умирая в пламени пожаров. Люди гибли сотнями в огне войны. И в этой обреченности – на фоне страданий, исковерканных трупов и казнённых людей, – Береника бесстыдно бросилась в объятия молодого римского завоевателя Тита. Была ли в этом логика? Страсть? Расчет? Любовь? Кто сейчас ответит? Это случилось при первой их встрече, на пиру в честь очередной военной победы римлян. Тогда, на глазах у всех, крутые кудри принцессы касались русых кудрей Тита и руки сплетались в горячий узел, и губы тянулись к губам, жарким, как кипящая кровь…. Так запретная Любовь и Война были тайно обвенчаны на этой земле. Но перемирия это не принесло.

И когда задыхался в смертельной агонии Вечный Иерусалим,

Береника и Тит стояли рядом, на открытой террасе Башни Ирода, и с высоты наблюдали, как исчезает в пламени сказочный город. Береника беззвучно рыдала… Босая, в черной одежде, стянутой тонким шнуром, поникнув стриженой головой в знак траура по поверженному городу. По её впалым, бледным щекам текли слёзы отчаяния и боли. Тонкие пальцы Береники сжимали пергаментный молитвенник пурпурного цвета и сердце билось в такт словам древней молитвы: «Шма Исраэль…». Но на этот раз Б-г её не услышал.

Тит стоял молча, он словно окаменел… У него не было ни радости победителя, ни жалости к поверженному врагу. Он еще не осознал всю глобальность случившегося. Он еще не боялся кары богов. В этот желанный миг торжества и триумфа он почему-то ощутил пугающую пустоту, усталость… И впервые за долгие дни тяжелого похода его не радовала близость этой обворожительной женщины, к ослепительным ногам которой еще вчера был готов бросить все свои доблестные завоевания и баснословные богатства. А ночь всё сгущалась, смешивая все краски и чувства… Ночь падения прекрасной цветущей Земли Иудеи, ночь грубой имперской победы и ночь откровенной человеческой беспомощности перед Судьбой.

А потом, вопреки всякой логике, в пряной бесконечности ночи, в сполохах горящего от пожара неба, Тит и Береника пили за Победу кипящее вино, настоенное на лепестках роз, и погибали от страсти в океане любви, где не было ни надменного Рима, ни сожженного Храма, ни друзей, ни врагов… Никого!!! Не было прошлого, и не было будущего: было мгновение Вечности только для них одних на всей Земле.

В эту жаркую иерусалимскую ночь, опьянённый любовью Тит подарил Беренике перстень в знак их обручения, усыпанный бриллиантами со сложной монограммой из сапфировых символов. На монограмме был выгравирован римский герб в виде сверкающего орла с раскрытыми для полёта крыльями в обрамлении золотого лаврового венка, на котором сияла загадочная аббревиатура: «S.P.Q.R». Точное значение этой аббревиатуры до сих пор НЕ разгадал никто. Увы, знания иногда теряются во Времени. По мнению ученых-историков, эта аббревиатура имела архаическое происхождение даже во времена Древнего Рима. Возможно, она означала – «Власть и Могущество во вверенной повелителю стране»? Эти латинские буквы «S.P.Q.R» изображались на штандартах римских легионов, как символы Римской Империи. Современная предположительная версия расшифровки:

«Senatus Populusque Quiritium Romanus» – «Сенат и граждане

Рима».

– Ты будешь моею навсегда… Моей женой… Моей звездой… Моей любимой… – шептали горячие губы Тита, молили его потеплевшие от нежности глаза.

Беренику бил озноб… Ей было страшно, и было сладостно…. Она и верила, и не верила Титу. И это уже не было главным в их романе. Она впервые ЛЮБИЛА, и в этом была счастлива, как никогда. Этот огромный, сильный, жестокий и бесстрашный мужчина, с чеканным профилем повелителя и бицепсами гладиатора, теперь был весь в её власти. Их любовь, как тайный обряд на языческой тризне, как колдовское зелье, кружила голову, отнимала разум. А в тяжелом воздухе их иерусалимских покоев пахло бедой и гарью. О чем мечтала принцесса Береника, глядя из окна на мёртвый город? Возможно, в туманной дали на горизонте завтрашнего дня Береника видела холодный, незнакомый и блистательный Рим, алмазный венец императрицы и высокий золотой трон с римским гербом и загадочной гравировкой "S.P.Q.R"? Выдержит ли она???

Существует легенда, что перстень этот не исчез. И обладает огромной магической силой. У собирателей древностей он известен во всём мире и носит название: *«Перстень Береники»*. Он помогает своему обладателю обрести неограниченную власть над своим избранником, но расплата при этом жестока и необратима. Этот перстень ПРИТЯГИВАЕТ и УБИВАЕТ. Он давно кочует по частным коллекциям, стоит баснословных денег, и все его обладатели в конечном итоге стремились избавиться от него или погибали при странных обстоятельствах. Но всегда находились те, кого он снова манил своей тайной и безумной силой необъяснимого притяжения.

В мире кино бытует легенда, что на одном из закрытых лондонских аукционов этот перстень увидел Ричард Бартон. Раритетный перстень сразу покорил воображение великого актёра, и он решил купить его для своей возлюбленной Лиз Тейлор. Шел 1962-ой год, заканчивались съемки эпохального фильма «Клеопатра», атмосфера на съемочной площадке дышала романтикой античности. Этот перстень с тайными символами и знаками был будто посылом из того далёкого древнего мира теней, где когда-то могущественный Рим покорял земли, народы и страны, где будущий император Тит, на обломках Иудеи, был так счастлив с принцессой Береникой. Перстень обжигал воображение Ричарда Бартона, он готов был выложить огромную сумму. Но Лиз, увидев изумительный перстень, отшатнулась… Её

лицо стало мгновенно мрачным, фиалковые глаза потемнели… И она произнесла только одно слово: «Нет!» Истинную причину этого странного неприятия Лиз так никогда и не рассказала Бартону. А ведь она так любила бриллианты! Остаётся только строить предположения и версии. Возможно, она интуитивно почувствовала тайное предупреждение из какого-то сакрального, параллельного мира? Если это возможно. Если верить в мистику.

Глава третья: Триумф торжества и боль поражений

Всю ночь горел распятый римлянами город. Победители буквально сровняли Иерусалим с землей. Огонь полыхал не только в Храме: Тит приказал поджечь и захваченные жилые районы города. Пожар сопровождался массовой резней населения. Вдоль дорог стояли кресты с умиравшими на них в муках повстанцами. Тысячи людей были проданы в рабство и сосланы на рудники. Но в Иудее еще не сдались последние очаги сопротивления, покинутые своими правителями города-крепости: Иродион (древняя крепость вблизи поселка Текоа), Махерон (древняя иудейская крепость, находилась в одном из самых уединенных оазисов, к востоку от Мёртвого моря), Масада (древняя крепость в Иудее у южной границы Мёртвого моря). Они продолжали оставаться у восставших зелотов, и для их захвата был отправлен специальный императорский легат. Но всё уже было предрешено.

* * *

Иудея была растоптана и повержена. Иерусалимский Храм превратился в пепел. В каких снах явится теперь иудеям их волшебный, восхитительный Храм? Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, сияющий на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Прибывающим в Иерусалим Храм издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел, как замечательный иерусалимский камень. Красивейшие камни: карнеол, сардониксы, топазы, сапфиры, смарагд, карбункул, яспис, агат, аметист, янтарь, оникс, берилл и хризолит, – загадочно мерцали в убранстве Храма. На каждом из этих камней стояло одно из имён колен народа Израиля. Всё здесь восхищало и возвышало прихожан. В каких снах потомки из будущего увидят этот несуществующий Храм? Он явится во снах, как тень смерти, как привидение, как

напоминание несовершенства человечества перед божественной Красотой и Святостью. А в мёртвом городе было пустынно и страшно. И только фрагмент укрепления Западной Стены Храма чудом остался нетронутым на этом пепелище, чтобы впитать в себя горькие слёзы всех, кто оплакивал Храм, – за все века и тысячелетия.

Интересно: Судьба предопределила для разрушения Второго Храма тот же месяц и день, в который некогда Первый Храм был сожжен вавилонянами. От первоначального возведения Храма царем Соломоном до разрушения Второго Храма – прошло тысяча сто тридцать лет, семь месяцев, и пятнадцать дней. История имеет обыкновение иногда мистическим образом повторяться.

У каждого поражения, как и у каждой победы, есть своя цена, свои оправдания и свои аргументы. В который раз в истории войн за преступное поражение Иудеи расплатился народ и расплатился сполна: тысячелетними гонениями, кровавыми наветами, изгнанием, преследованиями, казнями, погромами, чужбиной и Холокостом.

Элиты молчали. В самый решающий момент они не смогли объединиться и позорно склонили головы перед Силой. Они с ужасом смотрели на приближение бури, но не решились ничего предпринять. И в этой фатальной ошибке проявились их слабость, эгоизм, жадность, высокомерие, сибаритство, политическая недальновидность, служение чужим богам и преклонение перед чужой культурой. Этот сложный, противоречивый негативный сплав и привёл древнюю Иудею к последней черте. И, как всегда, за ПРЕДАТЕЛЬСТВО никто не ответил. И некого было прощать, и не у кого было просить прощения.

Глава четвертая: Праздник победителей

«Твой Рим злорадствует, – ты слышишь эти клики?
Что слезы – вот удел несчастной Береники…»

(Жан Расин. «Береника»)

Вот и наступил долгожданный час Триумфа! Веспасиан и Тит в лавровых венках, ярко-пурпуровом одеянии, прибыли в Римский Сенат на открытие Триумфальной церемонии в честь Победы Рима над всем Средиземноморьем. Триумфаторы гордо восседали на высокой трибуне в креслах из слоновой кости. Они гордо взирали на Парад Победителей.

Во главе триумфальной процессии победители торжественно несли военные трофеи, которые поражали своим великолепием и роскошью. Немыслимые богатства из серебра, золота и слоновой кости текли перед глазами зрителей. Ткани, окрашенные в редчайшие цвета и испещренные тончайшими золотыми узорами вавилонского искусства, мерцающие драгоценные камни в золотых коронах, изображения богов больших размеров, художественно изготовленные из драгоценных материалов. Далее вели животных редких пород, украшенных соответствующим убранством. Многочисленные носильщики всех драгоценностей были одеты в пурпуровые и золототканые материи. Даже толпа пленников одета была не просто: пестрота и пышность цветов их национальных костюмов скрашивали печальный вид этих изможденных, несчастных людей. Одним из них предстояло ещё построить сохранившийся до наших дней знаменитый Колизей, другим – умереть гладиаторами на его арене.

Среди огромного количества военных трофеев, особое внимание привлекали сокровища из разрушенного Иерусалимского Храма – золотой стол, весивший много талантов, и золотой светильник изумительной тонкой работы. По самой середине светильника подымался из подножия столбообразный золотой стержень, из которого выступали тонкие золотые ветви, расположенные наподобие трезубца. На верхушке каждого выступа находилась лампадка; всех лампадок было семь в знак сакрального числа иудеев, символизирующего Божественную Тайну и Вечную Гармонию. Последним в ряду предметов военной добычи был "Главный Закон иудеев" – Тора: древний свиток, написанный от руки чернилами на пергаменте.

По старинному обычаю, все должны были ожидать, пока гонец не возвестит о смерти вражеского предводителя. Это был свирепый и непокорный иудей Симон, сын Гиоры, участвовавший в шествии среди других пленников. Чтобы обозначить в толпе смертника, его одели в яркую оранжевую тогу, которая зловеще развевалась на ветру, сообщая всем о близкой смерти еще одного, пока живого, но уже обреченного человека. В Древнем Риме оранжевый цвет был цветом смерти и проклятия: его боялись, его сторонились, его никогда не выбирали для украшения одежды или жилища. На площади возле Форума стража накинула на Симона веревку и ударами плетей погнала несчастного на место казни. Римская толпа замерла в ожидании действа. Когда палач Рима объявил о смерти казнённого, поднялся шквал эмоций и всеобщее ликование. Римляне праздновали победу своей Великой Империи.

Вскоре, после Триумфа Победы, Веспасиан решил

воздвигнуть храм богине Мира. В короткое время было построено грандиозное сооружение, превосходившее всякие человеческие ожидания. Веспасиан потратил на строительство храма огромные средства, какие только дозволила ему его собственная казна, и какие достались ему от предшественников. Он украсил храм шедеврами искусства и скульптуры, привезенными в качестве трофеев со всего мира. В храме было собрано и расставлено все, ради чего люди прежде путешествовали по всей земле и собирали по крупицам редчайшие экспонаты. Здесь он приказал хранить драгоценности и сосуды, взятые из Иерусалимского Храма, так как он очень дорожил ими и понимал причастность этих предметов через евреев к Б-гу. Храм богине Мира стал первым общественным музеем истории и искусств в мировой практике. Аналог этого музея – знаменитый Британский музей. То, что свободные жители Древнего Рима могли восхищаться и изучать все сокровища мировой цивилизации, вызывает наше изумление, и еще раз доказывает, что эволюция развивалась по Божественному алгоритму и Древний Мир был населён такими же людьми, как и мы с вами, равными нам по интеллекту, чувствам и эмоциям.

Но на дне каждой победы есть горечь поражения. Веспасиан, умный и осторожный политик, интуитивно чувствовал, что победа римлян несёт в себе жестокость и насилие для других народов, не бывает всеобщего блага и истины для всех. Время побед сменяется временем поражений. Колесо истории беспощадно ко всем. Наверное, поэтому сакральные экспонаты – «Закон иудеев» – Тору и Завесы Иерусалимского Храма – «Святая Святых», из голубой, пурпуровой и червленой шерсти, Веспасиан не захотел выставлять напоказ, побоялся гнева иудейского Б-га. Он приказал своим приближенным бережно хранить их в своём собственном дворце, в тайной комнате, всегда закрытой на ключ.

* * *

Рим был опьянён победой. А в далёкой, поверженной Иудее, бледная до прозрачности, чёрная от слёз Береника терзалась в одиночестве, ненавидимая и проклятая своим собственным народом, не смеющая от стыда показаться на глаза римскому высшему свету. Она всё еще верила в любовь Тита, но разлука холодом жгла её изнутри, рождая сомнения и перечеркивая надежды. Возле неё был только верный брат Агриппа, тоже отверженный, растерянный и униженный страшным падением Иудеи. Отныне не было настоящего, не было будущего, а прошлое

было бесславным и трагическим. Круг замкнулся.

Глава пятая: Любовь и власть

«Но что я сделала?
Чем досадила им?
Лишь тем, увы, что ТЫ без меры
мной любим…»

(Жан Расин. «Береника»)

И все же была Любовь! И Рим встретил Беренику! 12 лет Тит и Береника жили друг для друга в Риме, ограждённые непроницаемыми стенами великолепного дворца, не слыша нарастающего враждебного гула римской толпы. 12 лет счастья. 12 лет, как одно мгновение, на едином дыхании, как в долгом сладостном поцелуе. Но жизнь отрезвляет даже от такого безмерного счастья, которое возможно только в Раю. И за счастьем всегда приходит суровая расплата, потому что – нет Рая на Земле. Не нашла его и Береника в чужом краю.

Через месяц после Триумфа Победы Веспасиан созвал всю римскую аристократию в свой дворец на торжественный ужин. Он пригласил всех евреев Иудеи, которые помогли ему в войне с повстанцами: Беренику, её брата Агриппу, Иосифа Флавия, Тиберия Юлия Александра. Береника выглядела в тот день абсолютно счастливой. Она сразила римских аристократок своим безупречным вкусом и гордым, неприступным видом царицы. Береника была в алом, струящемся плаще—палле, прошитом узорным золотым шитьём, подбитым тончайшим пухом горностая, с золотой диадемой со сверкающими бриллиантами в черных, блестящих волосах и с заветным перстнем на безымянном пальце с таинственными буквами: «S.P.Q.R» (подарок Тита). На этом вечере ей не было равных! Тит был занят только ею и определённо вызвал у всех присутствующих римских матрон ревность и злость. Это была та самая необъявленная война женских амбиций, которая до поры до времени приятно щекочет нервы и делает красавицу еще краше, ярче, желаннее. Но в женской зависти так много желчи, коварства, обмана! Мысль, что еврейка и впрямь может стать «первой женщиной Рима», бесила всех. Нечего было делать еврейке на вершине власти – считало надменное римское общество. Береника раздражала своей чужеродной, пряной восточной красотой, гордой осанкой, своим влиянием на всемогущего Тита, своей принадлежностью к поверженному врагу.

В Древнем Риме был культ светлой кожи и белокурых волос. Жены римских патрициев для ухода за кожей, кроме отбеливающих мазей, применяли молоко и сливки. Светлые вьющиеся волосы считались идеалом красоты, и римские парикмахеры придумывали самые разнообразные прически для своих златокудрых красавиц. Смуглая Береника с горящими черными глазами и черными, как смоль, локонами была другой… – непонятной, чужой. Вход в столичный Рим был для неё закрыт.

Война с Иудеей обозлила римлян – все евреи, без исключения, становились мишенью недовольства и гнева. Победа далась Риму большой кровью. Для многих римлян, потерявших своих близких в этой войне, рана всё ещё кровоточила. И хотя Береника была не на стороне восставших иудеев и даже помогала Титу, она была всё же – плоть от плоти того бунтующего народа, который не захотел подчиниться великой империи. Береника была в глазах римлян напоминанием о недавно закончившейся жестокой войне. Как ни пыталась она и другие знатные евреи быть своими среди римлян – это было невозможно.

Ей НЕ нужен был Рим с его помпезностью и имперскими амбициями. Она не снизошла до усилий – понравиться надменному Риму. Ей были безразличны блеск и куртуазность высшего света. Ей нужен был Он, её самый главный на свете человек, её любимый и желанный, ставший родным – Тит. В нём она нашла своё женское счастье, нашла высший смысл и сладость упоения. Береника жила обособленно во дворце Тита на Палатинском холме, наслаждаясь его любовью и заботой. Здесь обитали все «сливки» римского общества – члены сената, императоры. Рядом стоял, с чёрными провалами окон, дворец безумного императора Калигулы, а невдалеке ещё высились громады «Золотого дома» Нерона, с подземными парками, фонтанами, искусственными прудами. Тит не давал ей ни секунды скучать. Постоянно развлекал – и не только музыкантами и танцорами, так веселившими её и их гостей во время пирушек. Он был сам средоточием многих талантов: пел, декламировал ей римских поэтов – Овидия и Катулла, сочинял тут же на ходу свои стихи, учил её играть на кифаре (римской арфе), мастерски рисовал портреты гостей. А однажды развеселил её, подражая почерку отца, брата, сенаторов, своих друзей. «Я мог бы ловко подделывать завещания», шутил он. Он, действительно, был талантлив – в жизни и в любви, и у Береники замирало сердце от предчувствия, что когда-нибудь это сладостное наваждение исчезнет, закончится – как всё земное, даже в Раю.

Историки отмечают, что Береника вела себя в те дни так, как

будто была уже женой будущего императора Тита. Один римский историк, обмолвившись, и впрямь называет в своих хрониках Беренику его женой. Что грезилось ей в те счастливые часы? Возможно, она мечтала, что сумеет повлиять на политику Рима по отношению к её родной, разрушенной Иудее? Поможет восстановить страну из пепла? Но этого не случилось.

Время шло беспощадно быстро. Как ни хорошо им было вдвоём, у Тита был свой мир. И он всё чаще забирал его у Береники. Она явно проигрывала состязание с Его Римом. От того, что она теперь часто бывала одна, римляне вели себя с ней всё наглее. Им нечего было теперь бояться. Ведь Тит больше не стоял между ними и Береникой и они могли без помех обстреливать её стрелами своего злословия. Они наперебой читали у неё за спиной эпиграммы и колючие стихи знаменитого сатирика Ювенала, этого «дирижёра» римской толпы. В них было всё: и злые выпады в адрес евреев вообще, и сплетня, что она была, якобы, в интимных отношениях с братом. Ей всё чаще давали понять, что она в Риме – нежеланный гость. И что она может забыть о том, что она будет когда-нибудь женой Их императора. И всё же, последнее слово было за Титом. Береника ждала…

Неужели он предаст их чувства, их любовь, магнетизм её горящих глаз и вкус её пьянящих губ? Неужели он сможет отвернуться от неё во имя Имперской Власти и своего жестокого, кровожадного Рима?

* * *

И Тит сделал свой Выбор.

Он был рождён, чтобы стать императором своего народа, императором Великого Рима, где не нашлось места для чужой принцессы Береники, правнучки Ирода Великого, из далёкой, непонятной Иудеи. Законы Власти жестоки и беспощадны.

Береника стала жертвой римской толпы. Даже Веспасиан изменил своё отношение к ней. Он заволновался по поводу того, что происходило уже долгое время вокруг его сына и Береники. Их любовь и ему начинала казаться слишком уж затянувшейся и опасной. Он чувствовал, что пришло время сыну выбирать, что Тит должен, просто обязан выиграть свою битву с любовью к Беренике. Так же, как он выиграл битву с Иерусалимом.

Береника была старше Тита на 10 лет, и это тоже ей ставили в вину. Возможно, если бы у них были дети, то всё сложилось бы

по-другому… Кто знает? В беседах с Титом Веспасиан был по-солдатски откровенен: *«Ты должен прекратить вести себя как влюблённый мальчишка. Я объявил тебя своим соправителем. Ты – без пяти минут император. Понимают ли это твои влюблённые мозги?»* – объяснял он Титу.

– Рим терпит пока… Но лопнет его терпение – и нам всем не сдобровать, сынок…

Речь шла об утверждении их династии Флавиев. Женись Тит на еврейке Беренике – и не быть ему императором с такими настроениями в Риме. Династия пресечётся, так толком и не начавшись. Чем больше Тит осознавал, что им придётся расстаться, тем больше он злился. Но давление на него росло. Он понимал – не зря твердят вокруг о Клеопатре. Ему всё чаще и чаще намекали на то, чем кончил Цезарь, слишком долго пребывавший в объятиях египетской царицы. Ему уже доложили о готовящемся заговоре. Ему шепнули, что в заговоре собирался принять участие и его брат. С братом он так и не решился пойти на конфликт, но главного заговорщика Авла Цецину приказал убить. В перехваченном послании Цецины к солдатам, был призыв к мятежу, среди других грехов Тита перед Римом была упомянута и Береника.

Всё приняло угрожающий характер после внезапной смерти Веспасиана. Веспасиан умер на балу, ровно в полночь с бокалом недопитого вина в руке…. Красиво, театрально и мгновенно. Ничего не сказав и ничего не передав потомкам. Ему было почти 70, но он был сильным, красивым, в прекрасной физической форме. Кто посмел его отравить? Кому мешал Веспасиан, мудрый политик и бесстрашный воин, преданный Риму император? Несмотря на всю сложность интриг, Тит был вне подозрений. Он был всегда очень привязан к отцу, с детства участвовал во всех военных походах отца, был его соправителем и боготворил его, гордясь и любя. Но в императорской семье Флавиев незримо маячила тень рокового падшего ангела – младшего сына Веспасиана – Домициана. Тит не хотел думать об этом, но слишком много вопросов оставалось без ответа. Избалованный и одинокий, амбициозный, эгоистичный Домициан был жесток и тщеславен, никому не раскрывался и всех презирал. Никто не знал, какие тайные мысли бороздят его высокое чело, к чему он стремится и на что готов?

Пройдёт совсем немного лет и этот злой демон станет править Великой Империей. Домициан узурпирует власть, жестоко потопит в крови инакомыслие, введёт массовые казни и опустошит государственную казну. Он, как диктатор – деспот, считал, что Римская Империя должна управляться "божественным

монархом" и приказал называть себя – "Господином и Богом". Элиты возненавидели его!!! Ему не простили спесь и жестокость садиста. В результате заговора он был зверски убит своей стражей в собственном дворце. Домициан стал последним римским императором из династии Флавиев (81–96 гг.), которого после смерти проклял Сенат и память о котором была навсегда стёрта и уничтожена в истории Рима.

Озлобленный, недолюбленный ребёнок превратился в дикое чудовище, уничтожившее своих родных. Чем не современный сюжет? Нет ничего нового на этой земле. Всё уже было.

* * *

Потеря отца заставила Тита сразу сконцентрироваться на власти. Он понял – надо принимать политическое решение! Здравомыслие, на которое так надеялся его отец, победило. В выборе между Властью и Береникой он предпочёл Власть. Титу надо было, во что бы то ни стало, расстаться с Береникой. Став императором, он, как пишет Светоний Транквилл: «тот час же выслал Беренику из Рима, против её и своего желания».

* * *

Она уезжала из Рима зимой. Прощание с Титом было холодным и недолгим. В ледяных глазах Тита застыли слёзы – он так любил эту женщину – страстно, нежно, неистово и теперь терял её навсегда. Жестокий Рим требовал убить Любовь к Беренике, и Тит принёс эту жертву на алтарь своего недолгого трона.

Враждебный край она покидала в стужу и непогоду. Но так легче было расстаться с ненавистным Римом и с охладевшим к ней Титом – под завывание ветра и кружащий за окнами колючий снег. Это был не самый лёгкий путь домой. Долгая, опасная дорога постепенно удаляла образ Тита и притупляла душевную боль. На снежном фоне, вдали, ей виделся мираж родной Иудеи. Воспоминания о безмятежном детстве, об оставленной родине предков волновали её с новой силой и помогли выжить в эту самую трудную минуту.

Тит ненадолго пережил отца. Он умер, пробыв у власти не многим более двух лет, прожив совсем короткую жизнь – 41 год. Согласно упорным слухам, циркулировавшим тогда в Риме, его отравил младший брат Домициан. Кто знает? Откажись Тит от

власти в пользу брата, ради любви к Беренике, и он остался бы жив. И всё пошло бы по-другому – и в его, и в её судьбе. Вспомнил ли Тит на смертном одре о своей Беренике, умер ли он с сожалением о том, как он жестоко поступил с ней?

Римский историк, рассказывая о последних днях Тита, пишет: «Внезапно Тит почувствовал жар и рухнул на мраморные плиты…, взглянул, теряя сознание, на высокое небо и горько произнёс несколько последних фраз… Уже в бреду, в предсмертной агонии, он шептал, что умирает невинно и что ему не в чем себя упрекнуть, кроме, разве что, одного поступка…Что это был за поступок, он не сказал и догадаться об этом нелегко…». Уж не Беренику ли имел в виду Тит, когда говорил об одном поступке, о котором он сожалеет?

Дальнейшая судьба Береники растворилась в веках. Никто не знает, как сложилась её жизнь после возвращения домой и даже – где она нашла свой последний покой. В книге одного римского историка промелькнуло утверждение, что Береника ещё раз приезжала в Рим, когда там правил Тит. Если это, действительно, имело место, то, очевидно, это была отчаянная, так и не увенчавшаяся успехом, попытка Береники вдохнуть новую жизнь в её отношения с Титом.

Но в Книге Судеб была уже написана последняя глава этой печальной истории Любви. Всё было решено за них.

* * *

(при написании материала были использованы открытые исторические архивы; «Иудейская война», Иосиф Флавий)

Альбом моих впечатлений

Шварцвальд (сюжет для небольшого путешествия)

Шварцвальд – Черный Лес – 2016 (фото автора)

Никаких гидов и туристических бюро! В интернете нахожу всю информацию. Покупаю билет до Цюриха, оплачиваю машину и частную гостиницу через Pay-Pal. И еду на неделю за впечатлениями, релаксом и чистым горным воздухом в королевство дремучих лесов и немецких сказок – Шварцвальд. Свои впечатления я записала в файл своей памяти, чтобы рассказать только о самом главном – что удивило, оставило след, заставило мысленно возвратиться.

Путешествовали мы своим семейным коллективом – я, мой муж Александр и сын Дима. Итак, знакомьтесь – наш лесной маршрут. **Schwarzwald** переводится с немецкого, как **«Чёрный**

лес». Это огромный горный лесной массив в земле Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии. Простирается с севера на юг вдоль течения Рейна. Настоящая лесная страна, полная мистики и тайн. Это тот самый Черный Лес, который помнит героев братьев Гримм и Гауфа. Их сказки дышат чудесами Шварцвальдского леса, в котором до сих пор можно встретить страшных ведьм и уродливых карликов, горбунов, злую мачеху и дровосека, сказочных лесовиков, гномов и эльфов.

«Будешь радость видеть в каждом миге,
Все поймешь – и звезды, и закат!
Что приснится – сбудется, как в книге,
Темный Шварцвальд сказками богат!»

(Марина Цветаева)

Цюрих – Первые впечатления

Аэропорт Цюриха не впечатлил гостеприимством. Очень мало табличек на английском. Служащие безразличны и не особенно приветливы. Дорогой кофе оказался невкусным. Сразу чувствуешь, что страна живёт для себя, в своём внутреннем кругу. А многочисленные туристы воспринимаются, как неминуемая «головная боль», атрибутика самого крупного города Швейцарии, расположенного на пересечении многочисленных европейских маршрутов, но не более. Цюрих – типичный европейский буржуазный город. Чистый, ухоженный, несущий ауру больших денег и стабильного благополучия. Дорогие машины, переполненные кафе, дорого и безупречно одетые женщины, респектабельные мужчины. Старинные неторопливые трамваи навевают ретро-воспоминания из далёкого детства. Мороженое, кондитерские, кофейный аромат…. А еще, набережная у озера (Seepromenade), где толпы праздно гуляющих напоминают «Новый Вавилон». Мозаика лиц со всей планеты под нежным, ласковым солнышком. Всё нарядно и пасторально. В озере плавают лебеди, дети их кормят и щебечут – сентиментальная картинка Вселенского умиротворения… Так и должно быть на Земле!

Шонвальд. Временное жилище

Полтора часа езды по скоростной трассе от Цюриха – и мы в

Шонвальде, старинном немецком городке, затерявшемся среди лесов ШварцВальда. Хозяйка гостиницы Крис уже ждёт нас. Крис, пожилая элегантная дама, прожившая 30 лет в Америке. С английским нет проблем! И это в немецкой глуши для нас – большая удача! У Крис и её супруга Мэтью два огромных красивых 3-этажных дома, где размещается 20 квартир – номеров для туристов. В нашей квартире – две комнаты, балкон, кухня. В цокольном помещении SPA – бассейн, сауна, джакузи, солярий, тренажеры. Красивая территория вокруг гостиницы – клумбы с цветами, ровно постриженная травка, беседки, качели для детей.

Городок крошечный, старинный, сонный и малолюдный. Ощущение, что Время здесь очень давно остановилось. Все дороги из Шонвальда идут через густой лес и первое время эта незнакомая лесная стихия в чужом краю меня пугала своей непредсказуемостью, особенно, когда мы возвращались домой поздно вечером. Жители этих мест мне показались неулыбчивыми и суровыми «лесными братьями», не расположенными к общению. Английский язык у них вызывал тихое презрение, как и русский. И если я пишу что-то, с чем ты не согласен, дорогой читатель, то прости мне мою откровенность, это всего лишь мои личные наблюдения.

Потом мне рассказывали, что историческая память жива в поколениях этих людей. Ничто не забыто. Фантомы «огненного смерча» Дрездена живы здесь до сих пор. Местные жители не простили британцам. В февраля 1945-го британские «Ланкастеры» подвергли Дрезден жесточайшей многократной бомбардировке. С воздуха британские самолёты сбрасывали на город канистры, наполненные смесью каучука и белого фосфора. Канистры разбивались о землю, фосфор воспламенялся, вязкая масса попадала на кожу людей и прилипала намертво. Погасить её было невозможно. После страшнейших налётов трехмильный столб желто-коричневого дыма поднимался в небо. Масса пепла плыла, покрывая руины, в сторону Чехословакии. В некоторых местах старого города создался такой жар, что даже через несколько дней после бомбёжек невозможно было выйти на улицы, которые превратились в руины и развалины домов. После Дрездена британцы успели разбомбить средневековые города – Байройт, Вюрцбург, Зоэст, Ротенбург, Пфорцхайм и Уэльм. Только в Пфорцхайме, где проживали 60 000 человек, погибла треть жителей. А вы говорите – английский… Но не будем отвлекаться на истории далёкого прошлого. Человечество способно отфильтровывать информацию и в будущее всегда берёт только позитив, надеясь на созидание лучшего. И хотя уроки истории очень часто напоминают «повторение пройденного», будем

мудрее. Истина у каждого своя.

Я хотела рассказать о своих летних туристических впечатлениях. Но вдруг поняла, что в жизни всё так переплетено. Как на холсте художника – краски. Когда из знакомых и простых цветов возникает неожиданная гамма совсем незнакомого оттенка. Но не будем отвлекаться! Входим в сказочную Лесную страну – «Чёрный Лес». Чтобы понять, восхититься и запомнить.

Рейнский Водопад

Свой туристический маршрут мы начали с Рейнского Водопада. Водопад очень напоминает Ниагару. Тот же характерный шум падающих потоков воды, тот же серый ледяной бриз и туман. Холодная водная лавина. Неуправляемая стихия. Красота, таящая в себе угрозу и превосходство. В эти июньские дни в Германии были страшные наводнения с человеческими жертвами. СМИ, как могли, нагнетали драматизм событий. Ситуация была страшна своей непредсказуемостью. Необычная, долгая зима с обильными снегопадами «врезалась» в лето и сопротивляясь, бурно таяла еще в конце мая. Талые воды неслись стремительным потоком по всей Европе.

Рейнский Водопад (фото автора)

И глядя на Рейнский Водопад, было не только чувство созерцания природного величия, но и чувство суеверной покорности и растерянности перед гигантским водяным валом, способным смыть любое препятствие на своём пути. Мы стояли на шатком, почерневшем от времени, деревянном пирсе, врезающемся в самое сердце акватории водопада. Холодные брызги били в лицо и оставляли на губах вкус свежести летнего дождя в самом начале лета. Было хорошо, задорно, весело и легко, как в юности. И не хотелось думать ни о чем плохом. Рейнский Водопад заслуживает того, чтобы им любовались! И чтобы мы иногда задумывались о глобальности Вселенной и подчинённости законам мироздания.

Эльзасская Венеция

Эльзасская Венеция – город Кольмар (фото автора)

Кольмар. Французский городок с германским прошлым. Элегантный и утонченный. Старинные набережные, плакучие ивы, террасы кафешек над самой водой, изумительные живые цветы на балконах и мелькание быстрых лодочек… Ну чем не Венеция? Только здесь больше французского шика, больше туристов и меньше тревожного запаха Времени…. Другая история. Другие

люди. И ощущение вечного Праздника, как это принято у французов. Лукино Висконти свой культовый фильм «Смерть в Венеции» не мог бы снять здесь, ведь Кольмар – это сама жизнь, нестареющая и прекрасная! Мне хорошо и спокойно под нежным солнцем Эльзаса.

Но если присмотреться… Если войти в гущу старинных улочек и переулков… Начинаешь, вдруг, осязать пульс чужой, незнакомой жизни. Всё застыло и растворилось в Вечности. И тайны, и страсти, и чья-то любовь… И недоговоренность, и надежда… За закрытыми плотно дверями чья-то жизнь непонятная мне. Я не войду в эти плотно закрытые двери и не прочту историю чужих имён…

Я – случайный прохожий на пустынной улице в середине дня в центре Европы.

Кольмар (фото автора)

Баден-Баден

«Люблю вас, Баденские тени,
Когда чуть явится весна…»

(П. А. Вяземский)

Баден-Баден (фото автора)

Летнее утро в прекрасном курортном городке Баден-Баден. Я стою на площади, залитой солнцем, возле оперного театра. Мозаика впечатлений просто кружит голову! Этот «игрушечный», как мираж, город расположился по берегам реки Ос на западных склонах Шварцвальда и сверкает своей чистотой и праздничностью. Зелёные холмы, разноцветные дорогие особняки. Розовые, голубые, салатные, жёлтые, оранжевые…. Для меня, приехавшей из очень аскетичного черно-белого края, это необычно, создаёт ощущение беззаботности и внутреннего комфорта. Парки и лесопарки вклиняются в городской ландшафт и весь город наполнен летним цветением.

А какие здесь чудесные «Термы»! Ванны с термальной водой из многочисленных подземных источников. Эта вода лечит, бодрит и как эликсир молодости, заставляет «вскипать» кровь. Вы опять молоды, энергичны и готовы к новым победам. Не пропустите свой шанс!

Баден-Баден напомнил мне, не удивляйтесь, Сан-Франциско:

своей яркостью, респектабельной архитектурой особняков и зелёными холмами в дымке прозрачного неба. Еще раз убеждаюсь, что в природе всегда задуманы повторения, чтобы напомнить нам о том, что нет ничего неповторимого на Земле.

В многочисленных шумных кафе даже в ранний час полно народу. Витает запах шоколада и дорогих крепких напитков. Много очень изысканно одетых людей, что не характерно для других городов Шварцвальда. А какие шикарные леди всех возрастов с крошечными собачками на руках, с изумительными прическами, и безупречным утренним макияжем! Никто не торопится. Обычный утренний ритуал – кофепитие. Все сидят лицом к улице, как в Париже, попивая свой утренний кофе, наблюдая за медленно меняющимися городскими «декорациями». Сразу вспоминается старинное слово «Променад» (фр. promenade) – на манер прозы XIX века, когда французский был знаком элитарности в Российской Империи. На моём столике открытая книга, по которой изучаю приметы времени – XIX век, русские сезоны – Баден… На обложке моей книги серебрится тиснёное название, не удивляйтесь совпадению – «Лето в Бадене». Но это всё антураж – и кафе, и театр в безупречном стиле бель эпок («стиль прекрасной эпохи», необарокко), и скопированный стиль Парижской оперы…, и роскошь игровых залов Казино, оформленных в стиле палат французских дворцов, и Флорентийский зал, украшенный сверкающим золотом и шёлком, и «салон Помпадур» фаворитки Людовика XV, в стиле сладкого будуара, и еще, и еще… Не это главное!!! Для меня сказка начинается с «Путешествия во Времени».

Туристы катаются в нарядной карете с красавцем-кучером. Он одет в парчовый костюм, с галунами и золотым шитьём. И приглашает нас в незабываемую сказку.

Баден-Баден называют третьим городом в русской литературе после Петербурга и Москвы, у него интересная «русская» история. О русских аристократах здесь охотно вспоминают и сегодня. Еще звучат русские фамилии – здесь жил Жуковский, там Достоевский, здесь Тургенев, и опять же там проживал Лев Толстой, Полина Виардо, Клара Шуман… Князья Гагарины, Волконские, Меньшиковы, Вяземские, Трубецкие, Долгорукие, Васильчиковы. История всегда вдохновляет! Ведь только люди способны создавать живую ауру любого города, любой страны на Земле. Принцесса Баденская Луиза стала русской императрицей Елизаветой: в 1793 году она сочеталась браком с будущим императором Александром I. А после победы над Наполеоном царские генералы, возвращавшиеся в Россию из Парижа, так

восхитились красотами Шварцвальда, что через год вернулись с женами, детьми и многочисленными домочадцами. Это они первыми облюбовали этот курорт для русских. Стали строить здесь особняки, покупать имения, устраивать балы. Вы, наверное, слышали эти истории? Достоевский пристрастился здесь к игре в рулетку. В феврале 1867 года он пять недель подряд играл в казино и говорят – проиграл обручальное кольцо своей жены. И очередь дошла даже до её подвенечного платья. Лев Толстой в 1857 году проиграл здесь в казино все свои карманные деньги… Иван Тургенев тоже был «обвенчан» с этим дивным городом. В Баден-Бадене были написаны роман «Дым» и повесть «Призраки». Здесь у великого писателя произошла самая главная встреча – случился самый загадочный и ошеломительный роман века – роман с певицей Полиной Виардо. Тургенев прожил в Баден-Бадене семь лучших лет своей жизни. И когда я бродила по роскошным, помпезно убранным залам Баден-Баденского Казино, то ощущала себя (простите мне мою наглость) причастной к творчеству великих. Здесь своя энергетика. Тени великих витают где-то осязаемо рядом…. Воздух Баден – Бадена насыщен романтикой и настраивает на творчество.

«У каждого своя сказка…»

Путешествия хороши не только внешними впечатлениями. Это еще и встречи с незнакомыми людьми из другого времени и другого незнакомого пространства. По этим сюжетам можно писать книги, сценарии, снимать фильмы. Через эти сюжеты можно анализировать свои собственные поступки. Ведь через чужую боль и чужие эмоции можно иногда научиться различать «добро» и «зло». Хотя это, наверное, запретный метод познания. Слишком больно и слишком сложно. Но для тех, кто не боится темноты, я перескажу чужой рассказ, чужую историю… Чтобы осознать. Чтобы научиться прощать. Ведь абсолютно чужих историй на Земле не бывает.

Мой рассказ об одной встрече. Возможно, кто-то скажет: «забытый хлам…», но не торопитесь ставить ярлыки. Времена часто тасуются в реальных судьбах и информация никогда не бывает случайной.

Случайный рассказ

Яркий день. Лето. Полдень. Мы с мужем и сыном в Баден-Баденском парке. В тенистой аллее, в беседке. Едим мороженое и расслабленно созерцаем…. Разговор ни о чем. Из-за сени деревьев к нам подошли две женщины – очень древняя старуха с палкой, в очках с огромными линзами и сопровождающая её пожилая дама. Дама на ломанном английском попросила разрешения сесть возле нас. Мы не возражали. Усадив старуху, она испарилась. Старуха сидела на скамейке, как каменная статуя. Мы даже не замечали её присутствия. Но в какой-то момент «статуя» ожила и произнесла на очень странном русском: «Я всё понимаю, о чем вы говорите… Просто последний раз я говорила на русском, когда мне было 12 лет». После паузы она посмотрела мне строго в глаза, и я увидела слёзы…

«У каждого своя сказка…», – тихо произнесла она.

Её история, наверное, типична для Германии военных лет, но меня она потрясла своей варварской жестокостью и неразрешимостью. Эту историю я записала в свой блокнот, чтобы когда-нибудь рассказать.

Она родилась в Риге. Между двумя мировыми войнами. В семье прибалтийского немца и русской, убежавшей от ужасов Советов. У неё красивое двойное имя – Анна-Мария.

Перед войной Рига была одним из культурных центров русского зарубежья. Город жил красиво и буржуазно. Триумфально проходили гастроли Шаляпина и Вертинского, здесь пели Собинов и Максакова. Представьте, она запомнила эти имена. Хотя была совсем маленькой девочкой. У них была благополучная обеспеченная семья. Её и брата баловали, им устраивали праздники, учили музыке и водили на детские утренники. Их детство было безоблачным и светлым. Но пришла война – и всё хорошее исчезло из жизни Анны-Марии. Навсегда. Сразу размеренная одухотворённая жизнь превратилась в Ад.

Если вспомнить историю, то немецкое присутствие в Риге было всегда. Ригу основали немцы и для немцев. Случилось это около 1201 г. Старая Рига выглядит, как типичный немецкий город. Большую часть своей истории Рига была немецким городом. Так что в 1918 и 1941 годах немцы пришли в Ригу К СЕБЕ.

Анна-Мария так и не смогла вспомнить: когда впервые услышала это слово? Жесткое и холодное. Слово – «фольксдойче»… Его шепотом по многу раз повторяли родители при закрытых дверях. Она не знала, что это означает, но ей всегда становилось очень страшно, когда она слышала ЭТО СЛОВО. Она еще не знала, что это слово касается – и её судьбы, и брата, и

отца, и даже русской мамы.

В меморандуме Имперской Рейхсканцелярии от 1938 года «фольксдойче» определялись, как «люди, чей язык и культура имеют германские корни, однако, не имеющие германского гражданства». Для Гитлера и его идеологов этот термин нёс в себе «коричневый» подтекст – чистота крови, расовый фильтр. На территории оккупированных стран статус «фольксдойче» давал множество самых разных льгот и привилегий при одной существенной обязанности: фольксдойче обязательно подлежали призыву в вермахт или войска СС. Для того, чтобы дети считались «расово полноценными», родители Анны-Марии пошли на безумный риск. Их осторожный, тихий отец достал своей русской жене за огромные деньги немецкий паспорт. Теперь их дети становились 100 %-ми арийцами. У детей появилась возможность учиться в лучших школах, делать карьеру, быть принятыми в немецкое общество. Анна-Мария помнит быстрые мучительные сборы. Их семья бежала в Штутгарт, где их никто не знал. Вскоре отца забрали на Восточный фронт. Он погиб под Варшавой. А потом был Гитлерюгенд и «Союз для девочек». Всё, как у всех тогда в Германии. Мучительные тренировки и военная муштра, проводы на фронт старшего брата, бомбёжки, руины, анемия, неразбериха конца войны… Больше Анна-Мария никогда не возвращалась в Ригу. Её красивая, нежная мама за годы войны превратилась в старуху, поседела от переживаний и страха быть разоблаченной. Больше никогда-никогда в их доме не звучала русская речь. Её мама даже перед смертью боялась, что кто-то узнает… Она, смертельно больная, в полубреду, боялась уснуть, чтобы во сне не заговорить по-русски. Большая мамина родня была перечеркнута постоянным СТРАХОМ. Бедная мама так и не узнала, что произошло с её родителями за годы войны. Остались ли живы? Сохранился ли их нарядный, просторный дом в Риге? И даже муж Анны-Марии не знал, что она наполовину русская. Это была её ТАЙНА. И даже её любимый единственный сын, преуспевающий пожилой профессор… ничего не знает. Как это странно и несправедливо! Ведь родословную писали гены стольких поколений. Но Человек слаб. Не судите строго.

Мы торопились на электричку. Быстро попрощались. В её слезящихся глазах тускло отражался Баден-Баденский закат. Жизнь прошла мимо.

(Германия-Израиль, 2013)

Амстердамские каникулы

записки на манжетах

/страница первая/

Амстердам (фото автора)

Дорогой друг, об Амстердаме я напишу тебе в старинном стиле – не торопясь, не спеша. Ведь города старой Европы требуют особого настроения и особого ритма моих компьютерных клавиш. Итак, ты уже со мной?

Превосходный дымящийся кофе (здесь предпочитают *Lavazza*) с воздушным круассаном (даже в Париже вы не найдёте таких изумительных булочек… Нигде!!!) придадут нашей встрече особое очарование – ведь, чтобы так наслаждаться каждой минутой расслабленного блаженства, нужно побывать во всех измерениях нашей жесткой действительности.

Моя поездка в Голландию была запланирована давно, но события этого жаркого лета (2014) перепутали многим намеченные маршруты – война, ракетные обстрелы, постоянные волнения за близких, крушение боинга, частые катастрофы. Но несмотря ни на что, мы с мужем полетели на неделю в другой мир, где всё тихо, пасторально и спокойно.

Наш самолёт вылетел из аэропорта Бен-Гурион на рассвете, до утренних ракет. Сонный ночной аэропорт был необычно пуст и немноголюден, даже в «Дьюти-Фри» почти не было посетителей. В полёте было много детей – их увозили, наверное, подальше от войны. Короче, война незримо присутствовала в сжатом пространстве салона голландских авиалиний и только «модельные» красавицы стюардессы профессионально улыбались и нежно ухаживали за уставшими от войны пассажирами.

4 часа полёта и мы – в Амстердаме. Огромный аэропорт, море людей со всех стран и континентов. Все куда-то спешат, бегут, стучат колёсики чемоданов…. – одним словом, вокзал в режиме «non-stop», без перерыва. Итак, наши каникулы начинаются!!! Всё самое интересное я запишу, запомню, сфотографирую для своего «Альбома Впечатлений», чтобы потом рассказать всем, кто еще там не бывал.

* * *

Амстердам. Город каналов и воды, где узкие улочки, отвоёваны от грозной водной стихии бесконечными дамбами. Дома, сохранившие свою первозданную прелесть еще с Петровских времён, отреставрированы, отлакированы, ухожены. Город на воде – и в этом его прелесть и непохожесть. И если в Венеции витает запах тления от зелёных стоячих вод, то Амстердам с его каналами, заполненными живой водой – бодрый, динамичный, столичный – идеально вписывается в современную жизнь.

Амстердам– город на воде (фото автора)

Так как пространства для автомобилей очень мало, **голландцы выбирают велосипед!** Любые модели, на любой вкус, цвет и кошелёк. На велосипедах все – нарядно одетые леди в полупрозрачных платьях и на высоких каблуках (какая экзотика!), мужчины в элегантных пиджаках, спортивная молодёжь и мамы с младенцами, беременные и пожилые…. – все крутят, крутят без устали педали и летят навстречу новому дню с открытыми, счастливыми лицами. Есть метро, трамваи и автобусы… Наверняка, есть у голландцев в их благополучной стране личные яхты, катера, лодки, комфортабельные автомобили, но местные жители несутся на своих велосипедах, как на крыльях, красиво паря в туманной дымке и наслаждаясь этим полётом. Видел ли это Шагал? Даже в начале прошлого века голландцы были уже на велосипедах. И как следствие – я почти не видела полных, флегматичных людей. Красивые, рослые, спортивные голландцы так отличаются от многочисленных туристов со всего света. Действительно, природа мастерски отшлифовала этот народ за столько веков их непростой истории.

Гуляя по улочкам Амстердама ощущаешь аромат прошлых лет, неторопливость каждого часа и особенную атмосферу связи времён… – в деталях и почти неуловимых мелочах привычного уклада. И часы на площади с боем через каждые 15 минут напоминают о быстротечности мгновений, и выставленные в окнах тюльпаны о чем-то шепчут через запотевшее стекло, и многочисленные галереи с прекрасными картинами неизвестных

художников провожают вас взглядом… – всё говорит о каком-то скрытом от чужих порядке, о смысле и тайне вещей. Зайдите во дворики и узенькие переулки, остановитесь возле причудливо слепленных домиков и старинных жилых баржей. Узкие переходы, лепнина, средневековые водоколонки, предметы из позапрошлого века – всё это находится перед глазами и является частью неповторимого облика этого загадочного города. По табличкам и фигуркам на воротах и домах можно угадать, кто там жил и работал много-много лет назад.

В Амстердаме повсюду, на улицах и площадях – роскошные живые цветы в нарядных вазонах, подвешенных с любовью и вкусом к окнам домов, перилам многочисленных мостов, на столиках в кафе и в витринах магазинов. Многие витрины украшены в стиле Ретро. Композиции старинной фарфоровой пластики – мельницы, целующиеся парочки, дамы с собачками, кареты с нарядно одетыми господами из 19-го века, счастливые пупсы и куколки в балетных пачках, домики с фонариками… Как бы всё это великолепие украсило Новогоднюю Ёлку 40-х! Странная ассоциация…

Мне эти сказочные, застывшие миниатюры напомнили описание праздников в **«Дневнике Анны Франк»**, которая жила на одной из этих красивейших улиц Амстердама в средневековом районе Йордан, окруженная теплом и любовью благополучной семьи, любимица подружек и друзей. Разве за несколько лет до Катастрофы очаровательная девочка Анна могла представить своё Трагическое «Далёко» в лагере Берген-Бельзен в начале 1945-го года? Это невозможно постичь!!! За что???

Анна Франк

Я видела длинную очередь людей у входа в квартиру – музей, где жила Анна Франк. Но в пустую, холодную квартиру без Анны я не захотела войти, без её любимой погибшей сестры Марго и их замученной несчастной матери. И всех тех, кто ушел, превратился в пепел и дым, был уничтожен и казнён… Человечество должно помнить их поименно, молиться за души невинно – убиенных во всех войнах на этой Земле.

Я знаю и помню всегда об этой жесточайшей трагедии века – Холокосте. Но чтобы в наши дни Время взяло обратный отсчет? Самое СТРАШНОЕ – ЭТО может повториться!!! В других декорациях и другом исполнении, но с не меньшим количеством жертв, слёз, крови, страданий… Если наивное человечество забудет, простит, уйдёт в эйфорию беспамятства.

* * *

После Второй Мировой Красный Крест опубликовал списки вернувшихся пленников концлагерей. В живых осталось только пять процентов! Из тех, кто сумел спрятаться, выжила по крайней мере треть. Но звёзды Судьбы не были благосклонны к Анне Франк. Она умерла за несколько месяцев до конца войны в концлагере. Ей было 15. Не состоялась судьба талантливой писательницы; красивого, честного, умного Человека и даже гены её таланта ушли в небытие.

Анна Франк

Вот, что вспоминает одна из участниц тех событий, немка Мип Гиз, которая помогала Анне и её семье в Убежище.

> – Дневник Анны, переведенный на английский, был издан в Америке, где завоевал большую известность.
>
> Вскоре появились переводы и на другие языки. В Голландии был поставлен спектакль по Дневнику Анны Франк. Странное чувство не покидало меня. Мне все

казалось, что вот сейчас на сцену выйдет сама Анна Франк и другие жители Убежища.

Потом по дневнику сняли фильм, на его премьере 16 апреля 1959 года присутствовали королева Юлиана и наследная принцесса Беатрикс. Нас всех, кто выжил, пригласили на премьеру и меня представили самой королеве. Насколько я знаю, Отто Франк (отец Анны) ни разу не видел ни фильма, ни спектакля. Я его очень хорошо понимаю…»

(Из книги Мип Гиз «Воспоминания об Анне Франк»)

* * *

/страница вторая/

Площадь Дам

Привет, друзья! Я стою на **Dam Square (Площадь Дам)**, центральной площади Амстердама. И не ищите Прекрасную Даму! Название площади, как и всего города, связано с дамбой, которая была построена на реке Амстел в XIII веке. Дамба постепенно укреплялась и, в итоге, стала достаточно широкой для возникновения городской площади, позднее ставшей центром образовавшегося вокруг нее города Амстердама.

Давайте пройдёмся по площади и заглянем в каждое здание, которое является знаковым этого уникального архитектурного комплекса.

Начнём, конечно, с **Королевского Дворца.** Он постоянно открыт для посетителей, и мы сможем по достоинству оценить его красоту, изысканный вкус и богатство. Королевская семья здесь не живёт, но всех самых высокопоставленных гостей принимают в этом красивейшем Дворце. Он построен в стиле Римского Классицизма, внутри весь в белом мраморе с позолотой, в обрамлении тёмно-красного бархата, цвета монархии и власти. По сравнению с вычурным, старомодным Версалем этот Дворец являет собой образец архитектурного изыска, монументальной строгости и надменности. В самом верхнем зале Дворца висит известнейшая картина Рембрандта «Ночной Дозор», доступная для всех, кто любит историю, живопись и верит в магию искусства.

Площадь Дам. Королевский Дворец (фото автора)

Рядом с Королевским Дворцом – **кальвинистская церковь XV века** в неоготическом стиле (Кальвинизм – направление протестантизма, созданное французским теологом и проповедником Жаном Кальвином в 1536-м году). Эта Церковь используется для всех королевских коронаций, инаугураций, бракосочетаний.

Кальвинистская церковь XV века на площади Дам (фото автора)

Последнее бракосочетание в церкви было во время свадьбы принца Виллема-Александра и Максимы Соррегьеты в 2002-м году. Церковь является местом захоронения многих выдающихся нидерландских личностей. Во внутреннем убранстве Церкви – строгость, аскетизм, мрачность и ничего лишнего. Протестантский мир не любит выставлять себя напоказ. В наши дни кальвинизм исповедует значительная часть населения Нидерландов, Швейцарии, Шотландии. Также, кальвинизм достаточно сильно распространён в ЮАР, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Венгрии, Южной Корее.

Слева от входа в Королевский Дворец – **Музей восковых фигур мадам Тюссо.** Красивое загадочное здание. Но не ожидайте мистики! По сравнению с Лондонским Музеем Мадам Тюссо, этот музей наивен, случаен по выбору объектов и несовершенен по исполнению копий. Вас встречает у входа бледная восковая копия президента США Барака Обамы, где он выглядит на 20 лет моложе, без известной его харизмы и уверенного взгляда «хозяина Вселенной». Все остальные восковые фигуры политических деятелей и кинозвёзд Голливуда тоже впечатления не произвели, как и композиция музея, случайная и неинтересная, без души. На площадь Дам выходят также дорогой, респектабельный **отель «Краснапольский»** и первоклассный универмаг **«Бьенкорф»**. Эти достопримечательности превратили площадь в туристическую зону и зону дорогого и очень качественного шопинга. Бренды самых известных фирм вы найдёте на Площади Дам, и даже по скидкам, но по ценам… – для тех, кто может позволить себе жить красиво. А еще, обязательно зайдите тут же, на площади, в одно из кафешек и «оторвитесь», забудьте о диетах, попробуйте нежный клубничный или лимонный пай с дымящимся капучино… И признайтесь себе – Жизнь прекрасна!!!

* * *

А теперь я расскажу вам о том, как меняется площадь Дам ближе к вечеру.

Европейская площадь начинает походить на восточный город – женщины с закрытыми лицами, хеджабы, молчаливые неулыбчивые мужчины. Доминирует черный цвет. Медленно формируется толпа… Ораторы на непонятном языке громко и

грозно произносят в микрофон гневные речи и толпа «заводится», звонко скандирует, скандирует, скандирует… И вот, они заняли собой всё пространство возле Королевского Дворца. Они еще под контролем полиции. Еще не пролилась первая кровь. Но в темноте надвигающейся ночи горят ненавистью глаза… Это мрачное представление производит впечатление «Дежавю», особенно если вспомнить, что рядом, в Музее Восковых Фигур, фантом замученной Анны Франк склонился над своим Дневником-исповедью о тех миллионах невинных, которых превратили в дым здесь – в благословенной Европе. Неужели уже идёт подготовка к новым акциям по ликвидации..? И это возможно? Кто ответит?

* * *

/страница третья/

Нидерландский PERFORMANCE

Амстердам – город загадочный и мистический, воспринимается туристами, как кем-то заведомо срежиссированный, праздничный спектакль, где в сказочных декорациях – почти карнавал, где все – немного артисты, немного зрители и, наверное, только местные жители – прохожие, безразлично спешащие по своим делам.

«Cordial Dam Square»

Планируя поездку, прежде всего, выбираем гостиницу, чтобы была в удобном, красивом месте, недалеко от всех достопримечательностей города. Изучаем на форумах отзывы, заходим на сайт в интернете и смотрим – перечень услуг, цены, фотографии номеров, виды из окна и прочее… А еще, я всегда доверяю собственной интуиции и на мой выбор влияет название гостиницы. Название должно быть притягательным. Для меня это, как тайный код входа в моё путешествие. Ведь путешествие – всегда встреча с новой реальностью и всегда новые эмоции и открытия. Итак, название нашей гостиницы, расположенной в самом центре столицы Нидерландов – «Cordial Dam Square», что в переводе: «Сердечная Дамская Площадь». Нам обещают радушный, тёплый приём на главной площади далёкого Амстердама. Название подходит и по звучанию и по смыслу!

Гостиница небольшая, в очень старинном, сверкающем после

ремонта здании. Небольшой холл, скрипучая винтовая лестница, которой лет 300 (!). Возле лестницы втиснулся современный лифт, который, конечно, разрушает гармонию интерьера Петровской эпохи, но куда же без лифта? Чисто. Повсюду красные ковровые дорожки. На стенах японские гравюры и картины. Живые цветы. Тихо, спокойно, расслабляющая атмосфера.

Зайдём в номер? Рука привычно тянется к телевизионному пульту, переключаю каналы… Хочу поскорее узнать последние новости, ведь в нашем регионе война. Но не могу найти каналы ни на русском, ни на иврите, ни на украинском, ни на английском…. На полке стоит чайник, пакетики с сахаром и чаем. Хочу выпить кофе, но его нет! Чёрного чая тоже нет, только зелёный с жасмином. В лобби лежат газеты на голландском и… китайском. Всё. Спрашиваю у приветливого, молодого портье-голландца, как настроить телевизор на Fox News или BBC? А еще лучше – каналы на русском. И после выразительной паузы он мне очень тихо объясняет, что гостиница принадлежит азиатской семье, каналы в гостинице на их выбор – Бахрейн, Китай, Казахстан…., Аль Джазира. Но он постарается найти вещание из Китая на английском. Насчет кофе и чёрного чая… – *в гостинице вас познакомят с лучшими сортами зелёного чая…* О вкусах не спорят.

Хозяин гостиницы круглосуточно, как Будда, восседает в центре небольшого холла с каменным лицом, полным ледяного презрения к гостям своего отеля. Мысленно я назвала его «Чай-Кан-Ши» и честно сказать – ночью за дверью любые шаги вызывали у меня чувство незащищенности и тревоги.

Через несколько дней я уже разобралась – увидеть быт и уклад коренных голландцев можно только вдали от центра, а лучше – в провинции, там, где еще витает патриархальный европейский дух, где вам смотрят прямо и честно в глаза, где вы чувствуете юмор и человеческую открытость, пусть даже это всего лишь модель поведения и ничего более. Нидерланды, как и все страны, принявшие иммигрантов из своих бывших колоний, давно превратились в «Новый Вавилон». В Амстердамской толпе, в такси и кафе, магазине и даже в музее, вас встретят горячие парни, у которых голландский – родной, но ментальность, культура, уклад и жизненные ценности – отнюдь не европейские. «Плавильный котёл» работает медленно.

И когда я зашла в нарядный магазин ёлочных игрушек и защемило сердце от ностальгии по самому любимому Празднику Детства, когда я увидела знакомые фарфоровые, позолоченные игрушки в стиле ретро 60-х и хрустальные, сверкающие снежинки…., мне захотелось там остаться и доиграть возле

ослепительной, расцвеченной гирляндами ёлки. Хозяин магазина, очень смуглый парень в чалме, наверное, не понял моих чувств и воспоминаний. А может, это уже его Праздник, который, увы, НЕ со мной?

Великое Переселение Народов уже состоялось, и это реальность и знак нового порядка на Земле. С этим надо считаться, это надо знать, это данность…

* * *

/страница четвертая/

«Город греха»

Вы заметили, когда молодые рассказывают о поездке в Амстердам, то всегда с каким-то подтекстом, многозначительным прищуром и улыбкой? Ну конечно, город «узаконенного порока», легализированных наркотиков, проституции и однополой любви. Чем не дьявольский букет греха? И что кроется за этим?

По центральным улицам днём идут странные процессии. Группы, человек 10–12, разного возраста. Полукарнавальный «прикид»: блестящие короны, как для детского праздника, бутафорские цветные очки, смешные маски, у женщин цветы в волосах… У всех – затуманенный взгляд и блуждающая улыбка… Они идут по лужам, громко вскрикивают, смеются…. – им весело!!! Догадались? Они под кайфом. Это туристы из соседних стран, приехали на несколько дней «оторваться» по полной «запретной» программе. Вот такой развлекательный туризм. В Амстердаме есть два вида кафе – просто кафе, где можно выпить кофе с изумительным пирожным или горячий шоколад; и есть «кафе-шоп», где вам предложат совсем другие кондитерские изделия – пирожные, выпечку, содержащие наркотические добавки. Вокруг таких «кафе-шопов» витает дурманный, сладковатый запах. Людно и шумно. В основном – молодёжь. Не будем обсуждать нравственную сторону этого явления; это то, что есть.

Совсем рядом с Королевским Дворцом – символом монархии и власти, за центральной площадью Дам расположился старинный и воспетый бульварными романами и порнофильмами район улиц Красных фонарей. Ну, почти «Яма» из Куприна, но на западный, современный манер. И не ищите «клубничку» в этих старых названиях и смыслах.

Этот район горожане ласково называют Де-Валлетьес («стеночки») – когда-то здесь проходили городские укрепления. Проститутки облюбовали это место еще в 14-м веке. С тех пор здесь так и соседствуют: церкви, таверны и бордели – в ожидании уставших после долгого плавания моряков и одиноких путников.

История улиц Красных Фонарей началась в строгой протестантской Голландии с момента возникновения амстердамской гавани. Сами голландцы – нация строгая и аскетичная, это не пылкие французы, к продажной любви они относились всегда сдержанно и брезгливо, предпочитая рюмочку доброго вина. Но в морской портовой стране, где было всегда много чужеземных матросов, которые после долгого плавания выходили на берег в поисках земных радостей, невозможно было запретить Любовь на продажу. В Амстердаме этим ремеслом занимались, в основном, вдовы и подружки моряков, и даже их жены. Протестантская церковь смотрела на это отвлеченно, понимая. Ведь в плавании моряки находились очень много месяцев – не видели женщин, не знали женской любви и ласки… – тосковали по своим любимым, оставленным на берегу. Их утешали в чужом краю совсем незнакомые женщины. У всех этих подружек на одну ночь была своя мораль. Они считали, что если приласкают заезжего моряка, то где-то далеко какая-то неизвестная девушка сжалится и над их любимым и тоже поможет снять стресс. Этих женщин в городе понимали и даже жалели. Опознавательным знаком продажных женщин был медный цвет крашеных волос. Девушки стояли вдоль тротуара, их крашеные волосы при свете фонарей казались красными и «горели» в темноте. Красный окрас района Любви звал, манил, обещал и совращал… В 1850 г. в Амстердаме проживало 200 тыс. жителей и насчитывалось более 200 борделей. Запретный мир оказался бессмертен. Амстердам стал самым либеральным городом мира.

Итак, вперед – на заветные улицы, овеянные туманами веков и легендами. Их посещали Мата Хари, Папа римский, коронованные особы, конечно, инкогнито, знаменитые спортсмены, политики и шпионы. На узких улочках в красных бликах фонарей окна – витрины с полуобнаженными красотками из разных уголков земного шара. И хотя после красочных гламурных журналов и утонченной эротики в современном кино весь этот Амстердамский коммерческий порно – PERFORMANCE кажется достаточно унылым и «отработанным», из прошлого века, но…. Не торопитесь с выводами! Вы не в кино, не в стриптиз-клубе – вы в ночной жизни Амстердама, а это уже настоящая экзотика! Хотя и напоминает иногда респектабельный аттракцион

для скучающих туристов, местный «Диснейленд», где вместо Микки-Мауса гостей встречает кукла Барби – именно так выглядит подавляющее большинство здешних девушек.

В окнах стоят застывшие, как замёрзшие, девочки в очень открытых красивых купальниках. Стандартные сексуальные позы из фотосессий для Playboy и мужских клубов. Фотографировать девушек категорически запрещено – спрячем подальше фотоаппарат. Может, рискнём на iPhone? Все это напоминает театрализованное представление: красивые наряды, интересно оформленные витрины. Есть улочки только с афроамериканскими девушками, есть улочка с транссексуалами… Кроме таких окон – витрин, в квартале Красных фонарей – секс-шопы, пип-шоу – кабинки, кинотеатры, стрип-бары, секс-театры, музей каннабиса, даже музей проституции, где оживает история секса с глубокой древности. «Casa Rosso» – уникальный театр, на сцене которого выступают всемирно известные актеры порнотеатров, демонстрируя фантастические данные и чудеса изобретательности. «Banana Bar», где роскошные актрисы танцуют под цветомузыку; бары и рестораны для голубых, розовых… и еще, и еще. Несмотря на то, что амстердамский «Мулен Руж» значительно скромнее, чем его тезка в Париже, сам квартал Красных Фонарей интереснее, чем одноименный квартал во французской столице.

Ночью толпы гуляющих заходят в кварталы красных фонарей и пивные бары, объявляющие «Happy hours» – это когда каждый второй «Drink» бесплатный. Поэтому пешеходное движение с песнями и приколами не прекращается часов до трех ночи. Ночной карнавал медленно переходит в туманное утро, но уже в 11 дня жизнь оживает снова… Все торопятся жить!!!

Жрицы Любви с вами не встречаются взглядом и безразлично смотрят сквозь вас. Но если в толпе зевак девушка выхватывает горящий, жадный мужской взгляд, то начинается «шоу»…. Она оживает!!! Не торопитесь уйти! Ухоженные, красивые, почти без косметики, с потрясающей кожей – они выглядят почти невинно. Кстати, не только молодые, но и леди вполне серьёзного возраста – в модных очках, не утратившие шарм и привлекательность. Встретив такую девушку в городской толпе, вы в жизни не догадаетесь о её профессии; о том, в каком мрачном мире она живёт, что за углом её «пасут» жестокие сутенёры с лицами убийц, что за эту крохотную комнатку-витрину она сама должна ежедневно платить 150 евро (!), что вся красота лица и тела, медицина – тоже за её счет… Но не торопитесь жалеть! На всё есть своё оправдание. Сюда отбирают едва ли не строже, чем на конкурс красоты (правда, размеры 90-60-90 не обязательны, ведь

вкусы разные бывают: есть и толстушки и стройняшки). С девочками заключают контракты, дают лицензию на коммерческую деятельность и начисляют пенсию. Все законно и достойно.

В этих окнах под «Красными фонарями» по неуловимым признакам и жестам я опять увидела эмигрантский мир – неустроенный, затравленный, закрытый для посторонних. На мой поверхностный взгляд – нидерландских красавиц я здесь не встретила. Хотя, по лицам девушек можно прочитать всю карту мира.

И ни одного характерного лица! Стандартные кукольные красотки на массовую продажу. Всё просто и откровенно. Для старшеклассников и пожилых туристов.

* * *

Ватаги подростков с красными лицами, смеясь и ругаясь, после крепкого допинга бредут по Улице Любви, навстречу утомлённым любовью девочкам. И крутится «колесо жизни»… – утомительное, влекущее, обманное. А утром уже никто никого не узнает… Всё исчезнет… И на рассвете погаснут в тумане красные фонари, чтобы через несколько часов опять напомнить о себе неярким, розовым свечением, зовущим и завораживающим; к нему потянутся новые мотыльки, готовые сжечь свои молодые, сильные крылья в этом иллюзорном огне страсти.

«Show Must Go On…».

* * *

«Лунная соната» Музыка в летнем театре Амстердама (фото автора)

А тем временем, в противоположном конце города, в центральном Парке Вондела, звучала музыка. В Летнем театре под открытым небом люди слушали Бетховена. Бессмертная «Лунная соната» создавала атмосферу гармонии и единства всех, кто был рядом. Здесь, на этом дневном бесплатном концерте, были – родители с детьми в колясках, пенсионеры и студенты, школьники, нарядные утонченные дамы с красивой бижутерией и элегантные мужчины в летних пиджаках. И дети не плакали, не кричали; не шумели случайные прохожие; время остановилось… Только Музыка. Здесь не было чужих, это были жители прекрасной голландской столицы и это был их Уклад – их культура, их воспитание, их умение ценить прекрасное. Это была Европа, которую еще Не потеряли и которую надо сохранить.

(Амстердам, лето 2014)

Осень в Эйлате

Подводный мир Эйлата (фото автора)

Если вы настроены на Праздник, на новые впечатления и встречи, если можете уйти и отстраниться от всех забот повседневности, то не тратьте время на раздумья! Лучшего места просто нет и это, конечно, наш любимый, сверкающий на солнце, омытый морскими брызгами, окруженный россыпью прозрачных хрустальных гор, Рай на краю Земли – Эйлат.

Каждый год мы приезжаем сюда в осенние праздники, где израильская осень божественна и неповторима, где температура воздуха днём ещё +33 (!), где еще по ассоциации всплывает в памяти раскалённое Хемингуэевское слово "Фиеста", но морская вода уже бодрит и остужает, а вечерний ветерок с моря обдаёт божественной негой: ведь мы же в Раю.

Эйлат – это гибкая змейка прибрежной полосы на берегу Красного моря, с двух сторон окруженная древними грядами гор Иудейской пустыни. С одной стороны – горы Иордании и иорданский курорт Аккаба, в ночи горящий и переливающийся тысячами огней, а с другой стороны – горы уходят в бесконечную даль Египта, растворяясь в тумане. Там Синайская пустыня и совсем близко к нам, по ту сторону границы – египетский курорт Синай, на котором всегда было так много туристов. Но нет еще

«мира под оливами», и сегодня безопасность диктует свой выбор и свои ограничения. Странно, но живя более 25-и лет почти рядом с одним из чудес света, я ни разу не была в египетской Долине Царей, не видела гигантских пирамид, которые так манят своей вселенской Тайной и неразгаданностью. Увы, так бывает.

В хорошую погоду, отплывая на яхте в открытое море, можно в бинокль увидеть в призрачной дали Саудовскую Аравию, рельефы гор, туманные силуэты сказочных восточных строений. Поверьте, это так впечатляет, когда вы находитесь на пересечении великих морских путей, в водах Красного моря, которое лежит между Аравийским полуостровом и Африкой в тектонической впадине глубиной свыше 3000 м.

Красное море – это внутреннее море Индийского океана, в него не впадает ни одна река, поэтому вода в нем кристально чистая. Кроме того, море в Эйлате, будучи внутренним, никогда не штормит, здесь никогда не бывает волн, это по сути огромный, бесконечный бассейн с зеркальной изумрудной поверхностью и солёной водой. Разноцветные коралловые рифы тянутся вдоль всего берега. Возле них – мириады рыб невообразимо ярких расцветок и причудливых форм. Любители дайвинга со всего мира приезжают сюда поплавать над коралловыми садами, сделать на память подводные снимки, ощутить головокружительный восторг погружения в водную стихию. А для тех, кто не рискнул еще приобщиться к клубу любителей этого экстремального вида спорта, я предлагаю экзотическую морскую прогулку под названием «TheYellow Submarine». Да-да, самая настоящая «Желтая подводная лодка» под звуки далёкой песни знаменитой ливерпульской четвёрки пройдёт с Вами удивительный подводный маршрут, мимо затопленного корабля времён английского мандата, мимо коралловых гирлянд и хищных диких рыб с гипнотическим оскалом убийц, мимо причудливых подводных растений и перламутровых раковин, мимо чужой и непонятной жизни, от которой веет чем-то первозданным и тревожно-опасным.

Погружаясь в водную пучину вы обнаружите интересную оптическую закономерность: на глубине 40–50 метров под водой мир на Ваших глазах будет превращаться из многоцветного в черно-белый. Вдруг, моё кольцо с большим бирюзовым камнем превратилось в серо-белое, одноцветное. Розовые босоножки и сумка тоже стали невыразительно-серыми. Все вокруг – с серыми лицами и в серой одежде. Короче – черно-белое кино под водой.

Но основной сюжет этого подводного "фильма – экскурсии" просто обескураживает. Наша подводная лодка объезжает давно затопленный, потерпевший бедствие где-то в 40-х годах прошлого

века, корабль. Невольно вспоминаю кадры из кинофильма «Титаник». Разорванные и поросшие мхом части корабля… Перекошенная огромная палуба, заклинившиеся двери; непонятные, почерневшие от времени, изуродованные предметы – старомодный чайник, саквояж или комод?.. И огромные рыбы – хищники (акулы?) – безжалостные свидетели чужой беды, чужого крушения, зависли в этих тяжелых, темных водах.

Оставим всё, как есть. Ход Времени ни остановить, ни изменить нам не дано.

Вернёмся в наш прекрасный беззаботный уголок, где "праздник всегда с тобой", где всегда шумно, весело и тепло. Где на пляже всегда играет обжигающая латиноамериканская музыка или “ha – Музика Исраэлит” (прекрасный сплав восточной музыки и европейских современных ритмов), где танцующей походкой юные смуглые красотки разносят ледяное пиво, где нет проблем, где нет невзгод, где вам всегда рады и всегда вас искренне любят.

Конечно, есть в Эйлате еще столько интересных маршрутов – изумительно оформленный аттракцион «King City» и поездка на джипах по пустыне, каток и ледяное шоу, путешествие на верблюдах и экзотическое кофепитие в бедуинских шатрах… Долина Тимна и знаменитые Соломоновы столбы из древней притчи об алмазных копях царя Соломона (для искателей кладов), казино на ночном корабле в нейтральных водах для любителей риска и азарта… Потрясающие деликатесы из морских блюд в бесконечных ресторанчиках и кафе, вкуснейшие вина и сыры для настоящих гурманов и ароматный кофе для настоящих ценителей этого божественного напитка.

Любители морской кулинарной экзотики, не пропустите экскурсию в превосходный рыбный ресторан с поэтическим названием «Последнее убежище» («ha-мифлат ha-ахарон»). У этого ресторана интересная история.

Во время войны с Египтом (1967 год – «Шестидневная война») именно на этом месте проходила линия обороны Израильской Армии. Именно здесь получали первую помощь раненые солдаты. Эта полоса суши и была последней надеждой и укрытием тех, кто обескровленный, обессиленный, но не сдавшийся врагу, из последних сил держал оборону. А потом… Вы знаете это – враг был оттеснён, а на месте жесточайших боёв сегодня мирно и безмятежно расположился эйлатский городской пляж. Странное решение – без помпезных мемориалов и пионеров-горнистов. И только название ресторана – «Последнее убежище» (иногда переводят «Последний приют») напоминает о тех далёких и страшных днях. Но поднятый ввысь бело-голубой флаг победно приветствует нас на свободной Земле.

Сегодня здесь вкусно, сытно и беззаботно. Время уносит с собой столько чувств, эмоций, тайн. Но живы легенды, они вечны, как и сама история.

За несколько дней невозможно объять необъятное. И поэтому я просто на несколько предвечерних минут остановлю мгновение…

Выхожу на набережную, где в едва уловимой прохладе уже ощущается привкус осени и дождей, покупаю в сувенирном киоске яркие коралловые бусы, делаю несколько прощальных снимков на память, включаю зажигание и уезжаю из города-праздника, чтобы в пасхальные каникулы обязательно сюда вернуться.

(Эйлат, Израиль, 2013)

Венское Ожерелье

О поездке в Вену буду немногословной. Об этой блестящей европейской столице столько сказано, столько спето, столько снято фильмов и поставлено спектаклей. Обо всем можно прочитать в интернете, но каждый чувствует пульс города по-своему, у каждого свое восприятие и свой нерв ассоциаций.

Вена-2015 (фото автора)

Свои поверхностные заметки я назвала: **«Венское Ожерелье»**, так как отдельные воспоминания, как цветные слайды, сами нанизываются на тонкую нить моего короткого (всего 8 дней) летнего маршрута. Пишу только о том, что оставило след, что поразило, заставило думать и врезалось, как заноза, в мозг, что волнует и не отпускает. Время летит быстро и то, чем еще вчера насыщенно и жадно жила, превращается в элегическую прогулку по волнам памяти моих недавних дней. И простите мой старомодный стиль. Вена настраивает на совсем другой ритм восприятия. Помните у Алексея Толстого о Европе 18-го года – «запах ванили и грусти…»? Так вот, ничего не изменилось. Для вечных городов понятие **«Время»** отсутствует.

Собор Святого Стефана (Stephanplatz)

В самом сердце Старого города мрачно и гордо возвышается самая раритетная достопримечательность Вены – католический Собор Святого Стефана – национальный символ Австрии и символ Вены. Сегодня Собор является самым значительным готическим архитектурным сооружением Австрии. Войти в холодное, таинственное пространство Собора – как говорят австрийцы – это приобщиться к божественному.

Сокровища Собора впечатляют воображение – алтари, сверкающие золотом, боковые часовни, украшенные изысканной инкрустацией, ценные реликвии, украшенные золотом и драгоценными камнями, ковчеги, литургические тексты и книги, а также богатейшие одеяния, шитые золотом и серебром.

Собор Святого Стефана (фото автора)

Катакомбы, на которых стоит Собор – огромный могильник, где похоронены 11 тысяч человек(!) и несколько поколений Габсбургов. Множество известных личностей нашли в Соборе Святого Стефана свое последнее пристанище. Император Фридрих III похоронен в черном мраморном саркофаге. Одна только крышка надгробного памятника весит восемь тонн. В собственной часовне нашел свое последнее пристанище принц Евгений Савойский. В катакомбах Собора Святого Стефана среди

прочих известных личностей погребен габсбургский герцог Рудольф IV, «учредитель», заложивший в 1359 году фундамент готической новостройки Собора. Кроме того, в катакомбах – могилы венских кардиналов и архиепископов. Массово хоронить в катакомбах под храмом и его окрестностями начали лишь в 1732 году после эпидемии бубонной чумы, когда Карл VI запретил погребение умерших на традиционных кладбищах внутри городских стен. А в 1783 году по указу Иосифа II был закрыт и подземный некрополь.

С Собором Святого Стефана связано много мистических мрачных легенд и тайн. По одной из легенд Собор сообщил гениальному композитору страшную весть…. Однажды Бетховен увидел, как птицы взлетают с колокольни Собора Святого Стефана, но не услышал звона… – он понял, что потерял слух.

Вокруг Собора разлита зловещая аура потустороннего, гнетущее ощущение кладбищенской тишины и вечности. В Соборе всегда сырой полумрак, зыбко и тускло горят поминальные свечи, все монументально и отрешенно. Внешние стены Собора покрыты серым пеплом веков – никакой красивости и лакировки, история слишком строга для позерства. Известняк, из которого сделаны стены собора, содержит большое количество железа и со временем окисляется. Собор разрушается, а сам камень приобретает черный цвет. Увы, старению подверженны не только люди.

Но в грациозном кружеве вечернего силуэта **Собора Святого Стефана** я, вдруг, четко увидела, как сон, как напоминание – «**Искупительный храм Святого Семейства» Гауди** в Барселоне. Все в природе повторяется, как назидание нам, что нет ничего неповторимого и уникального на этой седой Земле. Все уже было.

Венская чумная колонна (чумной столб)

Фрагмент памятника Венской чумной колонны (фото автора)

Пройдем еще один квартал от площади Святого Стефана, расстанемся с мрачным миром средневековых теней. Выйдем на светлую элегантную улицу Грабен, где сверкают зеркальные витрины дорогих бутиков, где самые изысканные кафе и самый вкусный венский кофе… где всегда шумно и людно. Но доминанту этой архитектурной композиции вы заметите сразу – самый знаменитый и важный в Вене исторический скульптурный памятник – **Венская чумная колонна (чумной столб).**

В 1679 году в Вене бушевала страшная эпидемия чумы.

Ни одна из войн не уносила столько человеческих жизней, как эпидемия чумы. Пришедшая из Азии Черная смерть в Европе унесла треть населения. Впервые эпидемия бубонной чумы пришла в Западную Европу в 1346–1348 году, тогда умерло на земном шаре более 25 миллионов человек. И эпидемия еще не раз возвращалась.

Чума не выбирала между богатыми и бедными, между дворянами и крестьянами. Короли, герцоги, графы, бароны, простой люд становились жертвами Черной Смерти. Перед ней все были равны.

Во время бегства из города от «черной смерти» в 1679 году император Леопольд I обещал возвести **колонну милости** по окончании эпидемии чумы. В тот же самый год была освящена временная деревянная колонна работы Иоганна Фрювирта,

которая была изготовлена в виде Святой Троицы на коринфской колонне и девяти фигур ангелов (представляющих девять ангельских хоров). И только в 1693 году колонна, изготовленная из мрамора, в своем окончательном варианте была торжественно открыта. Несмотря на долгий срок строительства, изменения планов и количество участвующих скульпторов, памятник производит и сейчас сильное впечатление. Он изменился – от простой и консервативной молитвенной колонны до зрелой барочной инсценировки, в которой красочно переданы события того времени.

Колонна представлена сложной иконографической композицией, основной идеей которой была победа через смирение и молитву императора против чумы. Чума в виде страшной, безобразной ведьмы повержена крестом Девы Марии и мечом Ангела – хранителя города.

Традиция устанавливать памятники жертвам чумы была широко распространена в странах Западной Европы. Особенно много их сохранилось на территории бывшей Австро-Венгерской империи. Возводились они сразу после окончания эпидемии по заказу уцелевших граждан или жителей городов, которых страшная напасть обошла стороной. Обычно эти памятники называют «чумными колоннами» или «чумными столбами». Сохранившиеся монументы, как правило, представляют собой мраморные скульптурные группы святых, окружающих центральную колонну (столб). За избавление от чумы принято было благодарить Пресвятую Троицу, Деву Марию, а также святых – Вацлава, Войтеха, Людмилу, Яна Непомуцкого и Прокопа. Выполнены эти памятники в стиле барокко и датируются концом XVII – началом XVIII вв.

Но что особенно интересно – чума, которая «выкосила» треть Европы, каким-то странным образом создала у оставшихся в живых стойкий иммунитет на генном уровне. Произошел «естественный отбор», выжили самые жизнеспособные, их потомки получили в поколениях «естественную прививку» от страшной болезни и человечество, окрепшее от потрясений, продолжило свой вечный путь.

Есть в Вене одна таверна. Таверна эта знаменита тем, что именно здесь уличный музыкант Августин сочинил свою знаменитую мелодию, обессмертившую его имя, ту самую, которая: «Ах, мой милый Августин…» Это случилось во время великой эпидемии чумы. Августин сидел в таверне, пьянствовал по-черному, прощаясь с жизнью, ну и попутно пел свою песенку. Августин пьянствовал, а на улицах Вены бушевала чума. И вот, очнувшись от очередной дозы спиртного, Августин с удивлением

обнаружил, что до сих пор не то что не умер, но даже и не заболел. И тогда он понял, что провидение дало ему в руки средство от чумы. Правда, он не был уверен, что помогло ему справиться с чумой – то ли беспробудное пьянство, то ли сочиненная им песенка. Поэтому он поделился с венцами обоими своими открытиями. Благодарное население Вены тут же принялось пьянствовать и распевать: «Ах, мой милый Августин…» И чума в ужасе отступила…

Кстати, когда произошла планетарная катастрофа на Чернобыльской АС в 1986-м, то многие специалисты считали, что пол-Украины накроет черное радиоактивное облако и все погибнут от радиации. Тогда тоже в украинских городах пили красное вино в больших количествах и говорили, что именно алкоголь выводит из организма стронций. Все тогда были взбудораженны и чуть пьяны, но выжили… – «Ах, мой милый Августин…»

* * *

Оставим на улицах и площадях Вены ее тайны и страсти, которые растворились в Вечности. Восхитимся беспечно и красиво нашим беззаботным летним днем!

Прогулка по Вене кружит нам голову в вихре прекрасной архитектурной симфонии. В этом городе столько музыки, столько вкуса, утонченности, аристократизма!

Почти каждый дом – уникальный архитектурный памятник, почти на каждом шагу – величественные дворцы. Нарядные конные экипажи из 19-го века, мраморные императоры гордо сидящие в седле, красивейшие кафе и рестораны в стиле роскошного "Елисеевского", величественные соборы и синь Дуная, Венская Опера, изумрудный венский лес и «Волшебная Флейта» Моцарта…, и еще, и еще. Разве можно устоять перед этим великолепием?

А какие элегантные дамы, как аккуратно, как достойно выглядят мужчины в модных пиджаках даже в летнюю жару. Столичность Вены сочетается с ее традиционным этикетом и в этом редкая, уходящая прелесть этого древнего европейского города. Традиции в Вене тщательно берегут и охраняют. В них столько милого смысла, забытой куртуазности, недоговоренности. Так и хочется сказать: «Век 19-й среди нас…».

Кафе «Демель»

На каждом шагу в Вене кондитерские и кофейни, красиво оформленные, дразнящие тончайшим ароматом шоколада, ванили, корицы, рома, взбитых сливок и еще чего-то неуловимого и очень вкусного. Вкус Вены – это изысканные десерты высокой венской кухни. Но среди огромного разнообразия вкуснейших, качественных кондитерских изделий надо выделить три общепризнанных Бренда, без которых нам не понять венский характер и венский шик. Итак, это – **Торт «Захер» (нем. Sachertorte), Сеть кондитерских «Аида», Традиционный венский штрудель (нем. Strudel).**

«Захер»

Туристов в кафе **«Захер»** отеля **Sacher** не меньше, чем в **Соборе Св. Стефана**. Ведь здесь вкушают шоколадный фетиш столицы – торт «Захер». Бисквитный корж с нежной абрикосовой начинкой, залитый сверху слоем шоколада. Долгое время «Захер» вкушали только Габсбурги и приближенные к ним аристократы. Но потом торт пошел в народ. И стал визитной карточкой Вены. Многие считают, что «Захер-торт» – самый вкусный торт на свете. И едут в Вену, идут в кафе **«Захер»** исключительно ради него. Толпы туристов стоят у входа в кафе отеля «Захер», чтобы

попробовать эталон торта и приобщиться к этой красивой шоколадной истории.

«Захер» (нем. Sachertorte) – шоколадный торт, изобретение австрийского кондитера Франца Захера. Торт является типичным десертом венской кухни и, вместе с тем, одним из самых популярных тортов в мире.

А все начиналось, как всегда, прозаично и случайно. В 1832 году министр иностранных дел Меттерних приказал своему повару создать для него и его высокопоставленных гостей необычный десерт. Однако, шеф-повар был болен, поэтому задание пришлось выполнять 16-летнему Францу Захеру (1816–1907), обучавшемуся кондитерскому мастерству на придворной кухне. Хотя торт понравился гостям, его оставили без должного внимания. Но время шло. Франц Захер не изменил своему призванию кондитера, много учился и стал высококлассным Мастером. Его старший сын Эдуард получил образование в авторитетной венской кондитерской «Демель». Эдуард Захер несколько изменил рецепт торта, сделал его более сложным. С 1876 года торт стал продаваться эксклюзивно только в основанном Эдуардом отеле «Захер». С тех пор торт является одним из наиболее популярных десертов венской кухни. Рецепт торта "Захер" до сих пор держится в строжайшем секрете. Почти в каждой венской кондитерской можно найти копию торта «Захер», но оригинал один и он неповторим!

Знак Оригинала торта «Захер» (Original Sacher-Torte) с круглой шоколадной медалью сохранили до наших дней только за тортами, которые изготовляет один единственный в Вене изготовитель – отель «Захер».

Я сидела в нарядном, прохладном зале отеля «Захер», пила терпкий кофе с ромом и никак не могла понять… Почему у этого торта такая магическая судьба? Ведь наш любимый еще с советских времен «Пражский» – тоже вариант «Захера», только нежнее и «шоколаднее». Да и в израильской **«Ароме»** вам подадут **«Браунис»** из черного шоколада с грецкими орехами, он тоже похож на «Захер», как брат– близнец, только почти без сахара и без пафосного шика. Какое же великое дело – умелый маркетинг! И как давно им умеют играть. С 1876-го…

«AIDA»

Сеть прелестных кондитерских **«Аида»** переносит вас в сладкое детство, где все в розовом, карамельно-ягодном, воздушном… Официантки со сверкающими подносами летают по

узким лабиринтам зала, они все одеты в одинаковые атласные розовые платья, словно куклы Барби: в балетках, в волосах венки из цветов… – ну, очень мило! Изобилие пирожных не обманывает своей красивостью ваш вкус. Очень много фруктово-ягодных: легких, элегантных пирожных, которые еще долго оставляют на губах ягодное послевкусие. Очень много крохотных пирожных-на «зубок», как на кукольном чаепитии. Где вы, мои подружки, из любимых детских сказок – Белоснежка, Синеглазка, Мальвина, Алиса…??? Я приглашаю вас! Отзовитесь…

Венский штрудель

И все же, народным королем всех кондитерских Вены я бы назвала легчайший, необыкновенно вкусный и изысканный, пахнущий ванилью и доброй стариной, семейным чаепитием и любовью – яблочный венский штрудель. Вам подадут его в любой кафешке, в любом районе Вены, в любом буфете, и всегда – будет вкус отменный, поднимающий настроение и вызывающий полный релакс чувств. «Жизнь удалась…», подумаете вы – и как мало для этого надо. Просто надо знать рецепт этой традиционной австрийской выпечки – тончайшее тесто, хрустящая корочка и ароматная нежная яблочная начинка. И никуда не спешим… Пусть весь мир подождет.

Ну, а если вы ищете утонченное Ретро – атмосферу начала прошлого века, меланхоличного тапера за роялем, полупрозрачный фарфор, безупречное обслуживание и европейский стиль…. То обязательно посетите кафе **«Централь»** или кафе **«Демель».**

В кафе «Централь» пил кофе «по-венски» Лев Троцкий. Зигмунд Фрейд писал там свои трактаты по психоанализу. Петер Альтенберг (известный австрийский писатель) писал там свои «картинки настроений», которые затем вошли в его декадентские сборники. Ему так полюбилось заведение, что даже свою корреспонденцию он получал здесь, и на вопрос – где можно его найти, всегда отвечал: «Кафе Централь, Вена». Его фигура из папье-маше навсегда заняла свое почетное место в зале кафе. И даже коричневый фюрер в годы своей романтической юности захаживал в «Кафе Централь» и рисовал совсем не страшные, наивные картины малого формата и ни у кого не вызывал страх. Все еще было впереди.

Совсем другая история у знаменитого Кафе **«Демель»**, основанного известной династией венских кондитеров. Только представьте – она начинается с середины XIX века!

Местоположение кафе ни разу не менялось, а интерьер и меню сохранили атмосферу тех далеких времен. Как и раньше, конфеты и мармелад здесь делают вручную, продавщицы одеты в старинную форму, а официанты расхаживают в смокингах. Обязательно войдите в этот изысканный мир старины и вкуса, элегантности и красоты. Приятного вам сладкого праздника!

* * *

«Австрийская Мона Лиза»

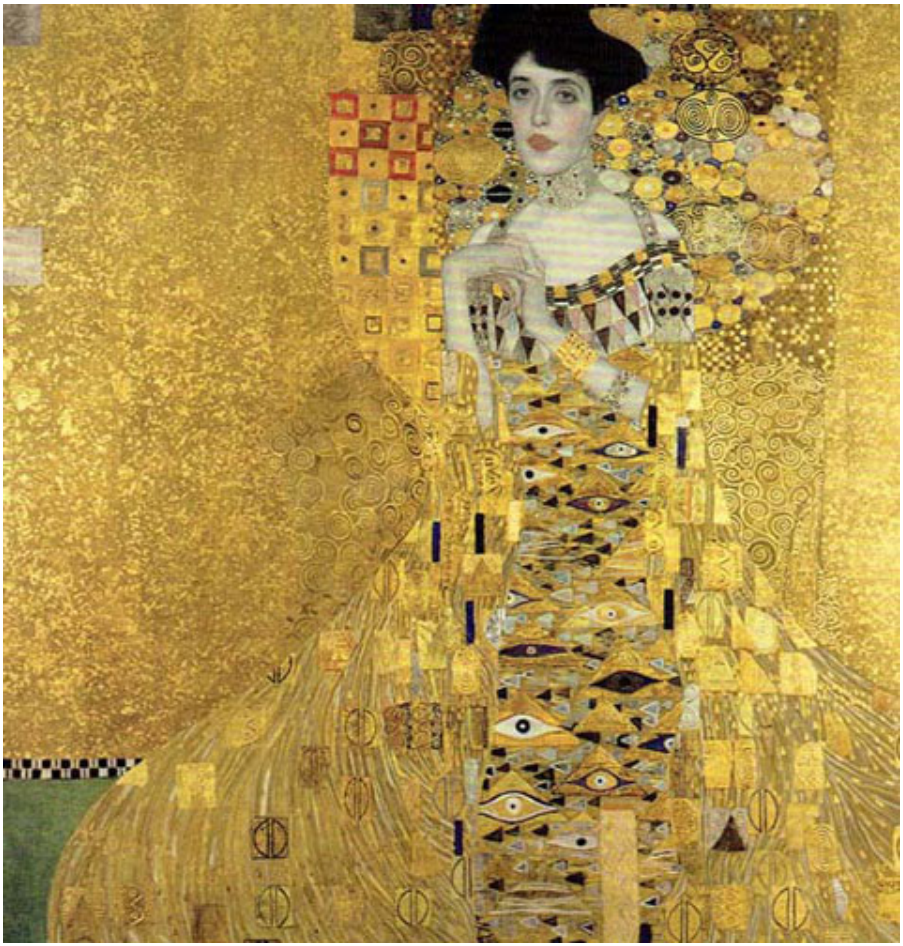
Для Австрии художник Густав Климт (1862–1918) – все равно, что Пикассо для Испании или Ван Гог для Нидерландов. Самой известной его работой считается «Портрет Адели Блох-Бауэр». Эту картину называют еще «Золотая Адель» или «Австрийская Мона Лиза». Она – вершина «золотого периода» Климта.

Увы, посещая в июле 2015-го года знаменитую галерею в Бельведере, я уже знала, что непростительно опоздала. Никогда нельзя откладывать свою мечту на потом! «Австрийская Мона Лиза» Густава Климта навсегда распрощалась с Веной. Она навсегда поселилась в Нью-Йорке.

В феврале 2006 года более четырех тысяч австрийцев и гостей Вены пришли в Бельведер, чтобы последний раз увидеть загадочную «Золотую Женщину» кисти великого Климта. Австрия пережила культурный шок.

Невозможно представить Бельведер без австрийской «Моны Лизы». До сих пор репродукция «Золотой Адели» украшает обложку путеводителя по Бельведеру. В полупустом зале Климта висят этюды к великой картине. Они мне показались мрачными и печальными. А трагическая история середины прошлого века витает рядом в полумраке зала… Будто оплакивая потерю прекрасной, сверкающей золотом картины молодой женщины, которая умерла в далеком 1925-м, так и не узнав всех испытаний и потерь грядущих событий.

Так в чем же тайна этой бессмертной картины? И кто виноват в том, что «Австрийская Мона Лиза» уже не живет в своей родной Вене?



Адель Блох-Бауэр (Густав Климт 1907)

Страсти по Адели

Кто Она – эта загадочная «Золотая Адель»?

Дочь генерального директора Венского банковского союза Морица Бауэра. Девочка из аристократической буржуазной семьи. Адель Бауэр в 1899 году, будучи восемнадцатилетней красоткой, вышла замуж за почтенного Фердинанда Блоха и взяла фамилию Блох-Бауэр. Супруги принадлежали к избранному слою крупной еврейской буржуазии периода Fin de siecle (конец века). В салоне Фердинанда и Адели Блох-Бауэр собиралась вся интеллектуальная элита Вены – художники, писатели, политики, как, например – Карл Реннер и Юлиус Тандлер. Среди художников, которые бывали в доме Блох-Бауэров, был и Густав Климт.

С 1899 года у Климта и Адель возникли романтические отношения. Этот страстный, нашумевший роман длился много лет – экзотическая, чувственная красота Адели пленила сердце художника навсегда. Адель Блох-Бауэр четырежды становилась моделью для самых известных картин Густава Климта. В 1901 г. Климт написал картину «**Юдифь I»** (Галерея Бельведер, Вена). Позировала Адель Блох-Бауэр. И хотя этот факт нигде не афишировался, все знали, что Юдифь – это Адель. Художник постоянно рисовал этюды с ее изображением, любуясь ее цветом кожи, загадочной полуулыбкой, томным взглядом прищуренных глаз… – она была его Музой и главной моделью всех его женских портретов. Мария Альтман, племянница и наследница Адели Блох-Бауэр, описывала свою тётку так: «*Страдающая, постоянно страдающая головной болью, курящая, как паровоз, ужасно нежная и непонятная, тёмная… и томная…Одухотворенное лицо, влекущая, самодовольная и элегантная…*» Ну чем не Женщина-Вамп?

Через восемь лет Густав Климт нарисовал картину **«Юдифь II»** – воплощение архетипа роковой женщины в представлении Мастера. Его Юдифь – не библейская героиня (иудейская вдова, спасшая свой родной город от нашествия ассирийцев), а скорее жительница Вены, его современница, о чем свидетельствуют её томный взгляд, модное, дорогое ожерелье на гибкой шее. Согласно публикациям Берты Цукеркандль, Климт создавал тип «женщины-вамп» ещё задолго до того, как олицетворявшие этот тип Грета Гарбо и Марлен Дитрих появились на киноэкране.

С портретов вас «изучает» роскошная Женщина – гордая и свободная, загадочная и чарующая, роковая, испорченная и капризная… Она оценивает себя значительно выше вас… Помните об этом, мужчины!

Картины Климта нельзя рассматривать отдельно от золотых роскошных рам.

Первый вариант рамы к «Юдифи II» был выполнен братом художника, ювелиром Георгом Климтом, случайно. Орнамент на картине был перенесён также и на раму в весьма популярной тогда манере, предложенной «прерафаэлитами». Интересная деталь: все картины раннего Климта рождались на свет под влиянием их будущего обрамления. То есть, сначала брат художника приносил ему раму, а потом уже создавалась картина, которая, как казалось Климту, должна была соответствовать раме. Странный подход, не правда ли?

Картины о Юдифи были созданы под влиянием византийского искусства, которое Климт изучал во время поездки

в Равенну. В раннехристианской базилике Сан-Витале в Равенне (Италия) художник был потрясён византийскими мозаиками VI столетия. Образ Царицы Феодоры, святой византийской императрицы, чьё имя переводится как «божий дар», просто загипнотизировал Густава Климта. Лик на древней равеннской стене – крупные серьги, корона, полустёртое платье, огибающий фигуру туманный нимб… А ещё – большие прозрачные глаза, смотрящие в упор – и мимо тебя. Это потом, в портрете знаменитой Адель мы прочтём загадочный, божественный образ царицы из VI столетия. Задуманный контраст между объёмной пластичностью тонко выписанного и мягко окрашенного лица и двухмерной поверхностью орнамента – отличительная черта картин Климта. Этот художественный приём специалисты назвали «эффектом фотомонтажа», и он усиливает очарование картин Густава Климта. На мой взгляд, художник предвосхитил своё время. Его картины, вышедшие из классики, немного китчевые и манерные, явно тяготеют к современному коммерческому искусству – и любовь к дорогим украшениям, и переизбыток золота, и условность изображения чувств… Но при этом картины Климта волшебны! От его картин невозможно отвести взгляд, они завораживают…

В 1909 году была закончена картина «Юдифь II». На этом полотне сияет красавица Адель во всём своём великолепии. Без сомнения, Климт нашёл в образе Юдифи обобщающий символ правосудия, которое Женщина вершит над мужчиной, искупающим смертью свою вину перед ней.

«Юдифь II» украшает Галерею современного искусства в Венеции. «В картине «Юдифь II», как пишет Жиль Нере, Климт явно скорее писал "смертельный оргазм" роковой женщины, чем портрет добродетельной еврейской дамы». Юдифь Климта вызвала раздражение у еврейской религиозной буржуазии. Климт нарушил религиозные запреты, откровенно показав свою героиню в состоянии чувственного исступления. Комментаторы полагали, что Климт, должно быть, ошибся, утверждая, что эта чувственная женщина с полуприкрытыми глазами и приоткрытыми для любви губами была благочестивой еврейской героиней – Юдифью. Народ был уверен, что Климт перепутал библейские легенды, имея в виду Саломею, роковую, развратную женщину библейских времен, приёмную дочь царя Ирода, которая пленила многих художников и мыслителей – от Гюстава Моро до Оскара Уайльда. И картину «Юдифь II» из самых лучших побуждений галерейщики постоянно называли (ошибочно!) в каталогах и журналах – «Саломеей». Остаётся неизвестным, приписывал ли Климт своей Юдифи черты Саломеи? Возможно, он плохо знал библейские

истории? Но каковы бы ни были его намерения, в результате получилось самое красноречивое изображение утончённой эротики в живописи начала XX века.

Его друг Альфред Басс писал в дневнике: «*Когда я увидел «Саломею» Густава – я понял, что все женщины, которых я знал до сих пор, были ненастоящими. Когда я увидел его «Поцелуй» – понял, что не любил никогда по-настоящему. Когда я увидел эскиз к «Юдифи» – осознал самое страшное, что и не жил я вовсе, а если и жил, то ненастоящей жизнью*».

* * *

В 1907 году Климт представил на всеобщее обозрение свою самую главную картину жизни – «Золотую Адель». На портрете Адель изображена в возрасте 26-и лет. Эта картина известна также как «Австрийская Мона Лиза». Она считается шедевром Густава Климта, одним из самых значительных полотен австрийского югендстиля.

Все особенности, отличающие «золотой период» Климта, в этой картине: сочетание реализма в изображении лица и рук с абстрактными декорациями, плавное перетекание одного в другое и обратно, экзотическая символика, заполняющая одеяние героини и окружающий фон, неуловимо пряная, чувственная атмосфера. Говорят, что свои странные портреты Климт писал с обнажённых моделей, а уже потом закрывал тела плоскими орнаментальными одеждами. Возможно, и так. Отличительная черта картин Густава Климта – недосказанность, тайна, магнетизм и рафинированная, салонная аристократичность. Можно не сомневаться – его картины вечны! А судьба его Прекрасной Дамы, увы, печальна и трагична. Адель Блох-Бауэр умерла молодой и красивой 24 января 1925 года. В завещании она просила своего мужа после его смерти передать два её портрета и четыре пейзажа кисти Густава Климта Австрийской государственной галерее. При оглашении завещания её муж согласился выполнить волю покойной, но обещание нарушил, хотя и не был в этом виноват.

Время потерь

А потом чёрный ангел войны накрыл Европу своим безжалостным крылом. Фашисты творили в Вене беспредел! Уникальная коллекция Блох-Бауэров, включая пять картин

Климта и «Золотую Адель» в их числе, была конфискована фашистской Германией и передана Австрийской галерее. Когда после аншлюса 1938 года Австрия стала частью третьего рейха, еврей Фердинанд Блох-Бауэр бежал сначала в Чехословакию, а потом в Швейцарию. Картины вместе с большей частью его состояния остались в Австрии. В его летней резиденции после аннексии Чехословакии жил Райнхард Гейдрих. Фердинанд Блох-Бауэр умер 13 ноября 1945 года в Цюрихе почти разорённым.

Перед смертью он отменил в своём завещании дарение картин австрийским музеям. И это понятно! Поскольку у семьи Блох-Бауэр не было детей, то своими наследниками Фердинанд Блох-Бауэр назначил детей своего брата – Марию Альтман, Луизу Гутманн и Роберта Бентли. Незадолго до своей смерти он нанял венского адвоката Ринеша для защиты интересов наследников.

В 1946 году Австрия объявила все правовые акты, мотивированные нацистской идеологией, недействительными. Однако, при возвращении хозяевам конфискованных нацистами художественных ценностей, Австрия не была честна до конца. К собственникам применялась тактика добровольно-принудительной передачи ими музеям художественных шедевров в обмен на разрешение вывоза из страны основной части их коллекций. То же произошло и с пятью картинами Климта: они остались в Австрийской галерее – за то, что наследники Блох-Бауэров получили возможность вывезти основную часть своего имущества в США. В 1998 году Австрия приняла Закон о реституции предметов искусства, который обязывал вернуть произведения искусства, разграбленные нацистами, и позволял любому гражданину запросить в музеях информацию о том, каким путём произведения искусства попали в их фонды. В этом же году австрийский журналист, работая в архивах, обнаружил документы, ставившие под сомнение официальную версию появления картин Климта в Австрийской галерее (будто бы они были подарены Фердинандом Блох-Бауэром в 1936 году). Последовала серия статей на эту тему. Единственная из живых наследников Блох-Бауэров (на то время) Мария Альтман (1916–2011), гражданка США, узнав об этой правовой коллизии, обратилась в суд.

В феврале 2006 года знаменитая «Золотая Адель» и ещё четыре картины Климта после затяжного, шумного судебного процесса – «Мария Альтман против Австрийской республики» – по решению международного суда стали личной собственностью гражданки США 79-летней Марии Альтман. А уже 19 июня 2006 года в газетах появилось сообщение о том, что Рональд Лаудер, сын основателей косметической империи «Ester Lauder», приобрёл

«Золотую Адель» за 135 млн долларов. Портрет с тех пор находится в основанной Лаудером Новой галерее в Нью-Йорке.

Поведение непреклонной 79-летней Марии Альтман в Австрии многие осудили: «Одинокая, далеко не бедная, старая женщина… Зачем ей эти доллары? Почему не оставить фамильную коллекцию в Венской национальной галерее? В стране, где она родилась?.. В чём смысл её упорной борьбы за наследство?»

Но будем честны: чувства Марии Альтман – это чувства человека, пережившего изгнание из собственного дома. Такое невозможно забыть! Невозможно простить! И дело совсем не в деньгах, полученных за портрет «Золотой Адели». Мария всегда помнила, что только ранняя смерть избавила ее любимую, родную Адель от «страшного суда» Холокоста; ей самой чудом удалось избежать газовых камер и спастись на чужбине. Она просто боялась тех, кто завтра будет смотреть в глаза её незабываемой, лучезарной Адели, которая так и не узнала ужасов века, в котором жила и умерла.

* * *

Тамплиеры: тайная пружина истории

«Человек видит только то,
что знает и понимает»

(Иоганн Вольфганг фон Гёте).

Сакральное прошлое великолепной имперской Вены – до сих пор «загадка, завёрнутая в тайну». И даже через века к этой тайне за семью печатями невозможно приблизиться, она не раскрыта, не понята и ей нет достоверных объяснений.

Эта тайна – как мифический и влекущий, сияющий в золотых лучах, непостижимый Святой Грааль, который по многочисленным версиям был найден под руинами разрушенного иудейского Храма в Иерусалиме. Восток и Запад – две грани таинственной головоломки мироздания, в истории они пересекались, и не раз.

По христианской легенде Святой Грааль – это та Чаша, из которой Иисус и апостолы пили виноградное вино в роковую ночь на Тайной Вечере. После страшной казни Иисуса его тайный последователь, богатый и знатный член Синедриона, Иосиф Аримафейский, собрал кровь убиенного Иисуса в Святой Грааль,

который стал после этого таинственного ритуала символом жизни и бессмертия. По преданию – каждый, кто сумеет испить из этой Священной Чаши, получает несметные богатства мира и власть, обретая при этом вечную юность и процветание.

История поисков Святого Грааля велась на протяжении всей новой истории – двух тысячелетий, это история поиска власти и бессмертия любыми путями – огнём и мечом, силой и вероломством, хитростью и предательством. Но к чему привели попытки завоевания Святого Грааля??? Никто не ответит… Тайна.

И даже нашумевший бестселлер Дэна Брауна «Код да Винчи» – лишь скромная попытка войти в наглухо закрытую тёмную дверь, где ничего не разобрать в пыльном лабиринте веков. Но есть предположения и версии! Есть красивые легенды, которые приведут вас в загадочную, вечно юную Вену. Если составить гороскоп города Вены, то окажется, что судьбу австрийской столицы определяет созвездие Близнецов. Может быть, это и объясняет её двойственную природу? С одной стороны, Вена – вполне светский и открытый миру столичный город, но с другой стороны – здесь так много мистики, скрытых от посторонних глаз «кодов», посланий, символов, дошедших к нам из глубины веков.

Кровавая улица (Блютенштрассе) (фото автора)

Гуляя по узким улочкам старой Вены, я постоянно чувствовала непонятную, тревожную, будто предупреждающую о чём-то энергетику – от каждого дома, от каждой плотно закрытой на старинный засов двери, от гулких шагов по брусчатке случайных и немногочисленных туристов. А в летний июльский полдень в разлитом мареве горячего воздуха медленно проступали миражи далёких событий, которым суждено было произойти именно здесь – на этой улице, похожей на тёмный

коридор, где дома почти сжимают тебя, где мало света и всегда душно, где безлюдно и пусто. Поверьте, это такой адреналин – изучать историю по улицам городов…, по следам живой памяти.

Улица называется странно и пугающе – **Кровавая улица (Блютенштрассе).** Это один из самых старых районов Вены – Блутгассе. Точное происхождение этого названия неизвестно. Существует легенда, что именно в этом месте, на этой узкой венской улочке в 1314 году, когда орден тамплиеров подвергся жестоким гонениям по всей Европе, произошла страшная, кровавая бойня. Тамплиеров Вены, которые ревностно охраняли рубежи города, городские власти пригласили на тайные переговоры. Дом, где была назначена встреча, находится как раз в глубине этой глухой, мрачной улочки. На встречу явились все рыцари города. Неожиданно улицу заблокировали люди в чёрном. А потом… Ошеломленных предательством тамплиеров просто вырезали с особой жестокостью. Десятки рыцарей полегли в ручьях собственной крови, немногим удалось скрыться. Пытками из рыцарей вырывали признания в чудовищных преступлениях – ересь, служение сатане, спиритизм и на основании этих показаний на Венском Соборе в этом же 1314-м году орден был распущен.

Огромные богатства ордена тамплиеров перешли в руки богатейших европейских особ, потомки которых живут и сегодня среди нас, но на другой «планете» – планете избранных. И вовсе не с приходом капитализма в Европе произошло формирование богатейших семейных кланов, которые владеют почти единолично золотым запасом цивилизации, всё начиналось значительно раньше. История человечества – это всегда история войн – за власть, богатство, влияние. И когда говорят: «Старые деньги…» – подумайте, сколько в этих словах кровавого смысла, памяти и жестокости… Сколько мистики и терзаний. Роскошная, пафосная и утончённая Вена знает правду своего совершенства, но об этом не принято говорить вслух. Промолчим и мы.

А тамплиеры не исчезли. Их история, полная волнующих тайн, существует до сих пор. По преданиям, Шотландия стала одной из стран, которая предоставила им убежище. Многие рыцари ордена влились в ряды других военно-монашеских орденов, среди них Мальтийский орден, орден храма Соломона, орден рыцарей Христа (Португалия). Так, рыцарем ордена Христа были Васко да Гама и принц Энрике Мореплаватель. Принц способствовал развитию кораблестроения в Португалии, он снаряжал корабли на исследование новых земель, и плавали они под флагами тамплиеров. Символы тамплиеров были на кораблях

Колумба, когда он пересекал Атлантику. Ходят слухи, что выжившие рыцари возродили орден в виде тайного общества, что они принимают судьбоносные решения, их офисы и представительства можно найти во многих столицах мира… Но никто не знаком с доказательной базой подобных утверждений. Опять – тайна «за семью печатями».

Кто же они такие, эти загадочные рыцари – тамплиеры, из-за которых столько споров? Орден тамплиеров был создан в 1118 году небольшой группой рыцарей из Европы с целью защиты паломников на пути к Храму Гроба Господня на Святой Земле. Первоначально орден именовался «Нищенствующие рыцари Христа», но вскоре его стали называть «Тайное рыцарство Христово и храма Соломона» или «Рыцари Храма», поскольку первая резиденция ордена находилась в Иерусалиме в западном крыле дворца Ирода, воздвигнутого на том самом месте, где некогда стоял знаменитый храм Соломона. Кроме понятной и благородной миссии – защиты паломников, у тамплиеров была ещё одна – тайная, сакральная миссия, которую до сих пор никто до конца не расшифровал. Тамплиеры верили в христианское предание о могущественной силе древних реликвий, которые даруют своим обладателям Божественную Власть, Бессмертие и мировое Господство. Этими реликвиями были Священный Грааль и Копье Лонгина. И если о священном Граале какая-то информация существовала, то о таинственном артефакте – копье римского солдата – было почти ничего неизвестно, кроме того, что сотник по имени Лонгин, проткнул подреберье умирающего Иисуса Христа на Голгофе и вытекшую оттуда кровь собрали в Священный Грааль. Интересно, что вся последующая история человечества – войны, падения империй, разорения, коварные убийства, чёрные наветы – каким-то непонятным образом связана с поисками этих реликвий-миражей, которые никто из наших современников никогда не видел и которыми не обладал. Каждый вступавший в орден должен был дать три обета: послушания, целомудрия и бедности. Орден за свои деяния получал огромные земельные и денежные пожертвования и вскоре разбогател, превратился во влиятельную политическую силу. Тамплиеры, используя свои накопления и широчайшие связи, стали крупнейшими банкирами Европы. Особенно велико было влияние тамплиеров в Испании, Франции и Англии. Финансовая деятельность и сказочные богатства ордена вызывали зависть и вражду сильных мира сего, особенно у французского короля Филиппа IV – Красивого, который опасался усиления влияния тамплиеров. Он испытывал постоянную нехватку денег (был крупным должником ордена), жаждал прибрать к рукам

имущество тамплиеров, а орден уничтожить. Ну чем не рейдерский захват сегодняшнего дня?

В 1307 году по лживому доносу тамплиерам было предъявлено обвинение в ереси, в колдовстве и алхимии, владении оккультными знаниями и использовании их на практике. А ещё Филипп IV обвинил тамплиеров в тайной связи с евреями, не простив им их давнее присутствие в Иерусалиме. Папа Климент V и король Филипп IV инициировали против тамплиеров инквизиционный процесс. В Париже были сожжены великий магистр ордена Жак де Моле и его сподвижники. Преследования и суды продолжались до 1314 года. Казнь рыцарей-тамплиеров, одного из самых таинственных братств в истории, в XIV столетии всколыхнула всю Европу. Франция стала могилой этого ордена. История Вены в те времена была тесно связана с историей Франции. Резня тамплиеров в Вене стала последним отголоском кровавого уничтожения ордена и началом нового передела мирового запаса богатств, привезенных с Востока ещё со времён Великой Римской Империи.

Историки полагают, что создание мощной военизированной структуры, имеющей в своем распоряжении огромные денежные средства, имело далеко идущие планы. Вероятнее всего, целью тамплиеров было создание единой Европы с единым правительством и экономикой. И не удивляйся, дорогой читатель, всё уже было (!!!) в истории человечества. В основе единой европейской экономики тамплиеры предполагали поставить кредитно-денежную систему, аналогичную той, которая действовала в ордене. Есть косвенные доказательства, что во главе единой политической власти в Европе тамплиеры планировали поставить Меровингов – прямых потомков Христа. Всё не так просто. Историю пишут люди, они же её и переписывают. Так, может, стоит оглянуться?

В 2003 году Дэн Браун написал бестселлер «Код да Винчи». Самое интересное заключается в том, что Дэн Браун почти не соврал – тот факт, что у Христа были жена – Мария Магдалина – и дети, которые после его распятия осели в Европе и стали родоначальниками королевской династии Меровингов, почти никем не отрицается, даже Церковью. Вот только тайна, раскрытая в романе «Код да Винчи» никакой тайной на самом деле НЕ является. Святая кровь попала в Европу вопреки всем препятствиям и козням «тёмных сил», чтобы влиять на код дальнейших событий развития нашей цивилизации.

В Иерусалиме память о тамплиерах хранит старое ухоженное немецкое кладбище на тихой улице Эмек Рефаим, что переводится романтично и жутко – «Долина призраков». По

преданию немцы-тамплиеры вернулись на Святую Землю в 1878 году, чтобы восстановить Первый Иерусалимский Храм («храм» по-немецки Tempel, отсюда и название ордена) и приблизить приход Мессии. Они ещё верили, что найдут Священный Грааль… и мёртвые воскреснут и встанут рядом с живыми. Их на Святой Земле стали называть "темплерами" и они уже были скорее сектой, чем рыцарским орденом, ввиду немногочисленности и духовной трансформации.

В начале Второй мировой войны, как граждане вражеского государства, почти все иерусалимские темплеры были интернированы англичанами (Британский Мандат). Но из-за бюрократии отъезд растянулся на годы. Большинство иерусалимских темплеров в 50-х годах прошлого века уехало в Австралию, небольшая часть – в Германию. Одиннадцати престарелым и немощным было разрешено остаться на попечении сестёр приюта Св. Чарльза. На этом завершилась история пребывания тамплиеров на Святой земле.

Много лет назад я жила на этой улице, ежедневно проходила мимо старого высокого каменного забора. Зелёная калитка входа всегда была закрыта, висел огромный замок. Только однажды через приоткрытую калитку я увидела одинаковые белые обелиски – пустынный, чужой мир… У входа стоял пожилой господин в чёрном костюме (иерусалимское лето!), наверное, смотритель. Внутри стояла группа людей в чёрном – женщины в шляпах с вуалью, цветы, траурный венок… В них было что-то нездешнее, торжественное… Почему-то я ускорила шаг и быстро прошла мимо.

«История среди нас…» – подумала я. Надо ещё привыкнуть к этой истине.

* * *

В Иерусалиме, у подножия Масличной (Елеонской) горы в Гефсимании, чуть выше Гробницы Божией Матери, в райском уголке, где всё утопает в нежной, изумрудной зелени, где всегда царят покой и умиротворение, расположен Храм Святой Марии Магдалины. Впервые оказавшись здесь много лет назад, я удивилась тому, что Храм возведён в честь раскаявшейся грешницы. Но войдя в эту волнующую сакральную тему, я поняла– насколько сложен, мучителен и трагичен был путь той, которую так незабвенно и преданно любил Христос. О том, что святая Мария Магдалина была грешницей, в Новом Завете нет ни единого слова! Как же могло случиться, что имя самой преданной

Ему женщины на Земле было осквернено дурной молвой и унижено злыми наветами? И почему зло так одержимо в своём могуществе? Через века… Неужели нет высшей Правды на Земле? И кто ответит? И ответа нет.

Но вернемся к тамплиерам.

Рыцари ордена поставили перед собой невыполнимую сверхзадачу, с которой даже сейчас, в современном мире, не может никто справиться. В те далёкие времена раздробленная, противоречивая Европа ещё не была готова к радикальным преобразованиям. Ход истории невозможно опередить, это историческая данность, неподвластная простым смертным. На всё – своё время.

Когда магистр ордена тамплиеров Жак де Моле восходил на костёр, он призвал на Суд Божий короля Франции Филиппа IV, папу Климента V и ближайшего советника монарха – де Ногаре. Магистр проклял их и их потомство: «*Папа Климент! Рыцарь Гийом де Ногарэ! Король Филипп! Не пройдёт и года, как я призову вас на Суд Божий и воздастся вам справедливая кара! Проклятие!!! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!!!*»

Через две недели внезапно от болезни скончался папа Климент V. Почти в то же время смерть настигла и соратника французского короля де Ногаре. И Филипп Красивый недолго прожил – в ноябре того же года, когда он совершил разгром ордена, он внезапно скончался от инсульта. Судьбу отца разделили и три сына Филиппа – в народе их называли «проклятыми королями». На протяжении 14 лет они поочерёдно погибали при очень загадочных обстоятельствах, не оставив после себя потомство. Смерть последнего из них – Карла VI – прервала правление династии Капетингов.

Но и новая французская династия Валуа, вступившая на французский трон, столкнулась с неслыханными бедствиями. В 1337 году началась известная Столетняя война. За время войны один из Валуа – Иоанн Добрый – скончался в плену у англичан, другой – Карл V – потерял рассудок. Трагическая судьба постигла всех представителей династии Валуа: убит на турнире Генрих II (1547–1559), в результате врачебной ошибки умер Франциск II (1559–1560), был отравлен Карл IX (1560–1574), погиб от руки фанатика Генрих III (1574–1589). Не удалось избегнуть проклятия Жака де Моле и династии Бурбонов, сменивших на троне Валуа: первый из Бурбонов – Генрих IV – погиб от ножа убийцы, а последний – Людовик XVI – закончил жизнь на эшафоте. Перед казнью король был заточён в Тампльской башне, считавшейся ранее твердыней ордена тамплиеров. Очевидцы казни утверждали, что сразу после казни короля какой-то человек из

толпы крикнул: «Жак де Моле, ты отмщён!!!»

Ну как после этого не верить в мистику?

Но оставим всё, как есть. На Кровавой улице Вены (Блютенштрассе), в тишине летнего июльского дня 2015 года. И представьте – пугающая тишина, безлюдно, холодно в жару и неуютно… Улица, похожая на западню, уже ничего никому НЕ расскажет.

* * *

Венский Чёрный квадрат

Когда я гуляла по лабиринту старой Вены, то меня не покидала мысль о строгой закономерности событий, которых могло не быть. Но которые состоялись, жестоко перетасовав судьбы людей, которым довелось попасть именно в это «нехорошее» место, в этот неподходящий час, под этой несчастливой звездой.

Конечно, всё можно объяснить случаем, но случайностей не бывает! И про Аннушку, которая уже пролила масло…, вы хорошо знаете.

Итак, мы пройдём по древней Вене, по Времени, по судьбам тех, кто здесь жил когда-то. Под музыку Моцарта… Под звуки «Волшебной Флейты»… Под органную музыку древнего Собора Святого Стефана…

Печально известная Кровавая улица – Блютенштрассе приводит нас прямо к дому-музею Вольфганга Амадея Моцарта. Это буквально в нескольких шагах от Собора Святого Стефана. Соседство с Собором Святого Стефана очень символично – именно здесь Моцарт венчался со своей женой Констанцией. Ему было 26 лет, а ей 19. Здесь же, через 9 лет у капеллы Святого креста, прилегающей к Собору, Моцарта отпевали.

Этот дом-музей называют в Вене любовно «Домом Фигаро» по имени одной из лучших опер Моцарта «Женитьба Фигаро», которая была написана именно здесь. Этот просторный, светлый, добротный дом состоит из четырёх этажей, сохранились лепные потолки, фрески. Мебель почти не сохранилась.

Сохранились только детская комната, вся из мрамора, детская кроватка, игровая комната со столиком для карт на втором этаже. Идея устроителей музея – никаких подделок! Самые главные экспонаты – картины, посмертная маска из бронзы, письма, документы, ноты, партитура одной из частей «Реквиема», написанная собственноручно рукой гения.

Голографические экспозиции сцен его знаменитых опер и много, очень много волшебной музыки…, которая просто заполняет всё пространство.

Вольфганг Амадей Моцарт

Неужели стены могут сохранять ауру людей так много лет, даже после физической смерти? Но это так. Я чувствовала в этом доме присутствие тех, кто здесь жил. Долго не могла отойти от окна, высокого, светлого… Ведь из этого окна так же, как я сейчас, смотрел Моцарт на узкую, безлюдную улицу… – более двухсот лет назад (!) и ничего не изменилось. У времени другой отсчёт.

Здесь великий композитор жил с женой Констанцией и сыном Карлом Томасом всего несколько лет, с 1784 по 1787 год, и здесь он был по-настоящему счастлив. В доме на Domgasse, 5

композитор жил в период своего расцвета и финансового благополучия. У него впервые в жизни был Свой дом, а не съёмные квартиры – два кабинета, четыре жилых комнаты, кухня и даже бильярдная. К сожалению, великий Моцарт в обычной жизни был не очень удачлив и практичен. По натуре он был игрок, безумно азартен и бесшабашен. Случалось – он проигрывал огромные суммы и даже при очень высоких гонорарах и признании частенько бывал «на мели». Он любил красивую жизнь, ему всегда нужны были деньги и он работал, не жалея себя. «*Я садился за мой письменный стол и оставался за ним двенадцать часов. Справа от меня была бутылка токайского, в центре чернильница, а слева портсигар с севильским табаком…*», – писал Моцарт в своем дневнике. Много драгоценного времени Моцарт тратил на уроки музыки, которые давали ему дополнительный заработок. Часто он за деньги писал на заказ музыку для богатых людей, подавляя свой талант и вдохновение. Даже знаменитый «Реквием» он писал для неизвестного вельможи, который хотел посвятить музыку к траурной дате – смерти своей возлюбленной от своего имени. «Реквием» – последнее, незавершённое произведение композитора, которое он писал уже в агонии. По преданию, знаменитый Сальери у постели умирающего Моцарта дописывал это произведение, благородно не претендуя на соавторство. Но ноты его части произведения удивительным образом были утеряны.

Вид из окна Дома Моцарта на Кровавую улицу (фото автора)

Печаль и горе всю жизнь преследовали Моцарта. Из шестерых детей, родившихся в семье, выжило только двое; Констанция часто болела, сам Моцарт был анемичным и слабым. Но… Сочинял весёлую, солнечную музыку, будто сопротивляясь реальности. Вся жизнь Моцарта заключалась в неравной борьбе с болезнями, долгами, конкурентами, завистниками, кредиторами. И битву эту он проиграл. Моцарт умер в возрасте 35 лет внезапно, от неизвестной болезни.

Существует много версий и предположений по поводу его смерти. Постоянное перенапряжение?.. Сифилис?.. Лечение ртутью?.. Безумство?.. Отравлен Сальери?.. Никто в мире не относится серьёзно к легенде, придуманной Пушкиным. Но для уважаемого придворного капельмейстера Антонио Сальери миф о его причастности к смерти Моцарта стал Проклятием. А истинная причина смерти гения так и осталась тайной, которую уже не разгадать.

Он умер нищим – и в это трудно поверить. Остался должен значительные суммы денег всем своим друзьям, даже своему портному. Когда Моцарт умер, с Констанцией от отчаяния случилась страшная истерика. Из-за сильного ливня Констанция не смогла поехать на кладбище, куда повезли гроб с телом Моцарта. Прошло ещё 17 лет, прежде чем Констанция узнала о том, что тщательно от неё скрывали – Моцарта похоронили в бесплатной общей могиле для нищих и бездомных, в чужом костюме, без почестей, траурных венков и цветов. Констанция пережила мужа на 50 лет. В своей книге воспоминаний она писала, что никогда не жаловалась на трудную жизнь и почти постоянное отсутствие денег.

С особой нежностью и любовью она вспоминала эпизод: однажды к ним пришёл гость, который увидел, что муж и жена танцуют, тесно прижавшись друг к другу. Не думайте, что это была только страсть… Они держали друг друга в объятиях, чтобы согреться. В тот день у них не было денег, чтобы купить хоть немного дров.

Но в их жизни были – любовь, молодость, музыка, веселье, смех, друзья, гости… – они торопились жить! Существуют легенды, что у Моцарта было множество внебрачных связей. Но остались его письма к жене – трогательные, сентиментальные, в которых он признаётся в любви своей единственной навеки Констанции. Нет, он никогда не был Дон Жуаном, как герой его знаменитой оперы.

Казалось, что это всё – только прелюдия их будущего счастья.

Смерть Вольфганга Амадея Моцарта не просто перечеркнула жизнь совсем ещё молодого человека, но и прервала звучание

Волшебной Флейты Гения.

* * *

Во многих религиозных традициях запрещено строить дома в непосредственной близости от кладбища.

Дом Моцарта на Domgasse, 5 расположен совсем рядом с Собором Святого Стефана, который стоит на древних катакомбах, где похоронены 11 тысяч человек. Целый город! Рядом с домом – Кровавая улица Блютенштрассе, которая, наверное, ещё помнит ручьи крови зверски убитых тамплиеров….

По мрачному совпадению «дьявол» средневековья – графиня Эржебет Батори (Bathory) тоже жила в доме на Блютенштрассе. Она заманивала к себе и убивала молодых девушек. Эржебет Батори верила, что уходящую красоту можно вернуть, купаясь в крови невинных девственниц. Свидетели вспоминали о знатной даме, которая приезжала в элегантном мужском костюме и неизменно участвовала в пытках и убийствах, после чего удалялась к себе в спальню. Видели здесь и мрачного господина в капюшоне, скрывающего своё лицо. Слуги шептались, что это воскресший Влад Дракул, когда-то творивший свои чёрные дела в соседней Валахии. Не укрылось от глаз и засилье в доме чёрных котов; и начертанные на стенах таинственные, магические знаки… Прошло много лет, прежде чем графиню обвинили в связи с дьяволом.

Возможно, энергетика таких мест не приносит здоровья и счастья. Покой мёртвых не должен пересекаться с энергетикой живых.

Чёрный ангел смерти увёл Вольфганга Амадея Моцарта в царство теней так непростительно рано.

* * *

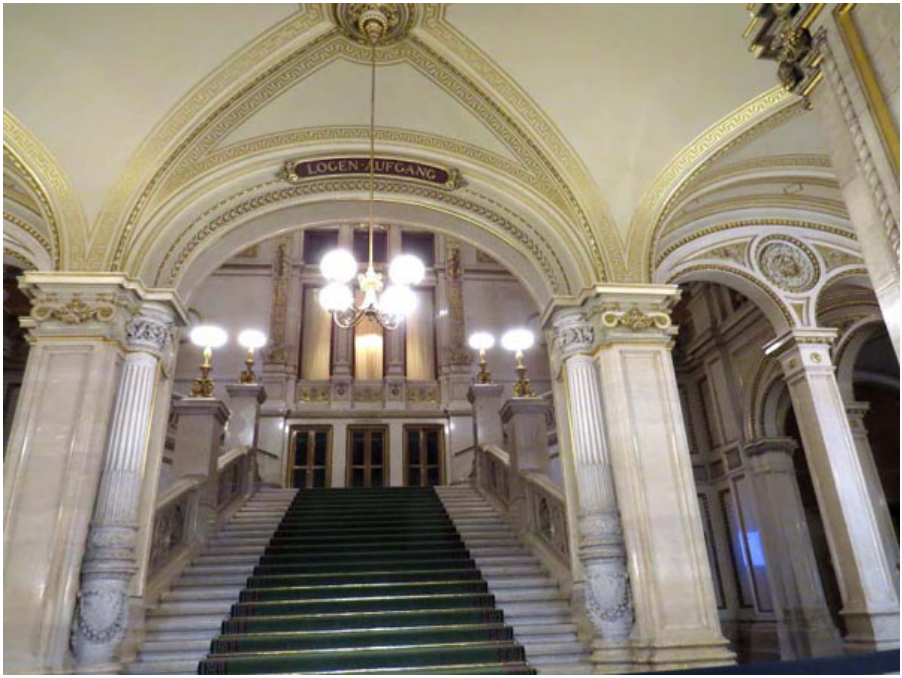
Призрак оперы

Самая драгоценная жемчужина в моем «Венском ожерелье» – Венская Опера.

Главная достопримечательность Вены. Один из красивейших оперных театров мира. И ещё одна уникальная история, полная мистики и окутанная тайной.

Итак, мы выходим из Дома Моцарта, проходим мимо Собора Святого Стефана и Чумной колонны… и через несколько минут

оказываемся в другом Времени, другой эпохе.



Венская Опера (фото автора)

Перед нами красивейшее здание Венской Оперы на Рингштрассе, полное гармонии и строгого изыска. Музыкальная симфония в камне. Вот в таком же, наверное, стиле выглядел великолепный Храм в Иерусалиме, так же надменно и гордо сверкали храмы царей в Древней Греции и Египте.

В конце XIX века Вена уже была роскошной столицей, быстро развивающимся культурным центром. Каждый новый дом, новый особняк становился архитектурным памятником эпохи. Это был город музыкантов, композиторов, поэтов и философов. Жители города боготворили музыку. Начало популярности оперы, как музыкального жанра, в Вене пришлось на середину XVIII века. Тогда в австрийской столице был основан собственный театр, который носил название: «Венская придворная опера». В 1863 году было принято решение построить для оперы новое здание, которое будет одним из лучших оперных театров в мире. Здание Оперы должно было служить, как надёжный поставщик духовной пищи королевскому двору Австрии.

Проектирование и строительство было поручено двум известнейшим австрийским архитекторам – Эдуарду ван дер Нюллю, профессору Венской академии художеств, и Августу Сикарду фон Сикардсбургу. Строительство длилось долгих 8 лет

(1861–1869). Архитекторами была изучена вся мировая практика строительства монументальных зданий театров. По их замыслу новая Опера должна была быть самой красивой, самой передовой и грандиозной, должна затмить Парижскую Оперу и все Лондонские театры. В новой Опере должна была быть абсолютно совершенная акустика, выверенная по всем правилам и законам физики. Создатели оперного храма 8 лет жили этим проектом, работая неустанно дни и ночи. Своё творение архитекторы задумали в стиле неоренессанса с элементами эклектики. Формы и стили здания в эклектике привязаны к его функции. А так как для оперных певцов главным является звучание их голоса и сохранение его природной красоты и силы, главенствующим решением проекта оперного театра стало решение идеальной акустики. Все остальные элементы здания, как бы поддерживали главный функциональный диктат – создание храма идеальных звуков. И это случилось!!!

До сих пор акустика Венской Оперы поражает воображение. Все мировые знаменитости стремятся петь на сцене Венской Оперы. Ежегодно здесь проходит около 60 различных спектаклей оперы и балета. По количеству спектаклей Венская опера прочно занимает первое место в мире. Среди директоров Венской Оперы было много выдающихся музыкантов – Густав Малер (1897–1907), Рихард Штраус (1919–1924), Герберт фон Караян (1956–1964) и Клаудио Аббадо (1986–1991).

Но вернемся в старую Вену конца XIX века. Здание новой Оперы было построено в 1869 году и торжественно открыто 25 мая оперой Вольфганга Амадея Моцарта «Дон Жуан». На открытии присутствовал император Франц Иосиф I и вся элита Австрии и Европы. Прекрасный, роскошный дизайн Оперы, увы, не был оценён по достоинству. Иногда такое случается. Чтобы оценить что-то выдающееся, нужно подняться над бездушной застывшей рутиной, уметь увидеть – это всегда талант!

Император Франц Иосиф I, увы, не понял торжество и совершенство пропорций… Не смог сразу рассмотреть вкус, строгость, изысканность. Хмуро посмотрев на здание, император процедил своей свите: «Крыша похожа на мыльницу! Нет, нет… Не то!!!»

Венская общественность вслед за своим императором подвергла здание театра жёсткой критике. Здание называли приземистым – из-за подъёма уровня улицы на один метр визуально немного терялась высота. Сравнивали здание с тонущим ящиком… По Вене поползли слухи… – «Опера не удалась!!!»

О волшебной акустике оперы никто и не вспомнил!

Архитектор Ван дер Нюлль, не выдержав травли и критики императора, повесился до официального открытия театра. Его коллега Сикардсбург умер спустя 10 недель от сердечного приступа.

Самоубийство архитектора шокировало императора и заставило его впоследствии быть осторожнее в оценках произведений искусства. Ван дер Нюлль был похоронен с почестями на Центральном кладбище Вены. Его имя носит один из переулков австрийской столицы.

Венская Опера – лучшая акустика в мире.

Наверное, нам трудно понять страсти той далёкой эпохи. Но восхитимся чувством достоинства и чести этих необыкновенных людей, которые внесли свой бессмертный вклад в нашу цивилизацию. По воспоминаниям современников, император Франц Иосиф I очень каялся в произнесённых вслух словах… Ведь слова иногда убивают.

Опять мистика. Непосредственная близость зловещего смертного места (собор Святого Штефана) стала магическим «чёрным квадратом», поглотившим двух великих зодчих австрийской столицы. Эдуард ван дер Нюлль и Август Сикард фон Сикардсбург ушли из жизни в расцвете своих творческих сил и таланта – трагично, необъяснимо случайно.

Судьба Венской Оперы оказалась непростой и трагичной.

Кровавая синусоида Второй мировой прошлась по Вене сначала тяжёлыми, унизительными годами оккупации, а «под занавес» в 1945 году Оперный театр окончательно стёрли с лица земли в ходе ковровой бомбардировки. После войны правительство Австрии сочло своим долгом восстановить знаменитое здание, и в 1955 году работы были закончены.

Второе рождение Венской оперы состоялось 5 ноября 1955 года, первым спектаклем на сцене театра стал «Фиделио» великого Бетховена.

Венский бал

Один раз в год в Венской Опере демонтируются все сидения зрительного зала и зал превращается в сказочный танцпол. Знаменитый **Венский Оперный бал** принимает гостей – 200 пар дебютантов приходят в Венскую Оперу, чтобы окунуться в мир бальных танцев прошлых столетий и почувствовать особую атмосферу этого культурного события. Ещё со времён первых балов XIX века дебютантами называют девушек и юношей, которые первый раз в жизни участвуют в большом светском событии. Вспомните первый бал Наташи Ростовой… Как хорошо, что эта тоненькая нить времён не прервана, не нарушена… А наши современные девочки и мальчики также прекрасны!

Первый Венский Оперный бал состоялся 11 декабря 1877 года. На этом балу Эдуард Штраус, младший брат известного маэстро, управлял оркестром. Отличительной особенностью Венского Оперного бала стало то, что лица дам обязательно должны были быть прикрыты масками, и выбор пары был за дамой. Эта «таинственная игра» создала дополнительную интригу и сделала Оперный бал самым популярным событием в Вене.

Венский Оперный бал проводится ежегодно в четверг, предшествующий «**пепельной**» среде (*день начала Великого поста в латинском обряде католической церкви*). Оперный бал приравнивается к государственному приёму, и обычно на нём присутствует президент Австрии. Венские балы занесены ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия цивилизации. Существует специальный протокол проведения Венского Оперного бала. Оперный бал открывает грандиозный полонез, в котором участвуют специально отобранные пары. После полонеза дебютанты танцуют весёлую польку и заканчивают свое выступление венским вальсом. Девушки, открывающие бал, должны быть в длинных белых платьях, с букетиком цветов. Они должны обязательно украсить голову

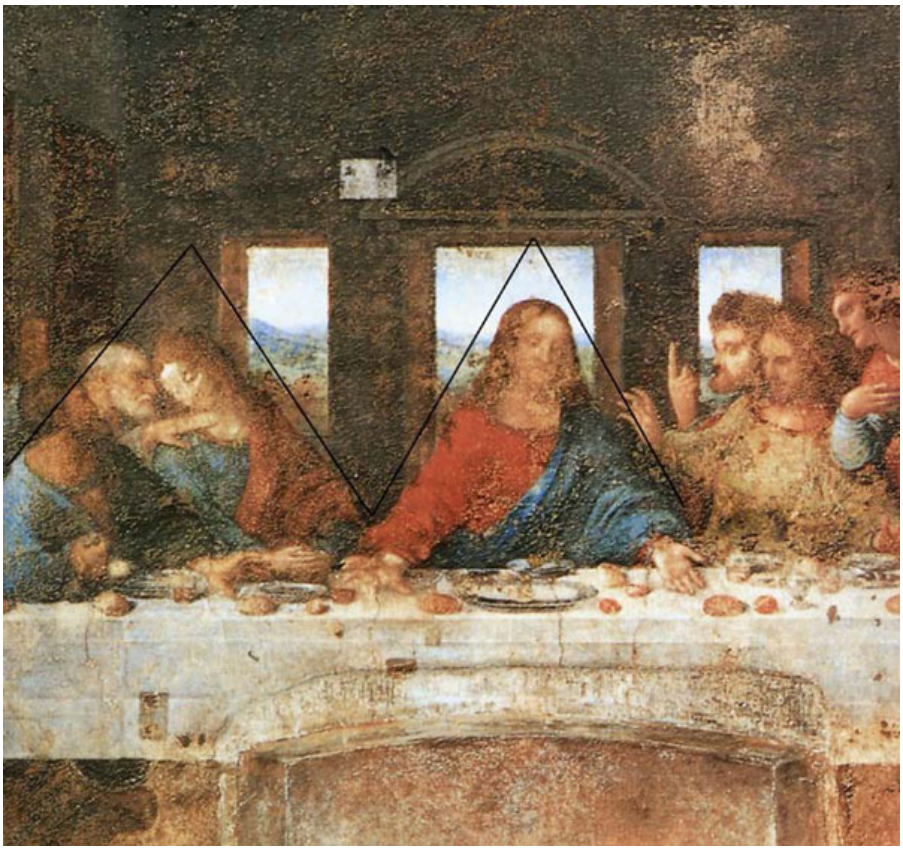
короной, модели которой меняются каждый год. Кавалеры должны быть одеты во фраки или мундиры, иногда допускается смокинг. Венский Оперный бал посещают до пяти тысяч гостей. После танца дебютантов танцуют все. На балу звучат самые популярные мелодии времён монархии, вальсы Штрауса и Легара, музыка венских классиков – Моцарта, Бетховена, Гайдна. Главным критерием отбора участников является умение танцевать. На балу соблюдается строгий дресс-код для гостей: для дам – вечернее платье в пол, для господ – фрак, смокинг или парадная военная форма. Входной билет на это грандиозное событие стоит **около трёх тысяч евро**, но вспомним бессмертную сказку о хрустальном башмачке… Венский Бал стоит этого!!!

И как хорошо, что традиции сохраняются. До революции в старой Вильне (Вильнюс) проводились весной благотворительные балы, к которым гимназистки старших классов готовились задолго – шили бальные платья, разучивали па новых бальных танцев. Это было важное городское событие! Бал даже имел название – «Бело-голубой бант». Одной из таких дебютанток-гимназисток была моя бабушка. Через всю жизнь она пронесла память об этом самом красивом празднике её юности.

Венские балы стали красивой традицией не только в самой Австрии, но и далеко за её пределами. В таких городах, как Нью-Йорк, Токио, Бангкок, Рим, Москва, Прага балы проходят ежегодно. Это всегда Ночь восхищения – музыки, красоты, элегантных нарядов и прекрасных танцев[1].

(Вена – Иерусалим, 2015)

Послание из 15-го века: Тайны Великого Леонардо



«Тайная Вечеря» Леонардо да Винчи (фрагмент)

Мы прилетели в Верону ранним утром. Впереди путешествие по Северной Италии – озеро Комо и озеро Гарда, в дымке прозрачные Альпы, первозданная зелень виноградных лоз… Красиво!!! Совсем рядом Милан. А это значит, что наш маршрут начнем с самого главного раритета – с посещения доминиканского монастыря «Санта-Мария-делле-Грацие» в Милане, где увидим (вживую!!!) настенную фреску «Тайной Вечери» Великого Леонардо да Винчи.

* * *

Всё в истории завязано в жесткий и запутанный,

неправдоподобный узел – попробуй, развяжи. Тамплиеры и «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи… Казалось бы, очень мало точек пересечения. Но только на поверхностный взгляд. Не торопитесь! На самом деле, Великий Леонардо своей бессмертной фреской подтверждает реальность философской Идеи, создавшей самое тайное в мире Братство Ордена Тамплиеров. Итак, наше путешествие во Времени продолжается.

* * *

Леонардо да Винчи – самая загадочная и неизученная личность нашей цивилизации. Его считали пророком и прорицателем, посланником других миров, творцом и волшебником. Кто-то приписывает ему божий дар и причисляет к лику святых, кто-то, напротив, считает его безбожником, продавшим душу дьяволу. Но гений великого итальянца неоспорим! В его картинах до сих пор находят скрытые мистические послания в будущее и тайные, неразгаданные коды. Самое культовое послание великого Леонардо – настенная фреска в доминиканском монастыре в Милане – «Тайная вечеря». Волнующая Тайна из 15-го века (1495–1498), изображающая сцену последней трапезы Христа со своими учениками накануне страшного предательства и трагедии на Голгофе.

В Иерусалиме с тех времён сохранился лишь тёмный, мрачный зал с неровными шершавыми стенами, где Учитель впервые признался, что вскоре будет предан одним из самых близких, верных, надёжных своих учеников.

Мы войдем в Старый город, пересечем узкий Армянский квартал, похожий на коридор тюремных казематов; слева от нас останется старая Армянская церковь, затаившаяся в глубине каменного дворика с разросшимися тысячелетними оливами, пройдём не задерживаясь по скользкой брусчатке до поворота, войдём в выветренную столетиями каменную арку и откроем тяжелую, массивную дверь в Мистический Портал. Окажемся в звенящей тишине Зала и станем свидетелями самого сакрального действа на Земле. Его изображали столько раз на своих полотнах самые выдающиеся мастера живописи и иконографии. Но так до конца не постигнув всю важность и глубину случившегося, нарекли эту неразгаданную ночь последней Трапезы Христа, как – «Тайная Вечеря».

Эта ночь великого озарения стала Началом новой эры человечества. Впервые Добро и Зло, Гениальность и Злодейство, Логика и Абсурд, Грех и Добродетель навечно переплелись в

нашем сознании, морали, поступках отдельных людей и народов, в восприятии и оценках на всю последующую страницу Новой истории.

В этом зале во времена «Тайной Вечери» была Центральная синагога и раз в год на Праздник Избавления от египетского рабства (Песах) Иисус приходил пешком из далёкой Нижней Галилеи, из города Назарета в Йерушалаим (сейчас это 3 часа езды по скоростной трассе), чтобы свершить молитвенный обряд в первую ночь Праздника. Этот обряд ночных молитв, который у иудеев всего мира называется Первый Седер («Пасхальный порядок»): с обязательным красным сладким вином (4 бокала) и торжественной трапезой, проводят в кругу самых близких – у Него их было 12.

Я не буду пересказывать известный библейский сюжет. Но находясь в этом Зале, сыром и неживом, вы остро почувствуете, как вас начнет затягивать параллельный мир фантомов тех далеких страстей и событий, которые унесли с собой в небытие великую Тайну.

* * *

Как утверждают историки, Леонардо да Винчи очень серьезно реконструировал эту «тайную трапезу». Он специально изобразил на картине точно такие же стол и посуду, какие были во времена Христа в зале иерусалимской Трапезной. Этим художник попытался показать, что Иисус и Иуда (добро и зло) гораздо ближе к людям, чем кажется. Они – среди нас.

На этой гениальной фреске по замыслу Леонардо: «Всё будет, как Тогда…». Еще может ничего не случиться, не произойти, еще может вся история проиграть абсолютно другой сценарий, но… Случилось!!! И история прочла свой приговор.

Высшей Целью художника было отображение знаменитого ужина с чисто человеческой точки зрения. Именно поэтому художник изобразил всех присутствующих на картине в ряд и никому не пририсовал божественного нимба над головой. Каждый из апостолов иллюстрирует свой индивидуальный характер и свой тайный поведенческий смысл, который потом будут расшифровывать столетиями.

Своих натурщиков Леонардо находил в толпе простых людей на улицах и площадях Милана. Но самой сложной, сакральной и почти невыполнимой задачей был подбор моделей – Христа и Иуды. По замыслу художника они должны были стать воплощением мирового Добра и Зла.

Однажды Великий Леонардо увидел в церковном хоре юного певчего – настолько одухотворенного и чистого, что сомнений не осталось: вот он – прототип Иисуса для его «Тайной вечери»! И не ошибся.

Последним ненаписанным персонажем на картине оставался Иуда. Художник часами бродил по самым злачным и порочным местам, выискивая среди опустившихся людей модель для написания Иуды. Но поиск был тщетен. Поиск натурщика длился три долгих года. И вот, однажды художник встретил бездомного, в состоянии сильного алкогольного опьянения. Сомнения не было: это был он – Иуда! Подлый, низкий, мерзкий и отвратительный. Когда образ Иуды был написан, пьяница подошел к картине, долго вглядывался и плакал, плакал навзрыд… Он признался, что уже видел эту картину. Художник был ошеломлен! Не может быть! На его недоумение бродяга ответил, что три года назад он был совсем другим человеком, вел правильный образ жизни и пел в церковном хоре. Именно тогда к нему подошел какой-то художник с предложением написать с него Христа. А потом – страшные потери, болезни, жестокие невзгоды и нищета его сломили… Сделали изгоем. Так стоит ли осуждать? Человек слаб.

Согласно мнению историков, Иисус и Иуда были списаны с одного и того же человека в разные периоды его жизни. Это еще раз подчеркивает тот неоспоримый факт, что Добро и Зло идут так близко, что грань между ними иногда стерта. Будем это помнить! Научимся прощать и будем великодушны. Вот к чему призывает эта бессмертная картина.

Никто не разгадает тайну Иуды и мифологию его Греха. Был ли он обычным человеком или Дьяволом, вступившим в единоборство с Учителем, устанавливая самый общий и самый жестокий закон на Земле – закон единства и борьбы противоположностей? Это потом будут Моцарт и Сальери, Дантес и Пушкин, гении революций и их палачи, метафизика любви и безумия…

Но это только преамбула к Тайне Великого Леонардо.

* * *

Леонардо да Винчи оказался новатором в прочтении библейского сюжета. Он создал одну из самых впечатляющих и загадочных в истории изобразительного искусства трактовок новозаветной сцены «Тайной вечери». Художник фактически разрушил классическую концепцию христианских Евангелий, что

можно сравнить с эффектом разорвавшейся бомбы, которая взрывает всю сложную, многогранную систему христианских кодов, учений и пророчеств. Но Гений Леонардо не знал границ. Он был выше – был над сакральной проблемой и над главной историей человечества.

Итак, мы в прохладном зале доминиканского монастыря Санта-Мария-делле-Грацие перед Вечной фреской. Самым обсуждаемым секретом фрески является фигура ученика, расположившегося по правую руку от Христа. По версии Великого Леонардо это не кто иной, как Мария Магдалина и ее месторасположение указывает на тот факт, что она была законной женой Иисуса. Этот факт подтверждает буква «М», которую образуют контуры тел пары. По мнению ученых буква «М» означает слово «Matrimonio», которое в переводе означает «брак». В пользу этого утверждения выступает упоминание во многих источниках о том, что Мария Магдалина омывала ноги Христу и вытирала их своими волосами. Согласно традициям, сделать это могла только законная жена. Более того, по этой версии: Мария Магдалина на момент казни Иисуса была беременной и родила впоследствии, на территории современной Франции, дочь Сару, которая положила начало династии Меровингов и этим принесла в мир «Святую Кровь».

Многие исследователи считают, что магическая буква «М» на фреске связана с образом таинственной женщины, имя которой Леонардо зашифровал. Имя этой женщины было под строжайшим запретом инквизиции. Художник рисковал не только своей репутацией, но и жизнью. Мятежные еретики повсюду горели на кострах. И все же, он смог иносказательно сообщить об угрозе, нависшей над судьбой этой Женщины «М»… Посмотрите внимательно на картину, вы видите, как протянутая рука зрительно режет ее изящно выгнутую шею? Угроза, заключенная в этом жесте, сомнений не вызывает. Мария Магдалина на фреске обреченно ждет своей участи столько столетий… – не зная о том, что Память о ней станет Величайшим Предательством истории.

* * *

Отношение к Марии Магдалине на протяжении веков было неоднозначным. Эпоха раннего христианства была временем почитания Марии Магдалины. В её честь возводили монастыри, церкви и часовни – которые, однако, с некоторых пор вдруг начали почему-то старательно уничтожать. Словно некая таинственная Сила захотела расправиться с ней – уничтожить ее

имя и стереть даже память о ней. Та же самая участь (разрушение!) постигла и церковь Марии Магдалины на главной площади Вены, возле собора святого Штефана. Сейчас очертания её границ обозначены на площади перед собором красным камнем, а спустившись на станцию метро, что под площадью, можно увидеть и фрагменты часовни святого Вергилия, которые в своё время находились прямо под зданием церкви Марии Магдалины. Часовня святого Вергилия когда-то принадлежала тамплиерам. Существует версия современных историков о том, что тамплиеры покровительствовали идее «Святой Крови» на Земле и поклонялись Марии Магдалине.

Отношение к Марии Магдалине на протяжении веков было неоднозначным. Эпоха раннего христианства была временем почитания Марии Магдалины. В её честь возводили монастыри, церкви и часовни – которые, однако, с некоторых пор, вдруг начали почему-то старательно уничтожать. Словно некая таинственная Сила захотела расправиться с ней – уничтожить ее имя и стереть даже память о ней. Та же самая участь (разрушение!) постигла и церковь Марии Магдалины на главной площади Вены, возле Собора Святого Стефана. Сейчас очертания её границ обозначены на площади перед собором красным камнем, а спустившись на станцию метро, что под площадью, можно увидеть и фрагменты часовни святого Вергилия, которые в своё время находились прямо под зданием церкви Марии Магдалины. Часовня святого Вергилия когда-то принадлежала тамплиерам. Существует версия современных историков о том, что тамплиеры покровительствовали идее «Святой Крови» на Земле и поклонялись Марии Магдалине.

Эта запутанная история доказала, что можно оболгать, очернить, растоптать, уничтожить доброе имя и сжечь на костре все воспоминания и все молитвы…. Нет более жестокой истории, чем Правда человечества. Кто-то возводит храм, а кто-то его разрушает… Но как это было на самом деле никому на Земле, увы, узнать не дано… Искать виновного – Тщетно!

Библия со времен распятия многократно переписывалась. Римские правители стремились создать механизм управления сознанием народа и для этого использовали вымышленные религиозные догматы. В средневековье людей сжигали на кострах и пытали во имя Бога, понятие о Храме Веры превратилось из духовного в материальное (золотые цепи, купола, кресты…). Первозданные источники христианства затерялись в темных страницах мрачного средневековья, обрели фальшивый блеск помпезности нового времени и дошли до нас непонятными и пугающе отстраненными – два тысячелетия не смогли сохранить

утраченную историю. Её еще предстоит разгадать.

На бессмертной картине Мария Магдалина расположена на самом почётном месте – зеркально относительно Иисуса. Это подчёркивается асимметричным решением не только одинаковости их одежды, но и симметричным решением цветовой гаммы мантий, плащей и даже причёски и цвета волос. Христос в красной мантии и синем плаще, на ней – наоборот: синяя мантия и красный плащ. И хотя краски на фреске частично осыпались, мы можем зрительно, силой воображения, восстановить первозданную гамму цветов одежды главных героев этой библейской истории. Если опросить зрителей, не искушённых в христианской традиции изображения учеников Иисуса, по поводу общей характеристики загадочной личности, сидящей рядом с Иисусом, то подавляющее большинство ответит однозначно, что они видят справа от Учителя молодую, прекрасную женщину… Изящно склонённая голова, скромно сложенные маленькие, миниатюрные руки указывают на принадлежность этого персонажа к женской персоне. Однако, в эпоху Леонардо да Винчи, в таком «живописном» облике было принято изображать самого молодого из учеников Иисуса – юного Иоанна, которому приписывается авторство четвёртого Евангелия в Новом Завете. Не путать с Иоанном Крестителем, зверски убитым царем Иродом по просьбе его приемной дочери Саломеи. Но это уже совсем другая история.

Странно, почему до Дэна Брауна на присутствие Марии Магдалины на этой тайной трапезе никто не обратил внимания? И если фигура справа от Иисуса – Мария Магдалина, то где тогда самый юный ученик Иисуса – Иоанн?

В своем нашумевшем романе Дэн Браун обращает внимание еще на одну загадку той роковой ночи: на картине изображена рука с ножом, угрожающе тянущаяся к Иуде… Рассмотрели? Рука анонимна, то есть не принадлежит никому. На этом основании Браун делает логический вывод – на Тайной вечере присутствовали не только 12 апостолов… Кто же был еще??? Кто этот непонятный Аноним???

Судя по оставшимся заметкам, Леонардо да Винчи неоднократно менял свои представления относительно идейного содержания будущей фрески. Понимая, что его конечное творение вышло за рамки традиционных представлений о канонической сцене, он не оставил потомкам письменных свидетельств авторского толкования непонятных фрагментов и образов картины. Так, например, половина из 12 присутствующих на Тайной вечере апостолов трактуется лишь предположительно. Известно, что Леонардо да Винчи любил такого рода

мистификации, а, поскольку объяснения с современниками не входили в его обычаи, то вокруг картины с самого начала возник ореол таинственности. Композиция картины тоже не случайна. По мнению многих исследователей – всех участников «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи разместил по знакам зодиака. Согласно этой легенде, Иисус был козерогом, а прекрасная Мария Магдалина – девой. Для чего художник создал этот необычный порядок? Что он хотел этим сказать? Существует много версий, но нет ответа.

Леонардо да Винчи был необычен во всем. Он опередил свое время на много веков вперед и всегда был устремлен в будущее. «Не оборачивайся, тот, кто устремлён к звезде», – писал он, обращаясь к тем, кто будет жить после него. Окруженный легендами еще при жизни, великий Леонардо хотел так много сказать своим современникам, но они его не смогли понять, его время еще не наступило. Все его записи – до сих пор закрытая книга.

Он писал зеркально, справа налево, все буквы развернуты по вертикальной оси на 180 градусов. Существует такое понятие, как феномен предвидения людей, пишущих зеркально. Такие люди (их совсем немного!) способны к восприятию с помощью органов чувств будущих событий. Нередко ТАКОЙ ПОЧЕРК встречается у сумасшедших, преступников и у гениев, это уже доказано современной медициной. Такие уникальные личности видят, слышат или каким-то иным образом чувствуют события, которые еще не наступили, а только проявятся в будущем. При «почерке Леонардо» движение руки при письме направлено справа налево, что соотносится с движением от будущих событий к прошлым. Так может, поэтому так интересны загадочные знаки его таинственных картин? Возможно, они обращены к нам?

Несколько лет назад венгерские и итальянские информационные технологи провели интересный эксперимент. Они просканировали оригинал картины «Тайная вечеря», наложили зеркальную полупрозрачную версию картины поверх оригинала и получили новую проекцию полотна. В новом изображении «Тайной вечери» у обоих концов стола стали видны контуры двух фигур, похожих на монахов-рыцарей. Кто это? Историки говорят, что эти рыцари похожи на тамплиеров. Ну а слева от Иисуса видны очертания женщины с младенцем на руках. Возможно, это наброски другой фрески Леонардо, где была изображена Дева Мария; а возможно – это Мария Магдалина с младенцем. Почему фантомы далеких событий древности спрятаны в пространстве картины? Кто ответит? Может, тени несостоявшихся событий истории сами вошли в эту фреску, как

скелеты в закрытом шкафу, чтобы напомнить о том, чего НЕ БЫЛО, что мы все потеряли..?

Итальянский композитор Джованни Мария Пала сообразил, что положение рук Христа и сидящих апостолов за столом, а также хлеба и другой скудной еды на нем, можно прочесть, как ноты в музыкальной записи. При проверке ноты зазвучали, как чарующая, нежная мелодия. Но о чем говорят эти дивные звуки никто так и не разгадал… Что это – вход в Зазеркалье, предостережение, предсказание или только улыбка пересмешника?

(Милан – Иерусалим, 2015)

notes

Примечания

1

*При подготовке серии очерков «Венское Ожерелье» использованы архивы открытых исторических источников.